

В. И. БОВЫКИН

РОССИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

*К изучению
социально-
экономических
предпосылок
Великой
Октябрьской
социалистической
революции*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

В. И. Бовыкин

РОССИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

*К изучению
социально-экономических
предпосылок
Великой Октябрьской
социалистической
революции*

Ответственный редактор

академик

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Москва · Наука · 1988

ББК 63 3(2) 524
Б 73

Рецензенты:

доктор исторических наук Ю. А. БУРАНОВ,
доктор исторических наук В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

Бовыкин В. И.

Б 73 Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. — М.: Наука, 1988. — 155 с.
ISBN 5—02—008438—7

Что представляла собой Россия к 1917 г., почему она оказалась «слабым» звеном мировой империалистической цепи, страной, где впервые в истории победила социалистическая революция? Явилось ли это результатом неповторимых особенностей развития нашей страны или проявлением общих закономерностей исторического процесса? Автор книги освещает важнейшие направления, по которым шло изучение социально-экономических предпосылок Октябрьской революции, анализирует спорные точки зрения, дает картину социально-экономического развития России в конце XIX—начале XX в., показывает ее место в мировой капиталистической системе.

Для историков и всех интересующихся отечественной историей.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Бовыкин Валерий Иванович

РОССИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

**К изучению социально-экономических предпосылок
Великой Октябрьской социалистической революции**

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства Л. В. Абрамова. Художник С. А. Резников. Художественный редактор М. Л. Храмцов. Технический редактор Т. С. Жарикова. Корректор Н. А. Несмеева
ИБ № 38145

Сдано в набор 29.09.87. Подписано к печати 21.04.88. А-11735. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5
Усл. кр. отт.-10,9. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 7800 экз. Тип. зак. 2051. Цена 90 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485 Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

Б $\frac{0505020000-121}{042(02)-88}$ 28—88—11

ББК 63.3(2)524

ISBN 5—02—008438—7

©Издательство «Наука», 1988

ВВЕДЕНИЕ

Социализм и Россия — эти два понятия оказались неразрывно связаны между собой 70 лет тому назад в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Почему именно Россия — страна, которая заметно отставала в социально-экономическом развитии от передовых капиталистических держав того времени, — стала родиной первого пролетарского государства, вступившего на путь социалистического строительства и тем самым положившего начало всемирно-историческому переходу от капитализма к социализму? Было ли это проявлением магистральных тенденций мирового общественного развития или отклонением от них? Эти вопросы, как, впрочем, и многие другие проблемы истории Великого Октября, продолжают вызывать споры. Значение переломных событий в жизни человечества, открывающих собой новые исторические эпохи, познается по мере того, как проявляются порожденные ими долгосрочные процессы. Уходя в прошлое, такие события как бы раскрываются перед нами своими новыми гранями. Вот почему, стремясь осмыслить окружающую нас действительность, представляющую собой наследие Великого Октября, мы вновь и вновь обращаемся к его истории.

Познание прошлого — сложная задача. Как и всякий процесс познания, оно происходит путем постоянного взаимодействия общих представлений, мировоззрения исследователя с выявляемой им информацией о конкретных проявлениях, фактах реальной, в данном случае исторической, действительности. В соответствии с этим разногласия, которые возникают при толковании и оценке событий прошлого, могут носить мировоззренческий и конкретно-исторический характер.

Историки-марксисты единодушны в признании закономерного характера Октябрьской революции. Они видят в ней проявление обусловленной всем ходом мирового общественного развития объективной потребности человечества в замене капитализма более высоким общественным строем. Это отнюдь не исключает споров между ними по вопросам истории этой революции.

Противников марксизма, отрицающих объективную необходимость перехода от капитализма к социализму, объединяет неприятие ими марксистско-ленинской трактовки характера Октябрьской революции и ее места во всемирно-историческом процессе. Однако спектр их разногласий, касающихся, в частности, причин, которые вызвали пролетарскую революцию в России, весьма широк.

Диалектика истории проявилась в том, что именно в России со вступлением мирового капитализма в империалистическую стадию сложились наиболее благоприятные объективные условия для победы пролетарской революции. Осознать это было не просто. В условиях сохранения в России политической власти помещиков и помещичьего землевладения, задерживавших буржуазную перестройку аграрного строя и всей экономической жизни страны, процессы капиталистической эволюции народного хозяйства нередко носили скрытый характер, выступая в своеобразной феодальной оболочке. До конца XIX в. в русской общественно-политической литературе велась дискуссия, идет ли развитие России по капиталистическому пути. Широкое распространение имел тезис народников о том, что крупная промышленность, железные дороги и капиталистическая кредитная система в России представляли собой результат искусственного насаждения капитализма, осуществлявшегося царскими властями вопреки естественному ходу экономического развития. Если народники не хотели замечать капитализма в России, то легальные марксисты и либералы, приветствовавшие капиталистическое развитие страны, не смогли понять его глубинных пружин и придавали решающее значение экономической политике царизма.

Нужен был гений В. И. Ленина, чтобы раскрыть чрезвычайно сложный и противоречивый механизм капиталистического развития России и увидеть те революционные перспективы, которые оно открывало перед молодым российским пролетариатом. Это позволило выработать стратегию и тактику большевистской партии, возглавившей российский пролетариат и приведший его к победе в октябре 1917 г.

Учение Ленина об объективных предпосылках социалистической революции, его концепция социально-экономического развития России и места ее в мировой системе капитализма, прошедшие тем самым проверку на практике освободительной борьбы российского пролетариата, послужили основой ретроспективного изучения советскими историками процессов капиталистического развития России, обусловивших историческую необходимость социалистических преобразований. Начавшись по свежим следам событий Октябрьской революции, оно прошло ряд этапов. Каждый из них, решая свой круг проблем, на которых концентрировалось внимание исследователей, являлся своего рода ступенью в постижении истории Великого Октября. Но каждый такой этап, принося определенные достижения, имел и свои издержки. Проблемы и противоречия изучения социально-экономических предпосылок Октябрьской революции в советской историографии сами уже стали объектом исторического анализа¹.

¹ См.: *Тарновский К. Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964; *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1966. Т. 4. С. 368—398; 1985. Т. 5. С. 316—338; *Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС: Дооктябрьский период.* М., 1978. Вып. 2. С. 86—91; *Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции.* М., 1981. С. 27—55; *Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС.* М., 1982. С. 411—420; *Новое в исторической науке.* М., 1984. С. 39—48.

Имеет свою историю освещение причин этой революции в буржуазной историографии. Она тоже неоднократно анализировалась в специальных исследованиях ².

Автор данной книги видит свою задачу в том, чтобы на основе многочисленных исследований, посвященных отдельным процессам капиталистического развития России, воссоздать общую картину и выяснить, что представляла собой наша страна в социально-экономическом отношении накануне 1917 г. Он надеется, что это поможет уяснению итогов изучения социально-экономических предпосылок Октябрьской революции, имеющих спорных проблем и путей их решения.

² *Марушкин Б. И.* История и политика. М., 1968; *Иглицкий Ю. И.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М., 1974; *Наумов Н. В.* Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975; *Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В.* Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983.

Глава первая

ЛЕНИН

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Еще на заре капиталистической эпохи лучшие умы человечества стали задумываться об обществе, которое было бы лишено пороков, свойственных зарождавшемуся капитализму. Так возник утопический социализм. К. Маркс и Ф. Энгельс превратили социализм из утопии в науку. Открыв объективные законы общественного развития, установив историческое место капитализма как последней социально-экономической формации, основанной на частной собственности и эксплуатации человека человеком, доказав неотвратимость его замены более справедливым и совершенным строем — социализмом, определив, что могильщиком капитализма и ведущей силой революционного преобразования общества должен стать пролетариат, они положили начало созданию теории социалистической революции.

Ее исходные положения были изложены К. Марксом и Ф. Энгельсом еще накануне революций 1848 г. В «Манифесте Коммунистической партии» ими была указана главная причина, ведущая к гибели капитализма: возрастающее несоответствие «тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства», развивавшимся производительным силам¹. Как отмечал Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма», развитие производительных сил, выражающееся в росте крупной промышленности, обуславливает не только необходимость уничтожения строя, основанного на частной собственности, но и возможность создания нового общества. Он писал: «...именно то свойство крупной промышленности, которое в современном обществе порождает всю нищету и все торговые кризисы, явится при другой общественной организации как раз тем свойством, которое уничтожит эту нищету, и эти приносящие бедствия колебания»². Ф. Энгельс подчеркивал объективный характер процесса созревания революций. Он обращал внимание на то, что «революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов»³.

Опыт революций 1848 г. позволил конкретизировать это положение. В 1850 г., анализируя уроки классовой борьбы во Франции, К. Маркс писал: «...когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 429.

² Там же. С. 329.

³ Там же. С. 331.

буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в те периоды, когда *оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие. . . Новая революция возможна только вслед за новым кризисом*»⁴.

Так, впитывая в себя опыт истории, стала обогащаться и совершенствоваться создававшаяся К. Марксом и Ф. Энгельсом теория социалистической революции. Вместе с тем развивались и уточнялись содержащиеся в ней положения об объективных ее предпосылках.

Работа, начатая Марксом и Энгельсом, была продолжена Лениным. Качественные изменения, происшедшие в развитии капитализма со вступлением его в империалистическую стадию, в силу которых переход от капитализма к социализму стал настоящей исторической необходимостью, выдвинули задачу более обстоятельного и конкретного анализа путей этого перехода. Перемещение центра международного рабочего движения в Россию потребовало осмысления ее места в мировом революционном процессе в начале XX в. Решение В. И. Лениным этих задач, составив огромный вклад в теорию социалистической революции, послужило решающим условием ее практического осуществления.

Ленинское учение об объективных социально-экономических предпосылках социалистических преобразований и возможности их осуществления в России складывалось на протяжении почти трех десятилетий. Разработка его прошла несколько этапов. В. И. Ленин начал в 1894—1904 гг. с защиты марксизма от нападок со стороны народников и извращения оппортунистами. Он доказал незыблемость положения об исторической необходимости перехода от капитализма к социализму и, раскрыв механизм капиталистического развития России, обосновал необходимость выдвижения в качестве главной цели освободительной борьбы российского пролетариата осуществление социалистической революции.

Исключительно важным шагом в развитии ленинского учения в 1905—1907 гг. стал анализ проблемы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В 1907—1914 гг. оно пополнилось рассмотрением условий возникновения революционной ситуации. Во время первой мировой войны Лениным была создана теория империализма как высшей, конечной стадии капитализма, обоснована объективная необходимость победы социалистической революции первоначально в одной стране, освещен вопрос материальной подготовки социализма, выяснена роль государственно-монополистического капитализма в этой подготовке, доказана возможность социалистической революции в России. На этом этапе отдельные составные части ленинского учения слились вместе, образовав стройную единую систему.

Наконец, в послеоктябрьский период Ленин не раз обращался к проблеме объективных социально-экономических предпосылок социалистических преобразований, анализируя их с учетом опыта Октябрьской революции и первых лет существования Советского государства.

Рассмотрим ленинские высказывания по интересующей нас проблеме объективных социально-экономических предпосылок в России в их

⁴ Там же. Т. 7. С. 100.

взаимосвязи, как единую систему взглядов. У нас есть при этом возможность взять за основу результаты той большой работы, которая была проделана советскими историками, социологами и философами по изучению марксистско-ленинской теории социалистической революции под углом зрения исторического опыта ее воплощения в практике революционной борьбы⁵.

* * *

Согласно ленинской теории социалистической революции, процесс созревания социально-экономических предпосылок социалистической революции в России представлял собой выражение объективной потребности мировой системы капитализма в переходе к социализму.

Признание единства мирового революционного процесса в эпоху империализма, международного характера социалистической революции и ее созревания составляет, как известно, важнейшее положение ленинской теории социалистической революции⁶. Международный характер социальной революции пролетариата был обусловлен всемирным масштабом развития капитализма. Превращение капитализма во всеохватывающую мировую систему означало, что капиталистические противоречия приобрели глобальный масштаб, что они сплелись в единый узел. Капиталистическая система, распространившись на весь мир, созрела в целом для перехода к социализму. Потребность в социалистической революции стала в эпоху империализма всемирной.

Но из этого не следовало, как показал Ленин, что социалистическая революция должна охватить одновременно весь мир. Реализация назрев-

⁵ См.: Ленинская теория социалистической революции и современность. 1-е изд. М., 1972; 2-е изд. М., 1975; *Красин Ю. А.* Ленин, революция, современность: Проблемы ленинской теории социалистической революции. М., 1967; *Он же.* Теория социалистической революции: Ленинское наследие и современность. М., 1977; *Зародов К. И.* Три революции в России и наше время. 1-е изд. М., 1975; 2-е изд. М., 1977. Кроме этих работ, см.: *Ковалев А. М.* Марксистско-ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1967; *Он же.* Социальная революция. М., 1969; *Хохлюк Г. С.* Ленинское учение о революционной ситуации и современность. М., 1967; *Плотников И. П.* Ленинская теория социалистической революции. Свердловск, 1968; *Акимов Н. И.* Развитие Ленинской теории социалистической революции. М., 1969; Объективные и субъективные факторы исторического процесса. М., 1969; *Федоров А. В.* Ленинская теория социалистической революции. М., 1969; *Виноградов И. Т.* К вопросу о взаимодействии объективных условий и субъективного фактора в мировом революционном процессе. М., 1970; *Зародов К. И.* Ленинизм и современные проблемы борьбы за социализм. М., 1970; *Селезнев М. А.* Социальная революция. М., 1971; Международное коммунистическое движение: Очерк стратегии и тактики. М., 1972; Стратегия и тактика большевистской партии в борьбе за диктатуру пролетариата (1903—1917 гг.). М., 1972; Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1976—1978. Т. 1—3; *Розенталь М. И.* Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976; *Зародов К. И.* Ленинизм и современные проблемы перехода от капитализма к социализму. М., 1981; Исторический опыт трех российских революций. М., 1895—1986. Т. 1—2; и др.

⁶ См.: *Красин Ю. А.* Ленин, революция, современность; Ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1975; *Водолазов Г. Г.* Диалектика и революция: (Методологические проблемы социальной революции). М., 1975; *Зародов К. И.* Три революции в России и наше время. М., 1975.

шей всемирной потребности в замене капитализма более высоким общественным строем оказалась возможна лишь на пути осуществления социалистических революций первоначально в отдельных странах. Причина — неравномерность капиталистического развития, особенно обострившаяся в эпоху империализма, и, следовательно, неравномерность созревания объективных и субъективных предпосылок социалистической революции в разных звеньях мировой системы капитализма.

В силу той же причины готовность мировой капиталистической системы в целом к социалистической революции отнюдь не означала, что такая революция может быть начата в любом месте. Поскольку существование передовых капиталистических государств было немыслимо без эксплуатации менее развитых и отсталых стран, постольку последние составляли такой же необходимый компонент мировой капиталистической системы, что и передовые. В результате на большей части земного шара социалистическая революция не могла произойти, как отмечал В. И. Ленин, «по той простой причине, что большинство стран и большинство населения земли до сих пор стоят еще даже не на капиталистической или только в начале капиталистической ступени развития»⁷. Именно в этой связи В. И. Ленин выдвинул проблему «объективных условий социальной революции с точки зрения экономической зрелости разных стран...»⁸.

Отмечая, что предпосылки и капитализма и социализма складываются в недрах предшествующего строя, В. И. Ленин вместе с тем указывал на специфику созревания социалистической революции в отличие от революции буржуазной. Поскольку феодальное общество создает готовые формы капиталистических отношений, задача буржуазной революции сводится лишь к тому, чтобы снести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества и тем самым усилить рост капитализма. Между тем в рамках капитализма готовые социалистические отношения не складываются. Поэтому социалистическая революция должна не только уничтожить прежние отношения, но и создать новые⁹. Иначе говоря, наряду с разрушительными на ней лежат сложные созидательные функции, так как в ее задачу входит «организация социализма на развалинах капитализма»¹⁰.

В чем же тогда состоят порожденные капитализмом объективные социально-экономические предпосылки социалистической революции? В том, что капитализм сам создает своего могильщика в лице пролетариата и подготавливает условия для выполнения им его исторической миссии.

Разъясняя это краеугольное положение марксизма, В. И. Ленин обращал внимание на то, что возможность перехода власти в руки пролетариата обеспечивается «лишь известной высотой капиталистического развития», при которой, во-первых, пролетариат выделяется в особый класс, прошедший необходимое воспитание и обучение в классовой борьбе, во-вторых, создаются центры, играющие такую экономическую и политическую роль, что овладение ими позволяет пролетариату

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 110—111.

⁸ Там же. С. 112.

⁹ См.: Там же. Т. 36. С. 5—7.

¹⁰ Там же. Т. 40. С. 11.

овладеть «всей государственной властью или, вернее, ее жизненным нервом, сердцевинной, узлом», в-третьих, устанавливается родственная близость между положением пролетариата и непролетарских трудящихся масс, необходимая «для успеха его воздействия на них»¹¹. При этом совсем не обязательно, чтобы развитие капитализма достигло такой стадии, когда в результате индустриализации населения пролетариат стал бы составлять его большинство. Он способен низвергнуть буржуазию, даже составляя меньшинство населения, поскольку «экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма» и «выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме»¹².

В литературе, посвященной анализу ленинской теории социалистической революции, давно уже обращено внимание на то, что Ленин различал две стороны процесса созревания объективных условий пролетарской революции¹³. Развитие капитализма, проявляющееся в бурном росте производительных сил и гигантском обобществлении производства, приводит к тому, что рамки капиталистических производственных отношений, основанных на частной собственности на средства производства, оказываются слишком узкими для дальнейшего общественного прогресса. Этот главный конфликт зрелого капиталистического общества находит свое выражение в нарастающих экономических противоречиях, социальных антагонизмах и политических коллизиях. Со вступлением капитализма в империалистическую стадию они обостряются до предела. Проявлением этого явилась первая мировая война, означавшая начало общего кризиса капитализма. В результате в отдельных звеньях капиталистической системы, где обострение экономических, социальных и политических противоречий приводит к возникновению **революционной ситуации**, складываются условия для низвержения господства буржуазии и перехода политической власти в руки пролетариата.

Вместе с тем господство монополий и финансового капитала, подняв обобществление производства на высшую возможную при капиталистической формации ступень, не только довело до предела противоречия капитализма, но и создало материальные основы социалистического преобразования народного хозяйства. А порожденная империализмом первая мировая война не только способствовала назреванию пролетарского восстания, но и ускорила превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, представляющий собой завершающую стадию **материальной** подготовки социализма¹⁴.

Возникновение условий для перехода политической власти к пролетариату и складывание материальных основ для замены капиталистических производственных отношений социалистическими — две стороны процесса созревания объективных предпосылок социализма. Во всемирно-

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 14—15.

¹² Там же. С. 23.

¹³ См.: Красин Ю. А. Ленин, революция, современность. С. 48. Ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1975. С. 231. Специально этому вопросу посвящена статья В. В. Загладина «Предпосылки социализма и борьба за социализм» (Вопр. философии. 1975. № 10. С. 39—51).

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 193.

исторических рамках они органически, неразрывно связаны между собой. Но в отдельных странах вследствие неравномерности капиталистического развития указанный процесс проявляется в большей мере то одной, то другой своей стороной.

Ленин неоднократно отмечал, что передовые капиталистические государства в отношении материальной подготовки вполне созрели для социализма, ибо «механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов». Поэтому нужно только «свергнуть капиталистов... сломать бюрократическую машину современного государства — и пред нами освобожденный от „паразита“ высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие...»¹⁵. Однако именно в таких передовых капиталистических странах условия для назревания революционного взрыва и низвержения господства буржуазии оказываются, как указывал В. И. Ленин, менее благоприятными. Буржуазия там сильнее, опытней и организованней. Угнетая и эксплуатируя отсталые народы, она имеет возможность подкупать верхушку своего пролетариата крохами из получаемой ею сверхприбыли¹⁶. В результате буржуазии передовых капиталистических стран удастся выделить слой рабочей аристократии и внести глубокий раскол в пролетариат¹⁷. Все это затрудняет его революционное выступление против капиталистического строя.

В странах, «которые не принадлежат к числу эксплуатирующих стран», «легче начинается движение...»¹⁸. Но такие страны отстают «по степени подготовки к материально-производственному „введению“ социализма»¹⁹. Поэтому «чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим»²⁰.

Размышляя о материальных предпосылках социализма, Ленин прежде всего обращал внимание на крупные банки, поскольку они представляют собой «центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства»²¹, овладение которыми позволяет пролетариату взять в свои руки готовый аппарат народнохозяйственного учета и контроля. «Без крупных банков социализм был бы неосуществим», — писал Ленин²². В характерной для империализма новой роли банков он видел выражение того, что монополистический капитализм, доведя обобществление производства и взаимозависимость различных отраслей народного хозяйства до высшей степени, делал его готовым для социалистических преобразований. Первостепенное значение в такой подготовке играли наряду и вместе с банками монополистические объединения, которые в условиях войны стали интенсивно

¹⁵ Там же. Т. 33. С. 50.

¹⁶ См.: Там же. Т. 26. С. 149; Т. 30. С. 107; Т. 35. С. 303; Т. 39. С. 98—99.

¹⁷ См.: Там же. Т. 40. С. 203; Т. 41. С. 193.

¹⁸ Там же. Т. 35. С. 279; см. также; Т. 34. С. 371.

¹⁹ Там же. Т. 43. С. 216.

²⁰ Там же. Т. 36. С. 5—6.

²¹ Там же. Т. 34. С. 161—162.

²² Там же. Т. 34. С. 307.

срачиваться с государственным аппаратом. Возникающий в результате этого срачивания государственно-монополистический капитализм, по оценке Ленина, «есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»²³.

Ленин полагал также, что задача экономической организации социализма не может быть решена «без крупного машинного производства, без более или менее развитой сети железных дорог, почтово-телеграфных сообщений, без более или менее развитой сети учреждений народного образования...»²⁴. К экономическим предпосылкам социалистического переустройства общества, по его мнению, принадлежали и «поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем „обучение и дисциплинирование“ миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д. и т. п.»²⁵.

Все это, вместе взятое, составляет ту идеальную совокупность материальных предпосылок социализма, которая открывает возможность немедленного непосредственного осуществления социалистических преобразований. Однако из этого не следует, указывал Ленин, что пролетариату не нужно брать власть до тех пор, пока все перечисленные предпосылки не созреют полностью. Если в стране имеется налицо хотя бы «целый ряд из первоначальных предпосылок» для перехода к социализму, то в условиях сложившегося международного общения отсутствующие предпосылки могут быть заимствованы «из практического опыта соседних, гораздо более передовых, стран...»²⁶. Вот почему, как отмечал Ленин, «переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах, в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство»²⁷. В первом случае возможен «непосредственный» переход. Во втором — такой переход экономически невозможен, ибо нельзя «осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму...». Здесь пролетариат, завоевав политическую власть, должен наряду с осуществлением социалистического преобразования банков, крупной промышленности, железных дорог и т. п. позаботиться «о посредствующих звеньях», способных подготовить остальные сферы народного хозяйства, в которых господствует мелкое производство, к переходу к социализму²⁸.

Итак, согласно ленинскому учению о социалистической революции, необходимым условием перехода от капитализма к социализму является завоевание пролетариатом политической власти. Вместе с тем, как подчеркивал Ленин, восстание пролетариата не способно создать социализм,

²³ Там же. Т. 34. С. 193; см. также: С. 161—171.

²⁴ Там же. Т. 36. С. 130—131.

²⁵ Там же. Т. 33. С. 100.

²⁶ Там же. Т. 36. С. 131; см. также: С. 306.

²⁷ Там же. Т. 43. С. 78.

²⁸ Там же. Т. 43. С. 229; см. также: С. 57—58.

«если он не созрел экономически...»²⁹. Для обеспечения возможности перехода от капитализма к социализму необходимы известная высота капиталистического развития, наличие хотя бы первоначальных материальных предпосылок социалистического преобразования народного хозяйства.

В силу неравномерности созревания условий для завоевания политической власти пролетариатом и для осуществления им экономической организации социализма объективные предпосылки для победы социалистической революции создаются лишь в тех звеньях мировой капиталистической системы, где возникает оптимальное сочетание этих условий. В начале XX в. именно таким слабым звеном системы капитализма становится Россия.

* * *

Вопросу о месте России в мировой капиталистической системе посвящены многие страницы ленинских произведений. Рассмотрение этого вопроса В. И. Лениным было тесно связано с обоснованием им возможности применения к России теории Маркса. Выявление сходных черт социально-экономического развития России и других капиталистических стран представляло собой главное направление ленинского сравнительно-исторического анализа.

Важнейшим результатом этого анализа было установление принципиальной тождественности общественно-хозяйственного строя России и стран Западной Европы. Раскрыв в работах 90-х годов механизм, формы и направления процесса социально-экономической эволюции России, Ленин доказал бесповоротность ее вступления на путь капитализма и развития по его законам. Он отмечал при этом, что тождественность основных черт процесса капиталистической эволюции в Западной Европе и России проявляется, «несмотря на громадные особенности последней как в экономическом, так и во внеэкономическом отношении»³⁰. То, что «и в России мы видим те же *основные* процессы развития капитализма», подчеркивал он, не должно вести «к забвению *особенностей* России...»³¹. Вот почему, выявляя общность исторических судеб России и стран Западной Европы, Ленин вместе с тем обращал внимание и на специфические черты капиталистического развития России, отметив влияние на него таких факторов, как многочисленные пережитки крепостничества и особенно благоприятные условия для развития капитализма вширь. Уже в те годы он указал также на свойственное России противоречие «между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни...»³².

Эти особенности капиталистической эволюции России Ленин не рассматривал как нечто исключительное, выходящее за рамки общих закономерностей развития капитализма, а видел в них лишь большую степень проявления тех же черт, которые были свойственны и другим капитали-

²⁹ Там же. Т. 34. С. 193.

³⁰ Там же. Т. 3. С. 7.

³¹ Там же. Т. 4. С. 220.

³² Там же. Т. 3. С. 596.

стическим странам. Так, говоря о торможении развития капитализма в России учреждениями старины, он отмечал, что «ни в одной капиталистической стране» они «не уцелели в таком обилии. . .»³³; указывая на то, что Россия «находится в особенно выгодных условиях сравнительно с другими капиталистическими странами» в отношении возможности для развития капитализма вширь, пояснял, что «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства. . .»³⁴; констатируя диспропорцию между капиталистическим развитием промышленности и земледелия, подчеркивал, что «*везде и всегда* капитализм означает *более быстрое* развитие торговли и промышленности сравнительно с земледелием. . .»³⁵.

В особенностях России Ленин прежде всего усматривал проявление более ранней стадии капиталистического развития. «Капиталистическая эволюция, — писал он, — настолько сблизила уже *общий* экономический строй не только западноевропейских государств по сравнению друг с другом, но и России по сравнению с Западом, что *основные черты* экономики крестьянского хозяйства в Германии оказываются те же, что и в России. Только тот процесс разложения крестьянства, который был подробно доказан русской марксистской литературой, в России находится на одной из начальных стадий развития. . .»³⁶.

Вместе с тем размышления об особенностях капиталистической эволюции России по сравнению с передовыми странами Западной Европы навели Ленина на мысль о возможности различных **типов** развития капитализма, ибо отдельные черты капиталистической эволюции России, не будучи свойственны всем странам, тем не менее являлись типичными для многих из них. Эта мысль легла в основу ленинского учения о двух основных типах капиталистического развития — «американском» («крестьянском») и «прусском» («помещичьем») — в зависимости от того, разрушалось или сохранялось в ходе буржуазного переустройства общества помещичье землевладение, утрачивали или удерживали помещики политическое господство в государстве³⁷. Ко второму типу капиталистического развития наряду с Германией, а также такими странами, как Австро-Венгрия, Италия, Япония, Ленин относил и Россию.

Однако, обращая внимание на типовое единообразие капиталистического развития России и Германии, Ленин в то же время отмечал, что эти страны в начале XX в. переживают «принципиально иные эпохи капитализма»: Россия — эпоху «до окончательного утверждения национального пути капитализма», а Германия — эпоху «после такого утверждения»³⁸.

Для понимания смысла, который вкладывал Ленин в понятие «эпохи капитализма», представляет интерес его указание на различие в толковании термина «завершение» буржуазно-демократической революции.

³³ Там же. С. 601.

³⁴ Там же. Т. 3. С. 595—596.

³⁵ Там же. Т. 2. С. 203.

³⁶ Там же. Т. 5. С. 187.

³⁷ См.: Там же. Т. 3. С. 14—16; Т. 16. С. 215—219, 424; Т. 17. С. 29—30, 125—130, 150—151; Т. 20. С. 168—169; Т. 24. С. 6—7; Т. 47. С. 226—227.

³⁸ Там же. Т. 47. С. 231—232.

В узком смысле, пояснял он, под ним «имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из „волн“. . . которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций». А в широком — «разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, „завершение“ ее, т. е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция *завершена* была лишь 1871 годом (а начата в 1789 г.)»³⁹. Завершение буржуазно-демократической революции в широком смысле и составляло тот рубеж, который отделил эпохи капитализма, переживаемые Россией и Германией. В Германии, так же как и в других передовых капиталистических государствах Западной Европы, задачи буржуазной революции были решены, а в России нет. Она переживала еще «эпоху буржуазных революций»⁴⁰. И поскольку здесь еще продолжалась борьба из-за задач буржуазной революции, постольку не была исключена возможность их различного решения. Вот почему в отличие от Германии, которая «окончательно сложилась, как юнкерски-буржуазная страна»⁴¹, для России еще был возможен *иной* путь капиталистического аграрного развития, не „прусский“, а „американский“, не помещичьи-буржуазный (или юнкерский), а крестьянски-буржуазный»⁴².

Придавая большое значение учету различия «между странами с давно законченными и с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями» при сравнении «политического и экономического развития разных стран», Ленин обратил внимание на важный **признак** такого различия: «во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями»⁴³. Он указал на «необходимость строго различать две, коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма». Первая — «эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства», для которой «типично пробуждение национальных движений». Вторая — «эпоха вполне сложившихся капиталистических государств», для которой «типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений»⁴⁴. На этой основе Лениным были выделены «три типа стран в отношении к самоопределению наций»:

1) передовые капиталистические страны Западной Европы и США, «где национальное движение — *прошлое*»;

2) восток Европы (Австрия, Балканы, Россия), «где оно — *настоящее*»;

3) полуколонии и колонии, «где оно — в значительной степени — *будущее*»⁴⁵.

³⁹ Там же. Т. 19. С. 246—247.

⁴⁰ Там же. Т. 20. С. 306; см. также: Т. 20. С. 307; Т. 21. С. 88.

⁴¹ Там же. Т. 16. С. 409.

⁴² Там же. Т. 17. С. 30.

⁴³ Там же. Т. 25. С. 258, 268—269.

⁴⁴ Там же. Т. 25. С. 264.

⁴⁵ Там же. Т. 27. С. 260—261; Т. 30. С. 88; см. также: Т. 25. С. 269; Т. 30. С. 351—356.

Таким образом, государства, «общая капиталистическая природа» и «общий закон развития» которых были, по мнению Ленина, «несомненны»⁴⁶, группировались им, во-первых, исходя из **типа** капиталистического развития и, во-вторых, учитывая его **стадию**. В частности, Россию он относил к государствам прусского типа с незавершенными буржуазными преобразованиями.

Эти государства составляли как бы второй эшелон мирового капитализма. Они вступили на путь капиталистического развития, когда капитализм, победив в нескольких передовых странах Западной Европы, стал расширять сферу своего господства, ломая, деформируя и преобразуя отставшие общественные структуры. В результате их капиталистическое развитие происходило под воздействием извне, со стороны мирового капитализма и олицетворявших его передовых капиталистических стран Западной Европы. Еще в «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин обратил внимание на это обстоятельство, отметив, что «развитие капитализма в молодых странах значительно *ускоряется* примером и помощью старых стран»⁴⁷. В дальнейшем он неоднократно указывал на то, что прежняя патриархальная Россия «стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма»⁴⁸, что «весь мировой капитализм, вся сила международного обмена, вся мощь миллиардных капиталов буржуазии всех стран тянет за собой Россию. . .»⁴⁹.

Однако Ленин видел и обратную сторону воздействия мирового капитализма на страны, запоздавшие со вступлением на капиталистический путь: превращение этих стран в должников горстки «богатых» государств, усиление диспропорций их экономического и социального развития. В произведениях Ленина содержится немало указаний на это, особенно применительно к России.

Ускоряя прежде всего развитие крупной промышленности, воздействие мирового капитализма обостряло отмеченное Лениным в «Развитии капитализма в России» противоречие, которое обуславливалось одновременным существованием «самых передовых форм промышленности и полусредневековых форм земледелия. . .»⁵⁰. «. . . Противоречие между сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни становится вопиющим. . .», — писал Ленин в конце 1907 г.⁵¹

Российский капитализм вступил в эпоху империализма, не завершив тех социальных преобразований, которые составляли содержание эпохи буржуазно-демократической революции. Монополии и финансовый капитал соседствовали в России с помещичьим землевладением и царским самодержавием. Две эпохи капиталистического развития — подъема капитализма и его краха — как бы спрессовались в истории России начала XX в. в единое, неразрывное целое. Задачи буржуазно-демо-

⁴⁶ См.: Там же. Т. 25. С. 268.

⁴⁷ Там же. Т. 3. С. 490.

⁴⁸ Там же. Т. 20. С. 39.

⁴⁹ Там же. Т. 24. С. 5; см. также: Т. 24. С. 317; Т. 25. С. 164.

⁵⁰ Там же. Т. 3. С. 596.

⁵¹ Там же. Т. 16. С. 301.

кратической революции еще не были решены, а уже назрели и все более настоятельно требовали своего разрешения задачи социалистической революции.

Следствием этого было наличие в России одновременно двух «социальных войн». «Борьба между пролетариатом и буржуазией стоит на очереди дня во всей Европе. Эта борьба давно перекинулась уже и в Россию», — отмечал Ленин в сентябре 1905 г. Но, продолжал он, «в современной России не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества»⁵².

Наличие двух социальных войн в России начала XX в. предопределило необычную для эпохи буржуазной революции расстановку классовых сил. Главной, ведущей силой революционного движения в России стал пролетариат. Провозгласив в качестве основной задачи борьбу за социализм, он рассматривал завершение буржуазных преобразований в стране в качестве необходимого промежуточного этапа на пути к выполнению своей исторической миссии. Спустя четыре года после победы Великой Октябрьской социалистической революции Ленин, анализируя прошлое, писал: «Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как „побочный продукт“ нашей главной и настоящей, *пролетарски-революционной, социалистической работы*»⁵³.

Хотя интересы развития капитализма в России неизбежно порождали буржуазную оппозицию самодержавию, «политически поработенная» российская буржуазия, которая уже давно правила страной экономически, не хотела и не могла обойтись без Марковых и Пуришкевичей, господство которых она стремилась лишь «умерять»⁵⁴. В результате победа буржуазной революции в России была «невозможна как победа буржуазии»⁵⁵. Интересы буржуазии и крестьянства в буржуазно-демократической революции оказались здесь противоположны, а интересы крестьянства и пролетариата — едины. Лишь союз пролетариата и крестьянства представлял собой ту силу, которая была способна одержать «решительную победу над царизмом»⁵⁶.

Все это обусловило, как указывал Ленин, «особый характер» буржуазной революции в России⁵⁷, ее особую роль в революционном процессе. При наличии в стране одновременно двух социальных войн и в условиях далеко зашедшего переплетения интересов самодержавия и буржуазии

⁵² Там же. Т. 11. С. 282—283.

⁵³ Там же. Т. 44. С. 147.

⁵⁴ См.: Там же. Т. 6. С. 266—267; Т. 16. С. 301; Т. 20. С. 188, 190, 329—330; Т. 21. С. 39, 86—87, 220, 300; Т. 22. С. 62, 302—303; Т. 23. С. 106, 361, 379; Т. 24. С. 183; Т. 27. С. 78; Т. 31. С. 18.

⁵⁵ Там же. Т. 17. С. 44.

⁵⁶ Там же. Т. 11. С. 44; Т. 21. С. 300.

⁵⁷ Там же. Т. 17. С. 44.

доведение буржуазно-демократической революции до полной победы неизбежно вело к ее перерастанию в революцию социалистическую, ибо, уничтожая остатки крепостничества, она наносила удар и по позициям сросшейся с ними российской буржуазии. Вот почему буржуазно-демократическая революция, осуществленная пролетариатом в союзе с крестьянством, т. е. классами, заинтересованными в наиболее полной ее победе, должна была послужить преддверием социалистической революции в России.

Гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции позволяла ему создать наиболее благоприятные условия для перехода от решения буржуазно-демократических задач к борьбе за социализм. Она давала возможность пролетариату накопить опыт революционного руководства трудящимися массами, начать сплачивание сил, готовых идти вместе с пролетариатом на социалистическую революцию, выработать необходимые «формы пролетарской революционной организации...»⁵⁸.

Наряду со своеобразным слиянием пролетарской революции против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков складыванию в России наиболее благоприятных условий для овладения пролетариатом политической властью способствовало также не менее своеобразное соединение порожденной развитым капитализмом классовой борьбы пролетариата со свойственным эпохе буржуазной революции национальным движением.

Как указывал Ленин, Россия в отличие от капиталистических государств с законченными буржуазно-демократическими преобразованиями представляла собой многонациональное государство, где среди населения преобладали угнетенные народы. Лишь меньшая их часть населяла территории, которые можно отнести к колониям капиталистического типа. Большинство же составляли жители «политически *зависимых*» территорий — наследия феодальной эпохи. Находясь в состоянии политической зависимости от метрополии и испытывая тяжелый национальный гнет, они в отличие от населения колоний не подвергались экономической эксплуатации со стороны господствующей нации⁵⁹. К тому же она сама находилась в зависимости от «финансового капитала „богатых“ буржуазных стран»⁶⁰. Вот почему, противопоставляя Россию кучке «богатейших империалистских стран, паразитически наживающихся грабежом колоний и слабых наций», Ленин относил ее к числу стран, которые «подвергаются империалистскому грабежу...»⁶¹.

В результате факторы, мешавшие созреванию революционного взрыва в богатейших колониальных державах, «которые грабят империалистски много колоний и чужих стран, делая таким образом очень большую (сравнительно) часть своего населения *участником* дележа империа-

⁵⁸ Там же. Т. 38. С. 307. Подробный анализ ленинских взглядов по этому вопросу см.: Красин Ю. А. Ленин, революция, современность. С. 317—325.

⁵⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 700; Ленинский сборник. Т. 30. С. 288. Ленин также называл такие страны «прямозависимыми политически» (Ленинский сборник. Т. 30. С. 287).

⁶⁰ Там же. Т. 25. С. 261; см. также: Т. 27. С. 358.

⁶¹ Там же. Т. 34. С. 371.

листной добычи»⁶², в России не действовали. Более того, наличие в составе ее населения многих угнетенных народов, действительное национальное освобождение которых при сложившейся расстановке классовых сил могла принести лишь борьба пролетариата, создавало предпосылки для поддержки этой борьбы широкими трудящимися массами национальных районов страны.

И, наконец, еще одно обстоятельство, на которое обращал внимание Ленин: «ни одна страна не была так истерзана и измучена войной, как Россия»⁶³.

Таковы те объективные предпосылки, в силу которых «для такой страны, как Россия, было гораздо легче начать социалистическую революцию, чем для передовых стран»⁶⁴.

* * *

В. И. Ленин указывал на то, что российскому пролетариату удалось первому из отрядов международной пролетарской армии взять политическую власть лишь «в меру исключительных условий России. . .»⁶⁵. Но он всегда категорически возражал тем, кто пытался утверждать, что пролетарская революция в России была преждевременной, так как страна еще не созрела до социализма. В России, неоднократно подчеркивал Ленин, вполне сложился тот необходимый минимум материальных предпосылок, который позволял пролетариату, овладевшему политической властью, начать переход к социализму. Еще с конца 90-х годов он обращал внимание на быстрый рост в России крупной промышленности и банков, на развитие монополий и усиление их власти. «Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом „Продуголь“, „Продамет“, сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно», — писал Ленин в сентябре 1917 г.⁶⁶ Более того, он обращал внимание на то, что и российский монополистический капитализм стал превращаться в государственно-монополистический капитализм, представляющий собой полнейшую материальную подготовку социализма⁶⁷. В написанной в начале октября 1917 г. статье «Удержат ли большевики государственную власть?», отвергая доводы, будто в России еще не созрели условия для перехода политической власти к пролетариату, Ленин указывал, в частности, на то, что и в России капитализм создал «аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами», овладение которым давало возможность победившему политически пролетариату взять в свои руки руководство народным хозяйством страны⁶⁸.

Однако в его работах мы находим не только признание зрелости материальных условий для социалистического обобществления ведущих отраслей российской экономики — крупной промышленности и торговли,

⁶² Там же.

⁶³ Там же. Т. 35. С. 301; см. также: Т. 37. С. 375.

⁶⁴ Там же. Т. 39. С. 388.

⁶⁵ Там же. Т. 39. С. 387—388.

⁶⁶ Там же. Т. 34. С. 191.

⁶⁷ См.: Там же. С. 193.

⁶⁸ Там же. Т. 34. С. 307.

кредита, транспорта и связи, но и многочисленные указания на то, что Россия в целом представляла собой по преимуществу крестьянскую, мелкобуржуазную страну⁶⁹. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в России, он писал в июле 1917 г.: «Объективное положение таково: громадное большинство населения страны мелкобуржуазно по своему жизненному положению и еще более по своим идеям. Но в стране царит крупный капитал, через банки и через синдикаты в первую голову»⁷⁰.

Размышляя весной и летом 1917 г. над конкретными задачами социалистической революции, поставленными «живой жизнью, соединившей на практике в России синдикаты в промышленности и мелкокрестьянское хозяйство в деревнях»⁷¹, Ленин высказывал мнение, что вследствие того, что Россия являлась крестьянской страной, «непосредственно в ней не может победить тотчас социализм»⁷². Исходя из общепринятого тогда среди марксистов предположения, что «революция не ограничится Россией»⁷³, он видел в вероятной пролетарской революции в Европе тот фактор, который мог бы помочь российскому пролетариату преодолеть трудности построения социализма в мелкобуржуазной стране. Если же пролетарская революция в Европе не окажет на Россию «своего непосредственного, могучего влияния», полагал Ленин, «то судьба и исход русской революции» определятся в «зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить в нему массу полупролетариев деревни . . .»⁷⁴.

История Великой Октябрьской революции полностью подтвердила правильность ленинского прогноза. Она показала, как указывал Ленин, что Россию к социализму подвел не только империализм, но и «капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах»⁷⁵, что «социалистический переворот и переход от капитализма к социализму неизбежно должен принять особые формы в стране, в которой численность крестьянского населения значительна»⁷⁶. Важнейшей особенностью такого перехода явилась необходимость решения в ходе его проблемы отношений пролетариата со средним крестьянством.

Проблемы переходного периода — это особая тема. Ей посвящено немало специальных исследований⁷⁷. Здесь же она затрагивается лишь

⁶⁹ См.: Там же. Т. 13. С. 17; Т. 20. С. 306; Т. 24. С. 66; Т. 34. С. 229 и др.

⁷⁰ Там же. Т. 32. С. 432.

⁷¹ Там же. С. 293.

⁷² Там же. Т. 31. С. 91—92; см. также: Т. 31. С. 451.

⁷³ Там же. Т. 31. С. 93; см. также: Т. 31. С. 450; Т. 37. С. 301.

⁷⁴ Там же. Т. 31. С. 426.

⁷⁵ Там же. Т. 38. С. 156.

⁷⁶ Там же. Т. 37. С. 207—208.

⁷⁷ Укажу лишь некоторые новейшие: От капитализма к социализму: Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг.: В 2 т. М., 1981. Т. 1; Экономическая политика советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986. Обстоятельный анализ высказываний Ленина по вопросу о содержании перехода от капитализма к социализму и об условиях, обеспечивающих возможность «прямого», «непосредственного» перехода к строительству социализма, см.: Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. С. 11—39, 217—238.

в связи с рассмотрением ленинского учения о социально-экономических предпосылках социалистической революции применительно к России.

Особое внимание проблеме отношений со средним крестьянством Ленин уделил, как известно, в докладе о замене разверстки натуральным налогом на X съезде РКП(б). К марту 1921 г., когда собрался этот съезд, страна в результате гражданской войны и интервенции была в экономическом отношении еще более отброшена назад. Западно-европейские капиталистические державы оказались не в состоянии свергнуть созданный революцией новый строй, «но они и не дали ему возможности сделать сейчас же такой шаг вперед, который бы оправдал предсказания социалистов, который бы дал им возможность с громадной быстротой развить производительные силы, развить все те возможности, которые сложились бы в социализм . . .»⁷⁸. Трудные задачи социалистического преобразования разоренной крестьянской страны российскому пролетариату приходилось решать в крайне неблагоприятной международной обстановке, постоянно заботясь о том, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить молодую Советскую Республику⁷⁹.

Выступая на X съезде, Ленин говорил: «Нет сомнения, что социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство». Вот почему социалистическая революция в такой стране, как Россия, «может иметь окончательный успех лишь при двух условиях»: 1) при поддержке «ее своевременно социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах»; 2) при соглашении «между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения»⁸⁰.

И поскольку оказалось, что на ту дорогу, которую открыли трудящиеся России, «другим народам вступить не удалось»⁸¹, выполнение второго условия приобрело первостепенное значение. Для пролетариата России, «как господствующего класса, — указывал Ленин в апреле 1921 г., — главной задачей момента является правильное определение и осуществление тех мер, которые необходимы для руководства крестьянством, для прочного союза с ним, для долгого ряда постепенных переходов к крупному обобществленному машинному земледелию»⁸².

Разъясняя, что «только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России»⁸³, что для достижения такого соглашения должна быть разрешена «задача удовлетворить среднее

⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 402.

⁷⁹ См.: Там же. С. 404.

⁸⁰ Там же. Т. 43. С. 57—58.

⁸¹ Там же. Т. 44. С. 292.

⁸² Там же. С. 6.

⁸³ Там же. Т. 43. С. 59.

крестьянство»⁸⁴, Ленин, в частности, писал: «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил»⁸⁵.

Высказанные Лениным в этой связи соображения, почему не нужно бояться «дать тому капитализму, который растет на почве мелкой собственности и мелкой торговли, некоторую свободу»⁸⁶, представляют большой интерес для понимания социально-экономических предпосылок социалистической революции. Бояться такого капитализма нечего, пояснял Ленин, потому что «рабочее государство имеет в своих руках достаточно средств, чтобы *лишь в меру* допустить развитие этих отношений, которые полезны и необходимы в обстановке мелкого производства, и чтобы контролировать эти отношения»⁸⁷. Какие же средства здесь имеются в виду? Ленин касался неоднократно этого вопроса. В конце 1919 г. в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» он писал: «Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, *господствующим* классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается общественными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров»⁸⁸.

Указывая там же на то, что «экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного, — в едином масштабе громадного государства, — труда с мелким товарным производством и с сохраняющимся, а равно с возрождающимся на его базе капитализмом», Ленин пояснял: «Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, и постольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися»⁸⁹. В дальнейшем, вновь отмечая, что бояться, как бы капитализм, вырастающий на почве мелкого производства, не составил угрозу социализму, — «значит совершенно не учитывать соотношение сил нашей экономики. . .»⁹⁰, Ленин обращал внимание на то,

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 229.

⁸⁶ Там же. С. 313—314; см. также: С. 244.

⁸⁷ Там же. С. 277.

⁸⁸ Там же. Т. 39. С. 279.

⁸⁹ Там же. Т. 39. С. 272—273.

⁹⁰ Там же. Т. 43. С. 314.

что в руках пролетариата находятся «все командные высоты»⁹¹, «все средства производства»⁹², и прежде всего крупная промышленность и транспорт⁹³.

Гораздо большую опасность для социализма, указывал Ленин, представляет то, что в условиях разрухи и прекращения работы значительной части крупных промышленных предприятий возникла угроза деклассирования пролетариата⁹⁴. «Главной материальной базой для развития классового пролетарского самосознания является крупная промышленность. . . — пояснял Ленин. — Когда рабочие эту материальную производственную базу из-под ног теряют, тогда состояние неуравновешенности, неопределенности, отчаяния, безверия овладевает известными слоями рабочих. . .»⁹⁵. Вот почему «самой главной опасностью, самым большим злом» стало то, что оказалось невозможным обеспечить «непрерывную производственную работу в крупнейших предприятиях. . .»⁹⁶. «Без такой экономической базы, — подчеркивал Ленин, — прочной политической власти у рабочего класса быть не может»⁹⁷.

Иначе говоря, наличие достаточно развитой промышленности как экономической базы пролетариата — необходимое условие осуществления пролетарской диктатуры. Выступая на X Всероссийской конференции РКП(б), Ленин говорил: «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность. Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской. . .»⁹⁸.

Наличие такой промышленности и обусловило возможность социалистической революции и установления диктатуры пролетариата в России. Но поскольку в стране преобладало мелкое производство, прямой, непосредственный ее переход к социализму был неосуществим. «„Мы“, авангард, передовой отряд пролетариата, — писал Ленин, — переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения»⁹⁹. Для перехода от докапиталистических отношений, от мелкого производства к социализму нужны были «*посредствующие пути*»¹⁰⁰.

В свете этого, как мне представляется, следует понимать положения ленинской работы «О нашей революции (*по поводу записок Н. Суханова*)», которые иногда толкуются как доказательство того, что Ленин якобы признал объективную неподготовленность социалистической

⁹¹ Там же. Т. 45. С. 289.

⁹² Там же. С. 376.

⁹³ См.: Там же. Т. 43. С. 314; Т. 44. С. 8; Т. 45. С. 289.

⁹⁴ См.: Там же. Т. 43. С. 309—310; Т. 44. С. 161.

⁹⁵ Там же. Т. 43. С. 308.

⁹⁶ Там же. С. 311.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 305—306.

⁹⁹ Там же. Т. 43. С. 227—228.

¹⁰⁰ Там же. С. 228—229.

революции в России. Разоблачая в этой работе «педанство» «героев II Интернационала», Ленин отмечал, в частности, что «до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные „ученые“ господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма». Отнюдь не отрицая того, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», Ленин подчеркивал, что это «бесспорное положение» не является решающим для оценки Октябрьской революции. Он обращал внимание на то, что объективный ход истории позволил российскому пролетариату, не дожидаясь, когда в стране созреют все условия для социализма, взять власть в свои руки и революционным путем обеспечить достижение необходимого для социалистического переустройства общества уровня культуры и цивилизованности. «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность, — писал Ленин. — Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»¹⁰¹

Чтобы лучше понять смысл этих слов, целесообразно обратиться к другим ленинским произведениям января 1923 г. Вместе взятые, они дают достаточно ясное представление о том, что занимало Ленина в это время, о чем думал он, явно чувствуя, как угасают его силы. Совершенно очевидно: мысли Ленина были устремлены в будущее. Победа российского пролетариата в Октябре 1917 г., утверждение в невероятно сложной борьбе первого в истории пролетарского государства были для него уже пройденным этапом на пути к социализму, тем этапом, когда был заложен необходимый фундамент его построения. «В самом деле, — пояснял Ленин в статье «О кооперации», написанной за десять дней до заметок «О нашей революции», — власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — . . . разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»¹⁰².

Однако Ленина беспокоили низкий уровень народного образования, недостаточная грамотность населения, поскольку это могло помешать делу социалистического строительства. В «Страничке из дневника», написанной 2 января 1923 г., он обращал внимание на то, «сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы», «какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действи-

¹⁰¹ Там же. Т. 45. С. 378—381.

¹⁰² Там же. С. 370.

тельно сколько-нибудь культурного уровня»¹⁰³. Вернувшись к этому вопросу в статье «О кооперации», Ленин указал на то, что «полное кооперирование», при котором «мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве», «невозможно без целой культурной революции». В этой связи он писал: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной. . .»¹⁰⁴ Следующим звеном в этой последовательной цепи ленинских рассуждений и явились заметки «О нашей революции».

В последней своей работе «Лучше меньше, да лучше» Ленин еще раз пояснил мысль о роли культурной революции в социалистическом строительстве в Советской России, отметив необходимость «цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму. . .»¹⁰⁵.

* * *

Видя в Великой Октябрьской социалистической революции при всех ее особенностях проявление объективных закономерностей мирового революционного процесса, Ленин полагал, что «русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»¹⁰⁶. Поясняя эту мысль в книге «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», он писал: «Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России. . . могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западноевропейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. . . в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас. . .»¹⁰⁷

Важнейшей из основных черт русской революции, имеющих международное значение, была, по мнению Ленина, необходимость для пролетариата решения проблемы взаимоотношений с мелкобуржуазными слоями населения. Еще летом 1916 г. Ленин высказывал мысль о том, что «чистая» социалистическая революция, как революция одного лишь пролетариата, в принципе невозможна. «Социалистическая революция, — писал он тогда, — *не может быть* ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия *не возможна массовая* борьба, не возможна *никакая* революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки.

¹⁰³ Там же. С. 364.

¹⁰⁴ Там же. С. 376—377.

¹⁰⁵ Там же. С. 404.

¹⁰⁶ Там же. Т. 41. С. 4.

¹⁰⁷ Там же. С. 3.

Но объективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разногласной, пестрой и внешне нераздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу „очистится“ от мелкобуржуазных шлаков»¹⁰⁸.

Четыре года спустя, уже анализируя опыт Октябрьской революции, Ленин в книге «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» вновь обратил внимание на ту же проблему: «Капитализм не был бы капитализмом, если бы „чистый“ пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию. . . от полупролетария к мелкому крестьянину. . . от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои. . . А из всего этого необходимость — и безусловная необходимость для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков вытекает с абсолютной необходимостью»¹⁰⁹.

Наконец, еще через год на III конгрессе Коминтерна В. И. Ленин опять указал на необходимость решения вопроса об отношениях пролетариата «с последними капиталистическими классами, с мелкими производителями и с мелкими буржуа»¹¹⁰ как на важнейшее условие перехода к социализму. «Эта задача, — пояснял он, — в России особенно трудна как в силу отсталости нашей страны, так и вследствие крайнего разорения ее империалистской и гражданской семилетней войной. Но и помимо такой особенности эта задача принадлежит к числу труднейших задач социалистического строительства, которые встанут перед всеми капиталистическими странами, — может быть, за исключением одной только Англии. Однако и по отношению к Англии нельзя забывать, что если в ней особенно малочислен класс мелких земледельцев-арендаторов, то в ней зато исключительно высок процент живущих по-мелкобуржуазному среди рабочих и служащих. . .

Поэтому с точки зрения развития всемирной пролетарской революции, как единого процесса, значение переживаемой Россией эпохи состоит в том, чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, по отношению к мелкобуржуазной массе»¹¹¹.

Анализируя тенденции мирового революционного процесса, выявленные Октябрьской революцией, Ленин вместе с тем пришел к выводу, что путь развития капитализма в Западной Европе «может быть считаем образцом *mutatis mutandis* * не иначе, как с некоторыми поправками. . .».

¹⁰⁸ Там же. Т. 30. С. 54—55.

¹⁰⁹ Там же. Т. 41. С. 58—59.

¹¹⁰ Там же. Т. 44. С. 41.

¹¹¹ Там же. С. 6.

* С соответствующими изменениями. — *Примеч. ред. к Полн. собр. соч.*

Указывая на это в одной из последних своих работ — в статье «О нашей революции», он писал: «... при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»¹¹². Выражением своеобразия новой полосы общественного развития, открытой первой мировой войной, и явилась социалистическая революция в России¹¹³.

Глава вторая

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ АГРАРНОГО СТРОЯ

1

Россия относилась к числу стран, вступивших на путь капиталистического развития в то время, когда капитализм, утвердившийся в нескольких европейских государствах, стал определять генеральное направление мирового исторического процесса, формируя ту историческую среду, в которой происходило развитие остальных территорий Европы и всего мира. Капиталистическая эволюция этих стран представляла собой результат сложного взаимодействия закономерностей развития, имманентных их общественным структурам, и давления мирового капитализма.

К середине XIX в. на преобладающей части территории Европы, расположенной западнее границ Российской империи, феодальные порядки были более или менее основательно размыты волнами буржуазных революций. Но Россия оставалась, казалось, неприступной твердыней феодализма. В то время как в большинстве европейских государств уже были изжиты отношения феодальной зависимости, в России они продолжали существовать, причем в самом крайнем своем проявлении — в форме крепостного права.

Однако в недрах феодально-крепостнического строя шел медленный, но неуклонный процесс его разложения и развития капиталистических отношений. В первой половине XIX в. дальнейший рост производительных сил в рамках крепостнических отношений оказался уже невозможным. И если явления застоя и упадка, обусловленные сковывающим воздействием крепостничества, проявились в это время лишь в отдельных сферах хозяйственной деятельности, не став преобладающей тенденцией экономической жизни страны, то только потому, что ее объективные потребности могли находить в какой-то мере выход в подспудно развивавшихся капиталистических отношениях. Приспосабливаясь к господствующему укладу, используя всякого рода феодальные оболочки, они все более пронизывали народное хозяйство страны, разлагая феодально-крепостнический строй. Парадокс сложившейся исторической ситуации состоял в том, что этот строй, препятствуя нормальному становлению

¹¹² Там же. Т. 45. С. 379.

¹¹³ См.: Там же. С. 379—380.

капиталистических отношений, вынуждая их принимать уродливые полуфеодалные формы (наем оброчных крестьян и т. п.), не мог уже сам обойтись без того, что являлось результатом развития капитализма, — торговли, промышленности и пр.

Наиболее наглядным показателем кризиса крепостничества была деградация помещичьей деревни, проявившаяся в неуклонном сокращении в первой половине XIX в. урожайности зерновых и производства их на душу населения в основных районах преобладания барщины (Центрально-черноземном, Западном и Юго-Западном), в начавшемся с 20-х годов XIX в. повсеместном росте задолженности крестьян помещикам по оброчным платежам, в усилившемся во второй четверти XIX в. «оскудении» дворян и громадном росте их долгов кредитным учреждениям.

Политическим выражением кризиса феодально-крепостного строя послужило нарастание социальной напряженности. По словам В. И. Семевского, благодаря «волнениям и иным формам протеста крепостных» в первой половине XIX в. «призрак Пугачевщины вечно стоял в глазах нашего дворянства и, как грозное *momento mori*, напоминал о необходимости покончить с крепостным правом в интересах самих помещиков»¹.

Отменив в 1861 г. крепостное право, царизм взял на себя инициативу осуществления капиталистических преобразований. В результате перестройка общественной структуры в России происходила эволюционным путем при сохранении политической власти за старым правящим классом — дворянством и при постепенной трансформации феодальной монархии в буржуазную.

Изучение истории отмены крепостного права в России и социально-экономических последствий реформы 1861 г. продолжается уже более 100 лет. В накопившейся за это время огромной литературе особое место принадлежит работам В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», «По поводу юбилея», «Пятидесятилетие падения крепостного права», «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция» и др. Дав блестящие образцы марксистского исторического анализа, они определили основные направления изучения проблем буржуазной эволюции экономической и социальной структуры страны в советской историографии. Решением этих проблем занимались многие историки и экономисты. Благодаря, в частности, трудам Н. М. Дружинина, С. М. Дубровского, П. А. Зайончковского, П. И. Лященко, П. Н. Першина, И. Д. Ковальченко, А. М. Анфимова, Г. А. Герасименко, Л. М. Горюшкина, А. П. Корелина, В. Г. Литвака, А. С. Нифонтова, П. Г. Рындзюнского, Я. М. Сидельникова, В. Г. Тюкавкина, а также большому числу локальных исследований картина капиталистической перестройки аграрного строя России в пореформенную эпоху предстала перед нами во всей ее сложности и противоречивости.

¹ Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888. Т. 2. С. 571.

Советские историки рассматривают «крестьянскую реформу» как переломный момент социально-экономического развития России, открывший собой завершающий этап утверждения в стране капитализма. Но они оценивают ее, исходя из возможности революционной альтернативы в решении вопроса о путях перехода от феодализма к капитализму. В их работах указывается на то, что эта реформа, проводившаяся самими помещиками, не осуществила радикальной чистки феодальных порядков, сохранила экономические привилегии и политическое господство помещиков. Характеризуя реформу 1861 г. как половинчатую, сохранившую значительные пережитки крепостничества в экономическом и политическом строе пореформенной России, советские историки видят главные из этих пережитков, оказывавшие наиболее пагубное воздействие на развитие страны, в помещичьем землевладении и царском самодержавии.

В последнее двадцатипятилетие эта тема привлекла к себе внимание и зарубежных ученых. Критические оценки реформы встречаются и в западной исторической литературе. Там иногда отмечается, что условия освобождения крестьян не давали необходимого простора для развития крестьянских хозяйств и сельскохозяйственного производства вообще. При этом справедливо указывается на недостаточность предоставленных крестьянам наделов и чрезмерную тяжесть возложенных на них платежей. Все же буржуазные историки, если они критически оценивают реформу, важнейший тормозящий фактор обычно усматривают в сохраненной ею общине. В пореформенной деревне община заменила прежнего помещика — такова суть этой точки зрения.

Разумеется, община задерживала процесс разложения крестьянства и тем самым тормозила капиталистическую перестройку аграрного строя. Но она, так же как мизерные наделы и высокие платежи крестьян, представляла собой явление подчиненное, производное от главной функции реформы 1861 г. — сохранения помещичьего землевладения и политической власти помещиков. Таким образом, буржуазные историки, признавая некоторые второстепенные пережитки крепостничества в пореформенной России, игнорируют главные. В этом состоит коренное их расхождение с советскими историками, обуславливающее различия в понимании ими роли политической надстройки, объективных причин первой российской революции, характера столыпинской реформы, процессов взаимодействия капиталистического развития сельского хозяйства и промышленности.

Труднейшей проблемой, решение которой вызывало и продолжает вызывать споры среди советских историков, является определение уровня развития аграрного капитализма в России в начале XX в. В. И. Ленин, исследовав процессы капиталистической эволюции российской деревни, в своих работах показал аграрный строй в России к концу XIX в. как диалектическое единство противоположностей — победившего, но еще не развитого, примитивного капитализма и далеко не изжитых, приспособляющихся к капиталистическим условиям остатков феодализма.

Овладение ленинской концепцией социально-экономического развития пореформенной России первым поколением советских историков-аграрников в 20-е годы происходило в ожесточенной полемике с различными

мелкобуржуазными течениями, придерживавшимися теории некапиталистической эволюции крестьянского хозяйства². Это, вероятно, способствовало сосредоточению их внимания прежде всего на процессах развития капитализма. Как бы то ни было, но советские историки до середины 50-х годов акцентировали свое внимание на изучении механизма капиталистической эволюции сельского хозяйства в условиях сохранения самодержавия и помещичьего землевладения. Полагая, что, несмотря на тормозящее воздействие крепостнических пережитков на развитие капиталистических отношений в пореформенной деревне, эти отношения к концу XIX в. стали в целом по стране господствующими, советские историки видели на этом этапе свою задачу в том, чтобы показать пути, по которым шла в России капиталистическая перестройка сельского хозяйства. Эта задача решалась ими преимущественно на общероссийском материале, позволяющем увидеть исследуемые процессы в масштабе всей страны или, по меньшей мере, в рамках ее основных земледельческих районов.

Но с конца 40-х годов в изучении капиталистической эволюции аграрного строя России явно наметилась тенденция к локализации проводимых исследований, ограничению их тематических и региональных рамок. На смену макроанализу, когда исследователей интересовали преимущественно общие данные, характеризующие основные направления капиталистического развития сельского хозяйства (о сдвигах в землевладении, изменениях отраслевой структуры сельского хозяйства, росте его товарности, распространении наемного труда и т. п.), пришел микроанализ, основным объектом изучения которого стали крестьянское и помещичье хозяйства. При этом лучшая сохранность архивных источников, отражавших функционирование помещичьих хозяйств, обусловила более благоприятные возможности для изучения последних. В результате внимание исследователей стало сосредоточиваться на выяснении системы ведения помещичьих хозяйств и применяемых при этом форм эксплуатации рабочей силы. Уже первые шаги на этом пути показали, что роль пережиточных отношений в бывшей помещичьей деревне была гораздо более значительной, чем это казалось ранее.

Назревшая потребность внесения необходимых коррективов в сложившиеся представления породила длительные дискуссии и определила направления дальнейших исследований. Выступив в 1959 г. против допускавшейся в исторической литературе «недооценки пережитков крепостничества» в аграрном строе России, А. М. Анфимов объяснил ее тем, что «авторы часто при решении важнейших вопросов опираются не на всю систему взглядов основоположников марксизма-ленинизма в их развитии, а на отдельные их произведения и цитаты. В частности, берутся выводы из книги В. И. Ленина „Развитие капитализма в России“ и не принимаются во внимание его труды, написанные с учетом опыта революции 1905—1907 гг.»³. По мнению А. М. Анфимова, вплоть до пер-

² См.: *Тарновский К. Н.* Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917—начало 1930 г.) // *Ист. зап.* 1965. Т. 78. С. 40.

³ *Анфимов А. М.* К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. // *Ист. зап.* 1959. Т. 65. С. 119—120.

вой мировой войны «в земельно-хозяйственном строе Европейской России полукрепостнические порядки еще преобладали над капиталистическими»⁴.

В мае 1960 г. вопрос о характере аграрного строя в России обсуждался на специальной конференции. Точка зрения А. М. Анфимова встретила серьезные возражения. С. М. Дубровским была высказана мысль, справедливость которой подтвердили дальнейшие исследования: «Ошибочные утверждения о господстве полукрепостнических производственных отношений основываются на том, что изучались в основном помещичьи хозяйства, преимущественно центральных губерний, где отработки действительно преобладали»⁵. С. М. Дубровского поддержал в своем заключительном слове руководитель конференции А. Л. Сидоров: «С. М. Дубровский правильно считает уровень капиталистического развития в деревне более высоким, чем утверждает, например, А. М. Анфимов. Такой взгляд на аграрный строй России дает верный ориентир для определения классового расслоения крестьянства, т. е. для понимания классовой борьбы в России»⁶.

В последующие годы, стремясь дать убедительное фактическое обоснование выдвинутого им суждения, А. М. Анфимов осуществил ряд интересных исследований, важнейшие результаты которых были опубликованы в фундаментальном труде «Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX—начало XX в.)» (М., 1969). Они в полной мере раскрыли тормозящее воздействие помещичьего землевладения на процесс аграрно-капиталистической эволюции страны, убедительно показали роль крупных помещичьих хозяйств как средоточия полуфеодальных отношений в российской деревне. Но те же исследования убедили автора в невозможности на данном этапе разработки источников «строго обоснованного научного решения важного вопроса о преобладающих системах ведения помещичьего хозяйства как по отдельным районам, так и по стране в целом»⁷.

К этому времени оппоненты А. М. Анфимова — С. М. Дубровский и П. Н. Першин — также опубликовали основные итоги своих исследований⁸. Его концепция не получила подтверждения в трудах В. Г. Тюкавкина и Л. М. Горюшкина, осветивших процессы капиталистического развития сибирской деревни⁹. Но ее активно поддержал в своих историографических работах конца 60-х—начала 70-х годов К. Н. Тарновский, утверждавший, что «система ленинских воззрений относительно особенностей развития аграрного капитализма в России, содержащаяся в работах, написанных им в 1907—1914 гг., существенным образом отличается

⁴ Там же. С. 121, 162.

⁵ Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 32.

⁶ Там же. С. 347.

⁷ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России: (конец XIX—начало XX в.). М., 1969. С. 20.

⁸ См.: Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. М., 1966.

⁹ См.: Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября: (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966; Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков: конец XIX—начало XX в. Новосибирск, 1967.

от тезиса о победе или господстве капиталистических отношений в аграрном строе страны в конце XIX—начале XX в.»¹⁰.

Решающую роль в развернувшейся дискуссии сыграли опубликованные в 70-е годы труды Н. М. Дружинина, И. Д. Ковальченко, А. С. Нифонтова и П. Г. Рындзюнского. Обратившись к, казалось бы, решенным вопросам, вновь вызвавшим споры, эти исследователи подвергли их гораздо более глубокому и обстоятельному анализу. Ими были введены в научный оборот целые пласты ранее не использовавшихся массовых данных и применены новые исследовательские приемы, позволявшие увидеть необходимую совокупность фактов. Особое значение имело при этом введение в практику исторических исследований методов количественного анализа с применением математического аппарата и современной вычислительной техники, инициатором которого выступил И. Д. Ковальченко.

Уже в 1974 г. увидели свет два фундаментальных труда, содержащие убедительные доказательства несостоятельности тезиса о господстве докапиталистических отношений в аграрном строе предреволюционной России. Авторами первого из них — И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым — была предпринята попытка проследить на основе корреляционного анализа движения и случайных колебаний цен на главные сельскохозяйственные продукты и основные средства производства процесс становления всероссийского аграрного рынка с конца XVIII до начала XX в. Это исследование показало, что завершение формирования единого товарного рынка, свидетельствующее об утверждении в стране капиталистического способа производства, произошло к 80-м годам XIX в. Что же касается складывания свойственного развитому аграрному капитализму единого рынка на средства производства, то, как выяснилось, этот процесс в России, несмотря на его стремительные темпы, остался к началу XX в. незавершенным из-за тормозящего воздействия крепостнических пережитков в аграрном строе: полуфеодального землевладения и прикрепления крестьян к земле¹¹.

Автор другого исследования — А. С. Нифонтов, изучив данные об урожаях хлебов, содержащиеся в губернаторских отчетах, и доказав их доброкачественность, рассмотрел на основе этих данных динамику зернового производства в России во второй половине XIX в. Она оказалась чрезвычайно показательной. Если для предреформенного десятилетия было характерно застойное состояние земледелия в России, свидетельствовавшее о кризисе крепостнической системы, то уже в 60-х годах проявились первые, еще малозаметные признаки возобновившегося развития зернового производства. Однако в первое пореформенное двадцатилетие каких-либо существенных качественных сдвигов в нем не произошло. Тем не менее наблюдавшиеся тогда незначительные струк-

¹⁰ *Тарновский К. Н.* Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии: (Конец 1930—первая половина 1950-х годов) // Ист. зап. 1969. Т. 83. С. 209; *Он же.* Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии: (Дискуссии начала 1960-х годов) // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 264—311.

¹¹ См.: *Ковальченко И. Д., Миллов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок. XVII—начало XX в.: опыт количественного анализа. М., 1974.

турные изменения в земледельческом производстве свидетельствовали о его перестройке на капиталистических началах. Результаты ее проявились в 80—90-е годы в росте товарного производства зерна, изменении его географии, повышении урожайности зерновых. Происходившее на этом этапе неуклонное развитие сельскохозяйственного производства в России при всех его противоречиях (резком увеличении сборов зерна на юге России и одновременном их падении в земледельческом центре, крайнем непостоянстве этих сборов и т. д.) могло означать лишь то, что, несмотря на тормозящее и деформирующее воздействие остатков крепостничества, переломный момент в становлении капиталистического способа производства в российском земледелии уже пройден¹².

Вопрос о том, когда и каким образом произошел в России качественный перелом в процессе перехода от феодальной формации к капиталистической, стал предметом специального рассмотрения опубликованных в 1978 г. двух монографий. В книге академика Н. М. Дружинина «Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг.», удостоенной в 1980 г. Ленинской премии, этот вопрос решался на основе изучения изменений, происходивших в русской деревне в ходе отмены крепостного права. По сравнению с предшествующей литературой, посвященной истории отмены крепостного права в России, работа Н. М. Дружинина во многих отношениях явилась новаторской. Впервые анализ эволюции положения крестьян в пореформенное время охватил все категории крестьянского населения русской деревни. Крушение феодальных и утверждение капиталистических отношений в пореформенной России Н. М. Дружинин рассматривал как единый процесс. Он показал, что разрушение прежних, основанных на крепостном праве производственных отношений неизбежно вело к утверждению отношений капиталистических. Отсюда необычное для работ, посвященных истории осуществления реформы 1861 г., внимание к состоянию производительных сил. Рассмотрение природных, экономических и социальных особенностей основных земледельческих районов позволило автору наметить важнейшие типы становления капитализма, характерные для русской деревни пореформенного времени. Меньше всего можно упрекнуть автора в переоценке потенциалов капиталистического развития крестьянского хозяйства. Н. М. Дружинин всесторонне показывает те факторы, которые тормозили и деформировали это развитие. И тем не менее главный итог первого пореформенного двадцатилетия в истории русской деревни он видит в ее приобщении к новой, капиталистической формации¹³.

Это приобщение, как отмечает Н. М. Дружинин, было ограниченным, ибо в результате гнетущего воздействия остатков крепостничества наряду с развитием производительных сил наблюдался процесс общего оскудения русской деревни, грозивший свести на нет ее движение вперед. В результате к началу 80-х годов назрела объективная необхо-

¹² См.: *Нифонтов А. С.* Зерновое производство в России во второй половине XIX века.: по материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М., 1974.

¹³ См.: *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе: 1861—1880 гг. М., 1978. С. 274.

димось решения вопроса: «Освободится ли русская деревня от вопиющих остатков крепостничества или процесс ее оскудения заглушит первые всходы новой, капиталистической формации?»¹⁴ В развернувшейся в 1879—1881 гг. общественно-политической борьбе, в ходе которой решался этот вопрос, в конечном итоге победу одержали реакционные силы. Тем не менее самодержавию пришлось пойти на существенные уступки: завершение осуществления реформы путем проведения в 1881—1883 гг. обязательного выкупа земли крестьянами, еще остававшимися временнообязанными, и значительное (более чем на 1/4) понижение выкупных платежей. «Уступки, вырванные у самодержавия в период второй революционной ситуации, — пишет Н. М. Дружинин, — при всей их ограниченности послужили рубежом между первым пореформенным двадцатилетием, этим тягчайшим периодом в жизни русской деревни, и периодом дальнейшего развития новой социально-экономической формации»¹⁵. Таким образом, Н. М. Дружинин показал, что время завершения реформы 1861 г. стало переломным моментом в процессе утверждения капитализма. Значение этого вывода особенно важно потому, что он сделан на основе изучения именно русской деревни, наиболее отягощенной крепостническими пережитками.

Вторая из упомянутых выше двух монографий, вышедших из печати в 1978 г., принадлежит перу другого крупного советского историка — П. Г. Рындзюнского. Решая одну общую проблему — определение хронологических границ и выявление механизма смены феодализма капитализмом в России, книги Н. М. Дружинина и П. Г. Рындзюнского оказались тем не менее совсем не похожими одна на другую. Они отличаются и по кругу рассматриваемых вопросов, и по избранным территориальным рамкам, и по структуре изложения, и, наконец, по некоторым содержащимся в них оценкам. Может быть, именно вследствие этого различия они так удачно дополняют друг друга.

Если Н. М. Дружинин ограничил исследование проблемы территориальными рамками земледельческого ядра тогдашнего Российского государства и материалом лишь крестьянского хозяйства, то П. Г. Рындзюнский рассмотрел проблему шире: в его поле зрения не только крестьянское, но и помещичье хозяйство всей Европейской России, а также развитие внутреннего рынка и промышленности. Он обращается и к процессу формирования классов капиталистического общества. Основной вывод П. Г. Рындзюнского вполне согласуется с результатами исследования Н. М. Дружинина: к началу 80-х годов «феодализм, державшийся в России многие столетия как господствующая система, уступил свое место капитализму»¹⁶.

Достигнутое таким образом четкое и весьма убедительное решение вопроса о времени смены в России феодальной формации капиталистической подорвало всякую почву под тезисом о некапиталистическом характере аграрного строя России на рубеже XIX—XX вв.

¹⁴ Там же. С. 188.

¹⁵ См.: Там же. С. 265.

¹⁶ *Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России: 1850—1880 гг. М., 1978. С. 284*

Между тем обращение А. М. Анфимова к изучению процесса пореформенной эволюции крестьянского хозяйства привело его к окончательному отказу от некогда выдвинутого им положения. В опубликованной в 1980 г. книге «Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904» он счел нужным специально отметить: «Не подлежит сомнению тот факт, что общий характер аграрного строя определялся объективными историческими закономерностями. А последние суть закономерности господствующего в стране капиталистического строя. В связи с этим представляется уместным указать на ошибочность высказанного нами в 1959 г. тезиса о повсеместном преобладании полукрепостнических отношений в российской деревне»¹⁷. Эта книга представляет собой как бы продолжение исследования Н. М. Дружинина. Детальнейшим образом в ней освещаются изменения, происшедшие к началу XX в. в поземельном устройстве, в землевладении и землепользовании крестьян, анализируется материально-производственная база крестьянских хозяйств, состояние их земледелия и животноводства.

Вслед за тем важные результаты были получены И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунской и Б. М. Литваковым в изучении социально-экономического строя помещичьего хозяйства Европейской России накануне Великой Октябрьской социалистической революции¹⁸. Как известно, помещичье хозяйство олицетворяло собой средоточие крепостнических пережитков. Вместе с тем оно находилось в состоянии необратимой капиталистической эволюции, механизм которой был раскрыт В. И. Лениным в его труде «Развитие капитализма в России». Анализируя имевшиеся в литературе сводные данные на 80—90-е годы XIX в. о соотношении капиталистической и отработочной систем ведения помещиками своих хозяйств, В. И. Ленин, как известно, пришел к выводу, что «если в чисто русских губерниях преобладают отработки, то вообще по Евр. России капиталистическая система помещичьего хозяйства должна быть признана в настоящее время преобладающей»¹⁹. Однако в 60-е годы данные, на основе которых был сделан этот вывод, стали вызывать сомнения у исследователей²⁰. Применение И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунской и Б. М. Литваковым математических методов обработки и анализа статистических данных позволило использовать для решения указанного вопроса материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. В результате была получена система показателей, характеризующая помещичье хозяйство не в отдельных его проявлениях, а в целом, как социально-экономическое явление.

Сделанный на этой основе вывод гласил: «...во внутреннем строе помещичьего хозяйства Европейской России повсеместно господствующее положение занимала капиталистическая организация производства», причем «буржуазное развитие этого хозяйства достигало сравнительно высокого уровня, особенно в районах Нечерноземной и Южной Степной

¹⁷ *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. С. 7.

¹⁸ *Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.

¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 191.

²⁰ См.: *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. С. 20.

зон». Вместе с тем авторы констатировали «органическое переплетение во внутреннем строе помещичьего хозяйства капиталистических и полупомещичьих отношений», определявшее социальный дуализм помещиков, являвшихся одновременно капиталистами-агрярами и помещиками-полукрепостниками²¹.

Упомянутое исследование подтвердило также высказывавшееся в литературе мнение о том, что ни по своему весу в сельскохозяйственном производстве, ни по своей роли в производственно-техническом прогрессе помещичье хозяйство не было способно стоять во главе буржуазной аграрной эволюции, определять общий ход развития деревни.

В этой связи следует упомянуть еще об одной дискуссии. Она возникла в начале 60-х годов преимущественно среди сибирских историков, некоторые из которых придерживались мнения, что развитие аграрного капитализма в Сибири, так же как и в Европейской России, шло по «прусскому» пути. В дальнейшем эти споры приобрели более широкое звучание. В центре встал вопрос о том, был ли «крестьянский» тип буржуазной аграрной эволюции в России лишь потенцией²², или преобладание буржуазно-консервативного, «помещичьего», «прусского» типа капиталистического аграрного развития не исключало возможности реального проявления «крестьянского» типа буржуазной эволюции²³. К середине 70-х годов последняя точка зрения получила преобладающее признание.

Признание специалистами тезиса о ведущей роли крестьянства в капиталистическом развитии российской деревни стимулировало изучение внутреннего строя крестьянского хозяйства. К этой теме обратились крупнейшие советские специалисты по аграрной истории России рассматриваемого периода — А. М. Анфимов, И. Д. Ковальченко, П. Г. Рындинский. Первым из них была опубликована монография «Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881 — 1904 гг.» (М., 1984), представляющая продолжение упоминавшейся выше его книги «Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881 — 1904» (М., 1980). В новой работе рассматривались вопросы, выходящие за пределы самого сельскохозяйственного производства, но тесно с ними связанные: крестьянские промыслы и внеземледельческие заработки, платежи крестьян и выполнявшиеся ими натуральные повинности. Тем самым обе книги, вместе взятые, осветили экономический строй крестьянского хозяйства к началу XX в. Они показали, каким сложным и противоречивым был процесс капиталистического развития крестьянского хозяйства в условиях сохранения помещичьего землевладения

²¹ Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Указ. соч. С. 223—224.

²² Эта точка зрения представлена в книге: Малахинов П. Н. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962. Позднее она была поддержана К. Н. Гарновским в статье «Проблемы аграрно-капиталистической эволюции России. (К дискуссии о путях развития капитализма в сельском хозяйстве)» (История СССР. 1970. № 3. С. 60—78).

²³ См.: Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 171—194; Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1973. № 2. С. 42—74.

и других пережитков крепостничества. Уже в первой из этих двух книг, подводя основные итоги проведенного исследования, автор констатировал «господство капиталистического уклада, пронизывавшего все поры экономической жизни деревни и преобразовывавшего на свой лад даже самые отсталые формы деревенского быта». Отмечая тормозящее воздействие на развитие капиталистических форм крестьянского хозяйства, он заключал: «Но, конечно, не эти депрессоры определяли поступательное движение общества, которое всем ходом развития шло не только к буржуазной, но и к социалистической революции. Достаточно сказать, что в ходе хозяйственной эволюции в деревне сложился многочисленный слой крестьян, который стал в конце концов надежнейшим союзником рабочего класса в борьбе за социалистическую революцию»²⁴. Вторая книга А. М. Анфимова дала новые доказательства справедливости представлений «о глубоком проникновении в экономику крестьянского хозяйства товарно-денежных отношений, господстве капиталистических начал в аграрном строе России»²⁵.

В книге П. Г. Рындзюнского «Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века» (М., 1983) экономический строй крестьянского надельного хозяйства в России к концу XIX в. рассмотрен в контексте взаимоотношений деревни и города. Представляет большой интерес вывод автора, полученный им в результате анализа методом множественной регрессии данных, характеризующих продуктивность надельного земледелия крестьян в Европейской России: «степень отхода крестьян от деревенских занятий была главным обстоятельством, определявшим эффективность крестьянского надельного земледелия»²⁶.

Новые исследования А. М. Анфимова и П. Г. Рындзюнского показали, что в своем капиталистическом развитии, преодолевая сковывающее воздействие пережитков крепостничества, в частности прикрепление крестьян к наделу, крестьянское хозяйство все более выходило за рамки земледельческого производства, множеством нитей срастаясь с капиталистической экономикой страны в целом.

Те же процессы, но под иным углом зрения осветил И. Д. Ковальченко в статье «О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX—начале XX века. (По бюджетным данным среднечерноземных губерний)»²⁷. Стремясь установить степень вовлеченности крестьянского хозяйства в развивавшиеся в стране товарно-денежные отношения, он исследовал производственно-экономический строй этого хозяйства. Проведенное исследование показало, что в конце XIX—начале XX в. в среднечерноземной полосе Европейской России производственная деятельность всех типов крестьянского хозяйства была подчинена единым объективным условиям товарно-капиталистического рынка²⁸.

²⁴ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России: 1881—1904. М., 1980. С. 7.

²⁵ Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881—1904 гг. М., 1984. С. 3.

²⁶ Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 70.

²⁷ История СССР. 1983. № 5. С. 50—81.

²⁸ Ковальченко И. Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX—начале XX в. // История СССР. 1983. № 5. С. 73.

Эти выводы, относящиеся к Европейской России в целом, подтверждаются и детализируются результатами многочисленных региональных исследований.

Следует отметить, что проведенные исследования отнюдь не отрицают существования в России, в ее земледельческом центре и особенно на окраинах, пережиточных форм докапиталистических производственных отношений. Но они убедительно показывают усиливающееся подчинение этих форм капитализму в процессе его развития.

Немаловажная особенность историографии последних лет — возрастание интереса к проблеме взаимодействия города и деревни, сельского хозяйства и промышленности в процессах капиталистического развития. Кроме уже упоминавшейся книги П. Г. Рындинского «Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века», этой проблеме посвящены исследования Н. Л. Клейн «Экономическое развитие Поволжья в конце XIX—начале XX века» (Саратов, 1981) и Е. И. Соловьевой «Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период» (Новосибирск, 1981), выполненные на материалах двух чрезвычайно обширных и важных в экономическом отношении регионов Российской империи. Они содержат новые доказательства органичности процессов становления и роста промышленного производства в России, их тесной связи с развитием капитализма в сельском хозяйстве.

2

В свете проведенных исследований основные процессы и результаты капиталистической эволюции аграрного строя России представляются в настоящее время следующим образом.

Оказавшись к концу 50-х годов XIX в. перед выбором — либо приспособиться к неумолимо развивающемуся капитализму, разлагающему извне и изнутри феодально-крепостной строй, либо утратить свои экономические и политические позиции, — правящие круги российского дворянства предпочли первое. Пожертвовав крепостным правом, они попытались спустить на тормозах стихийный процесс ломки феодальных и утверждения капиталистических отношений, канализировать его, введя в определенные границы, с тем чтобы помещики, постепенно перестроив свои хозяйства на капиталистический лад, могли сохранить принадлежавшую им земельную собственность и господствующее положение в обществе.

Решению этой задачи и были подчинены условия освобождения крестьян в 1861 г. Упраздняя крепостное право, Положения 19 февраля вместе с тем открывали помещикам возможность длительной кабальной эксплуатации бывших своих крепостных. Предоставив освобождаемым помещичьим крестьянам в принудительном порядке земельные наделы, размеры которых при тогдашнем уровне культуры земледелия почти исключали возможность расширенного воспроизводства, заставив их платить за эти наделы непомерно высокие платежи, самодержавие стремилось, с одной стороны, обеспечить помещичье хозяйство работником, вынужденным идти в кабалу, а с другой — не допустить, чтобы у обуржуазившегося помещика появился конкурент в лице крестьянина. Той же цели призвана была служить и община с круговой порукой,

уравнительным землепользованием, принудительным севооборотом и другими ограничениями хозяйственной свободы.

Таким образом, капиталистическая перестройка помещичьих хозяйств, путь для которой прокладывала реформа 1861 г., должна была осуществляться не в условиях свободной конкуренции, а при искусственном поддержании феодальной монополии помещиков на очень значительную и притом лучшую часть земельного фонда, при обеспечении помещикам особых привилегий за счет ущемления прав крестьян.

Реализация реформы оказалась растянута на долгие годы. Фактическая ликвидация прежних крепостнических отношений была связана лишь с заключительной ее стадией — выкупом крестьянами земельных наделов, оставленных им в пользование помещиками. До момента заключения выкупной сделки крестьяне должны были нести за отведенные им наделы определенные повинности в пользу помещика в виде барщины или оброка, т. е. их феодальная эксплуатация, в сущности, продолжалась. Хотя такого рода отношения рассматривались Положением 19 февраля как временные (поэтому бывшие крепостные крестьяне до их выхода на выкуп назывались временнообязанными), их прекращение не было обусловлено каким-либо сроком. Осуществление выкупной операции зависело от решения помещика. Это позволяло помещикам, не желавшим расставаться со старыми порядками, не спешить с переводом своих крестьян на выкуп. К началу 1870 г. почти $\frac{1}{3}$ бывших помещичьих крестьян оставались на положении временнообязанных. Спустя еще 11 лет более 15 % крестьян все еще не вышли на выкуп.

Под воздействием революционной ситуации 1879—1881 гг. царское правительство ускорило завершение реформы. В конце 1881 г. оно издало закон об обязательном выкупе временнообязанных крестьян к 1 января 1883 г. Одновременно были снижены выкупные платежи, а затем отменена подушная подать. Но в конце 80-х—начале 90-х годов царизм принял ряд мер, направленных на то, чтобы возродить средства внеэкономического принуждения крестьян (закон 1889 г. о земских начальниках), усилить прикрепление крестьян к земле и помешать им свободно распоряжаться выкупленной надельной землей (закон 1889 г., ограничивавший переселения крестьян, и закон 1893 г., затруднявший выход крестьян из общины и продажу ими своих наделов).

Реформа 1861 г., подорвав основанную на крепостном праве феодальную систему ведения помещичьих хозяйств, создавала условия для постепенной капиталистической их перестройки. С прекращением временнообязанных отношений на смену барщине пришла **отработочная система**, сущность которой заключалась в работе крестьянина на помещика за плату, но со своим инвентарем. Это была переходная, полуфеодально-полукапиталистическая система. Она содержала как элементы старого, феодального хозяйства (использование инвентаря крестьянина), так и элементы нового, капиталистического (наем, заработная плата). Тенденция развития отработочной системы проявлялась в том, что роль феодальных элементов в ней ослабевала, а капиталистических — возрастала, в результате чего она в конечном итоге приобретала вполне капиталистический характер.

Однако эта эволюция происходила крайне медленно. Хотя получен-

ные выкупные платежи позволяли помещикам произвести необходимые затраты для капиталистической перестройки своих хозяйств, у них не было ни умения, ни особой потребности этим заниматься. Дело в том, что по соседству с помещичьими латифундиями находились прикрепленные к своим наделам крестьяне, еще сохранившие живой и мертвый инвентарь. Задавленные платежами, они, чтобы свести концы с концами, были вынуждены идти в кабалу к помещикам. Это позволяло последним вести свои хозяйства, не затрачивая средств на покупку недостающего рабочего скота и сельскохозяйственных орудий.

В то же время условия, в которые были поставлены реформой крестьянские хозяйства, мешали развитию капиталистического товарного производства на их основе. При этом крестьянство в своей массе пауперизовывалось, выделяя лишь небольшую прослойку зажиточных хозяйств. Ограничение свободы купли-продажи наделной земли мешало ее концентрации в руках у формирующейся сельской буржуазии.

Четыре десятилетия, прошедшие со времени реформы 1861 г., показали, что значительная часть дворянства оказалась неспособной повернуть свои хозяйства на капиталистический путь. И именно крестьянские хозяйства, несмотря на многочисленные пути остатков крепостничества, задерживавшие внеэкономически и экономически их развитие, стали основной движущей силой капиталистической эволюции аграрного строя. Свидетельством тому было неуклонное уменьшение роли помещичьих хозяйств в земледельческом производстве, отчетливо проявившееся как в динамике землевладения, так и в изменении соотношения удельного веса помещичьих и крестьянских хозяйств на рынке сельскохозяйственной продукции.

Уже в первые годы реализации реформы помещики стали утрачивать свои земли. К 1877 г. их потери составили в целом по Европейской России около 10 % ²⁹. Данные земельных переписей 1877 и 1905 гг. позволяют составить достаточно точное представление о движении дворянского землевладения за этот период в целом по Европейской России и по ее экономическим районам ³⁰. В табл. 1 показано сокращение размеров дворянского землевладения в 1905 г. в % к 1877 г. Как видим, лишь в двух районах — Приуральском и Прибалтийском — потери земельных владений дворян были невелики. В Юго-Западном и Литовско-Белорусском районах они составляли не менее 15 %, Центрально-черноземном — почти 30, а в остальных — приблизительно 40 %.

Соответственно снизился и удельный вес дворянского землевладения в общем земельном фонде, о чем свидетельствуют данные табл. 2, характеризующие соотношение основных категорий земельных владений в Европейской России в 1877 и 1905 гг. Зато существенно возросла доля крестьянских земель, главным образом за счет покупок ими частных владений.

²⁹ Материалы по статистике движения землевладения в России. СПб., 1911. Вып. 20. С. XXIV—XXV.

³⁰ См.: Проскурякова Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX—начале XX в. // История СССР. 1973. № 1. С. 55—75; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Указ. соч. С. 251. Результаты расчетов Н. А. Проскуряковой и И. Д. Ковальченко использованы в табл. 1—3.

Таблица 1. Сокращение дворянского землевладения в Европейской России в 1877—1905 гг.

Районы	%	Районы	%
Северный	67	Средневолжский	38
Приуральский	2	Украинский левобережный	40
Северо-Западный	40	Юго-Западный	15
Прибалтийский	5	Южный степной	44
Литовско-Белорусский	17	Юго-Восточный	41
Центрально-промышленный	47	Европейская Россия в целом	30
Центрально-черноземный	29		

Таблица 2. Структура землевладения в Европейской России в 1877 и 1905 гг.

Категории земельных владений	1877 г.*		1905 г.	
	млн дес.	%	млн дес.	%
Государственные, удельные, монастырские и пр.	165,6	42,4	154,0	39,0
Наделные	131,4	33,7	138,8	35,2
Частные	93,4	23,9	101,7	25,8
в том числе:				
дворянские	73,2	18,7	53,2	13,5
крестьянские личные	5,0	1,3	13,2	3,3
» общественные	—	—	11,3	2,9
Всего по Европейской России	390,4	100,0	394,5	100,0

* Без Области Войска Донского.

Поскольку процесс капиталистической эволюции аграрного строя страны имел, как уже отмечалось, существенные региональные отличия, целесообразно ознакомиться с данными, отражающими изменения позиций дворянского и крестьянского землевладения с 1877 по 1905 г. в отдельных районах Европейской России (см. табл. 3). Они свидетельствуют о том, что дворянство укрепило свои позиции лишь в Прибалтийском районе. В двух других — Приуральском и Средневолжском — удельный вес дворянских земель остался почти без изменений. В остальных он уменьшился, причем особенно значительно в Южном степном, Украинском левобережном, Северо-Западном и Центрально-промышленном районах.

Удельный вес крестьянского землевладения снизился только в Прибалтийском районе. Более резко он возрос в Южном степном и Украинском левобережном, которые, как мы видели, отличались и наиболее заметным снижением доли дворянских земель.

Следует, однако, отметить, что сокращение общей площади земель, принадлежащих дворянству, само по себе еще не означало его оскудения. Хотя есть основания предполагать, что немалая часть денег, полученных российскими помещиками в 1862—1905 гг. за проданные ими более 30 млн десятин, была растрочена непроизводительно; все же эти деньги,

Таблица 3. Удельный вес дворянских и крестьянских земель в земельном фонде по Европейской России в 1877 и 1905 гг.

Район	Удельный вес земель, %*	
	дворянских	крестьянских
Северный	0,8	3,6
	0,3	7,4
Приуральский	16,0	27,8
	16,7	38,6
Северо-Западный	32,0	38,0
	17,4	47,0
Прибалтийский	43,8	43,3
	45,7	33,5
Литовско-Белорусский	40,3	39,0
	36,1	47,0
Центрально-промышленный	25,9	51,7
	13,4	57,9
Центрально-черноземный	29,3	59,4
	20,6	64,0
Средневолжский	25,4	51,8
	24,1	58,5
Украинский левобережный	35,9	54,2
	20,5	68,3
Юго-Западный	43,1	44,0
	34,7	49,7
Южный степной **	37,3	42,2
	14,8	65,3
Юго-Восточный	11,7	64,5
	7,1	69,2
Европейская Россия в целом	19,2	33,4
	13,4	41,4

* Первая строка — 1877 г., вторая — 1905 г.

** Данные за 1877 г. без Области Войска Донского.

видимо, способствовали развитию предпринимательской деятельности помещиков ³¹.

К тому же, несмотря на сокращение площади земельных владений дворян, стоимость их значительно возросла. По расчетам Н. А. Проскуряковой, общая стоимость дворянских земель в Европейской России (без учета трех прибалтийских, Архангельской и Астраханской губерний, а также Области Войска Донского, по которым нет необходимых сведений) в 1877 г. составляла 1,5 млн рублей, а в 1905 г. — 4,3 млн. Эти расчеты показывают, что у помещиков оставались лучшие земли. На учтенной территории доля дворянских владений в общем земельном фонде сократилась в 1877—1905 гг. по площади земли с 23 до 16 %, а по ее стоимости — с 29 до 21 % ³².

³¹ См.: *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России; *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России: 1861—1904 гг. М., 1979.

³² *Проскурякова Н. А.* Указ. соч. С. 62.

Однако сам факт снижения удельного веса дворянского землевладения, переход земель, принадлежавших дворянам, к лицам из других сословий, и в большей части к крестьянам, очевиден. Следствием этого было оттеснение крестьянскими хозяйствами дворянских на второй план в качестве поставщиков сельскохозяйственных продуктов на рынок. Уже с 70-х годов XIX в. на долю дворянских хозяйств приходилось менее половины, а к началу 900-х годов немногим более четверти товарной продукции земледелия. Аналогичным было положение и в животноводстве. Лишь в Прибалтике, Литве и на Юго-Западе помещичьи хозяйства сохраняли еще первенство по производству товарной продукции. Приводя эти данные, И. Д. Ковальченко писал: «... в начале XX в. только в западных районах страны помещичье хозяйство занимало ведущее положение на рынке и могло оказывать определяющее воздействие на ход аграрного развития. Во всех остальных районах оно не обладало такой способностью. Ведущее место в земледельческом производстве страны принадлежало крестьянскому хозяйству. При этом в эпоху капитализма общая тенденция развития была такова, что роль помещичьего хозяйства падала, а крестьянского повышалась»³³.

Важным направлением развития аграрного капитализма в России в пореформенное время явилось вовлечение в земледельческое производство новых, к тому времени еще слабо освоенных районов страны. Наличие на ее окраинах свободных земель, относительно доступных для крестьянской колонизации, способствовало развитию российского капитализма вширь. Нарастающий поток крестьян-переселенцев, преодолевая расстояния и чинимые царскими властями препятствия, устремился из старых земледельческих районов в Новороссию, Донскую область, Степное Предкавказье, Заволжье и Сибирь. Уже в 80-е годы южные и юго-восточные окраины Европейской России оттеснили на второй план средне-черноземные губернии, первенствовавшие раньше в производстве зерна.

Быстрый рост земледельческого производства на окраинных территориях, где помещичье землевладение не играло большой роли или совсем отсутствовало, значительно усилил позиции крестьянских хозяйств в выпуске товарной продукции.

И. Д. Ковальченко и Л. И. Бородиным была предпринята чрезвычайно интересная попытка определения социальной типологии аграрного строя Европейской России на рубеже XIX—XX вв. методами многомерного количественного анализа на основе целой совокупности показателей. Ими выявлены три типа социальной аграрной структуры.

1-й — помещичий — выражал собой буржуазную аграрную эволюцию, «в которой доминировало помещичье хозяйство». Он был представлен губерниями Прибалтики (Эстляндской, Лифляндской и Курляндской), Литовско-Белорусского района (Ковенской, Гродненской, Виленской, Витебской, Минской, Могилевской) и Юго-Западного (Волинской, Киевской, Подольской).

³³ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России. С. 191; см. также: Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. С. 218—219.

2-й — крестьянский — являлся выражением эволюции, «в которой господствовало крестьянское хозяйство». Зоной его распространения были Южный степной район без Бессарабии (Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и Область Войска Донского), Юго-Восточный без Уфимской губернии (Самарская, Оренбургская, Астраханская губернии), Северный (Архангельская, Олонецкая, Вологодская губернии) а также Вятская и Казанская губернии.

Наконец, 3-й — помещичье-крестьянский — занимал «промежуточное положение между типами, выражающими развитие аграрного капитализма на основе помещичьего и крестьянского хозяйства». Он был характерен для обширной территории, включавшей в себя Северо-Западный район (Псковскую, Новгородскую и Петербургскую губернии), Центрально-промышленный (Московскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, Тверскую, Калужскую, а также Смоленскую губернии), Центрально-черноземный (Тульскую, Рязанскую, Орловскую, Курскую, Воронежскую и Тамбовскую губернии), Украинский левобережный район (Черниговскую, Полтавскую и Харьковскую губернии), Средневожский без Казанской губернии (Симбирскую, Пензенскую и Саратовскую губернии), а также Пермскую, Уфимскую и Бессарабские губернии. «Преобладающей здесь была тенденция развития аграрного капитализма под воздействием помещичьего хозяйства. . . Однако весьма явственно проявлялась и крестьянская разновидность буржуазной аграрной эволюции»³⁴.

Итак, несмотря на понесенные земельные потери и утрату ведущей роли в качестве поставщика товарной продукции, помещичье хозяйство в начале XX в. продолжало оказывать преобладающее воздействие на ход буржуазной аграрной эволюции огромного региона, жители которого составляли более $\frac{2}{3}$ населения Европейской России. От его влияния, как отметили авторы проведенного исследования, не была свободна и зона, где доминировал крестьянский тип капиталистического развития.

Секрет такого парадоксального на первый взгляд положения заключался в том, что мера воздействия помещичьего хозяйства на экономическую жизнь пореформенной России и процесс трансформации ее аграрного строя определялась не только его экономическими позициями, но также и той поддержкой, которую ему оказывала политическая власть. Дворянское землевладение и царское самодержавие были неразрывно связаны между собой. Самодержавие как политическая власть, выражавшая интересы дворян, не могло бы существовать, не будь дворянского землевладения. Но и последнее не имело шансов сохраниться в условиях капиталистического развития России, если бы дворянство не удержало за собой рычаги политической власти в лице самодержавия.

Формы поддержки самодержавием дворянского землевладения и помещичьего хозяйства были чрезвычайно многообразны. Поскольку, несмотря на огромные выкупные платежи и различные привилегии, полученные помещиками по реформе 1861 г., хозяйства многих из них в 80-х годах

³⁴ Ковальченко И. Д., Бородин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX в.: (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1. С. 57—95.

в условиях аграрного кризиса оказались в критическом положении, царскому правительству пришлось для оказания им помощи создать целую кредитную систему в виде взаимосвязанных государственных земельных банков — Крестьянского и Дворянского. Первый из них был призван помочь помещикам в продаже их земель по достаточно высокой цене, а второй — оказывать им прямую финансовую поддержку на льготных условиях. На 1 января 1895 г. сумма выданных Дворянским банком ссуд составила 523,9 млн руб. Причем $\frac{2}{3}$ ее приходились на помещичьи имения, расположенные в зоне преобладания отработочной и смешанной систем ведения хозяйства. К 1905 г. сумма ссуд возросла до 801,4 млн руб. На этот раз доля указанной зоны составила $\frac{3}{5}$ ³⁵.

Искусственная поддержка царизмом дворянского землевладения, а также установленные им препоны, мешавшие обращению надельной земли, имели, как показало исследование И. Д. Ковальченко, своим результатом то, что формирование единого земельного рынка в России к началу XX в. не было завершено³⁶.

Кроме прямой финансовой поддержки помещиков центральных районов Европейской России, царское правительство в начале 90-х годов принимает специальные меры, чтобы оградить их от конкуренции периферии. Министр финансов С. Ю. Витте, тот самый, политика которого изображается некоторыми историками в качестве чуть ли не главного фактора капиталистического развития России в конце XIX в., провел тарифную реформу, закрепившую внутренние потребительские рынки за земледелием центральных районов, придав потокам хлебных грузов с южных окраин преимущественно экспортное направление. Когда же в середине 90-х годов приблизилось к завершению строительство первой очереди Западно-Сибирской железнодорожной магистрали, он позаботился, чтобы и сибирский хлеб не допустить в центр, направив его в Архангельск для экспорта за границу (введение челябинского тарифного «перелома», строительство Пермь-Котласской железной дороги)³⁷.

Выше уже упоминались некоторые относящиеся к концу 80-х — началу 90-х годов меры царизма, имевшие целью задержать прогрессирувавшее разложение крестьянства и рост капиталистического производства на основе крестьянских хозяйств в центральных районах Европейской России, а также найти новые внеэкономические средства подчинения крестьян помещикам.

Все эти попытки приспособить спонтанный процесс капиталистического развития российской деревни к потребностям и темпам буржуазной перестройки помещичьих хозяйств имели своим результатом обострение социальных противоречий. Не удовлетворив российских дворян, которые требовали от царского правительства более энергичной, щедрой и последовательной их защиты³⁸, они в то же время вызвали возмущение

³⁵ Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX в.: Статистика долгосрочного кредита в России / Сост. Н. А. Проскурякова. М., 1980. Табл. 19.

³⁶ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Указ. соч. Гл. 8.

³⁷ См. об этом: Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978. С. 183—188.

³⁸ См.: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

у широких масс мелких товаропроизводителей — крестьян, о чем свидетельствовало нараставшее крестьянское движение. В условиях бурного промышленного подъема 90-х годов и возобновившегося роста цен на мировом хлебном рынке стали особенно очевидны экономическая несообразность и социальная несправедливость проводившейся царизмом политики поддержания полуфеодальных помещичьих хозяйств и торможения буржуазного преобразования аграрного строя России.

Революция 1905—1907 гг. не разрешила назревших социальных противоречий. Аграрная реформа Столыпина, на которую вынужден был пойти царизм под давлением революции, оставила в неприкосновенности главное препятствие, задерживавшее аграрно-капиталистическое развитие России, — помещичье землевладение. В российской деревне продолжали противостоять друг другу горстка помещиков, владевшая громадной, совершенно не соответствующей их числу, частью земельного фонда, и многомиллионная масса крестьян, страдающих от малоземелья.

Открыв «последний клапан» для развития капитализма при сохранении помещичьего землевладения и царского самодержавия, столыпинская реформа несколько активизировала происходившие в этих условиях процессы капиталистической эволюции. Однако крайне ограниченные возможности, открытые столыпинской реформой, были очень скоро исчерпаны.

Об ускорении аграрно-капиталистического развития в 1907—1913 гг. свидетельствует ряд показателей: резкое увеличение применения сельскохозяйственных машин, повышение товарности сельского хозяйства, получившее выражение, в частности, в росте перевозок его продуктов по железным дорогам, подъем денежных накоплений сельского населения³⁹. При этом роль крестьянских хозяйств в сельскохозяйственном производстве продолжала увеличиваться, а помещичьих — уменьшаться.

Эта отмечавшаяся уже тенденция отчетливо проявилась в динамике землевладения. В табл. 4 представлены изменения, происшедшие за 1905—1914 гг. в распределении частной собственности на землю между основными сословными группами владельцев по 47 губерниям Европейской России (без трех прибалтийских губерний)⁴⁰. Как видим, в предвоенные годы вновь произошло сокращение дворянского землевладения. Большая часть земель, ими утраченных, перешла к крестьянам. Причем для этого периода характерен особенно значительный рост коллективных форм частного крестьянского землевладения. Заслуживает внимания и весьма ощутимое увеличение количества земли, принадлежавшей так называемым юридическим лицам, т. е. в большинстве своем различного рода ассоциированным капиталистическим предприятиям.

А. М. Анфимов, опубликовавший приведенные здесь данные, анализируя их, отметил, что распродажа дворянами своих земель резко возросла во время первой российской революции. Затем она сократилась и только с 1911 г. стала медленно увеличиваться. Но в 1911—1914 гг. дворяне

³⁹ См.: *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. Гл. 8; *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. Гл. 2.

⁴⁰ Эта таблица взята из статьи: *Анфимов А. М., Макаров И. Ф.* Новые данные о землевладении Европейской России // *История СССР.* 1974. № 1. С. 85.

Таблица 4. Изменения в сословной структуре частного землевладения в 1905—1914 гг., тыс. дес.

Категории владельцев	На 1 января 1905 г.	Изменения за 1905—1914 гг.	На 1 января 1915 г.	То же в % к 1905 г.
Дворяне, чиновники, офицеры	49768,2	—10783,1	38985,1	78,3
Купцы и почетные граждане	12806,2	—1723,2	11083,0	86,5
Духовенство	334,6	—29,3	305,3	91,2
Мещане, цеховые и городские рабочие	3727,8	+94,1	3821,9	102,5
Крестьяне, казаки, колонисты:				
лично	13208,5	+3637,0	16845,5	127,5
товариществами	7654,0	+5252,5	12906,5	168,6
обществами	3729,0	+905,4	4634,4	124,3
Итого:	24591,5	+9794,9	34386,4	139,8
Юридические лица	3758,4	+2894,3	6652,7	177,0
Прочие	2694,6	—247,9	2446,7	90,8
Всего	97681,3	—0,2	97681,1	100,0

в большей мере, чем раньше, стали выступать в качестве покупателей земли. Из 7,7 млн десятин, проданных дворянами, 4,1 млн десятин, т. е. больше половины, были куплены дворянами ⁴¹.

Другой исследователь — В. Н. Литуев, изучивший движение дворянского землевладения в Нечерноземье за 1863—1910 гг., пришел к выводу о затухании процесса перераспределения дворянской земли. Согласно его расчетам, уже в 1894—1910 гг. в отличие от предшествующего времени дворяне стали покупать более половины продаваемой дворянами земли. Проанализировав эту взаимосвязь и динамику цен на землю, он высказал мнение о том, что «непрерывно повышающиеся цены на земельном рынке привели в конечном итоге к существенному торможению перераспределения земельной собственности господствующего сословия» ⁴².

Явление, отмеченное Литуевым в отношении Нечерноземья, вероятно, не в одинаковой мере было присуще в 1894—1910 гг. другим экономическим районам Европейской России. Но, судя по приведенным выше расчетам Анфимова, в 1911—1914 гг. оно становится преобладающей тенденцией.

Помещичье землевладение, как убедительно показало исследование И. Д. Ковальченко, было непреодолимым препятствием, мешавшим завершению формирования земельного рынка в России ⁴³. В этих условиях происходивший постепенный переход помещичьих земель к другим сословиям, и прежде всего к крестьянству, означал беззастенчивое ограбление последнего. И все же он давал некоторые возможности для расширения

⁴¹ Анфимов А. М., Макаров И. Ф. Указ. соч. С. 86.

⁴² Литуев В. Н. Движение дворянского землевладения в Нечерноземье в эпоху капитализма // История СССР. 1983. № 2. С. 104.

⁴³ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Указ. соч. Гл. 8.

крестьянских хозяйств. Сокращение такого перехода вело к обострению противоречия между поддерживавшейся внеэкономически монополией дворян на земельном рынке и господствующим положением крестьянских хозяйств в сельскохозяйственном производстве.

Можно предположить, что тенденция к снижению темпов межсословного перераспределения дворянской земельной собственности обуславливалась и интеграцией помещичьих хозяйств в систему капиталистических отношений. Выше уже обращалось внимание на новейшие результаты изучения социально-экономического строя помещичьих хозяйств Европейской России к 1917 г. Исследование И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунской и Б. М. Литвакова показало, что «основой чертой этого строя было господство в нем товарно-капиталистических отношений и сравнительно высокий уровень их развития при сохранении, однако, хотя в целом уже изживших себя, но еще применявшихся отработочных форм организации помещичьего хозяйства, главным образом в виде отработок второго рода»⁴⁴. В этой связи авторы отмечают полную несостоятельность утверждений «о том, что якобы в России даже в начале XX в. тенденция буржуазного развития помещичьего хозяйства была слабо выражена или вовсе отсутствовала и что развитие этого хозяйства не создавало никаких объективных предпосылок для социалистических преобразований сельского хозяйства»⁴⁵. По их мнению, процессы буржуазной эволюции помещичьих хозяйств «также делали неизбежной социалистическую революцию в стране»⁴⁶. Поскольку в них господствовали собственно капиталистические методы ведения хозяйства, а отработки сохранялись лишь как дополнение к ним, «задачи буржуазно-демократической революции становились попутными задачами пролетарской социалистической революции»⁴⁷.

Упомянутая выше работа И. Д. Ковальченко, посвященная анализу производственно-экономического строя крестьянского хозяйства в конце XIX—начале XX в., также показала нарастание противоречий, порождавшихся развивающимся капитализмом. И хотя заинтересованность всех слоев крестьянства в ликвидации помещичьего землевладения и устранении других пережитков крепостничества продолжала оставаться главным стержнем классовой борьбы в деревне, антагонистом беднейшего крестьянина, воплощавшего в себе черты и мельчайшего производителя, и наемного рабочего, «являлся не только помещик-крепостник, но и зажиточный крестьянин, превращавшийся в собственно капиталиста»⁴⁸.

Советские историки при изучении аграрно-капиталистического развития России до сих пор уделяли преимущественное внимание эволюции социально-экономического строя помещичьих и крестьянских хозяйств, изменениям в землевладении и землепользовании, в способах ведения сельскохозяйственного производства и эксплуатации рабочей силы. Однако предпринятые ими в последние годы попытки исследования взаимо-

⁴⁴ Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Указ. соч. С. 206, 217—219.

⁴⁵ Там же. С. 223.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 224.

⁴⁸ Ковальченко И. Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX—начале XX в. С. 77.

связей деревни и города, организации сбыта сельскохозяйственной и животноводческой продукции, роли кредита в сельскохозяйственном производстве бросили свет на некоторые важные процессы развития капитализма, которые вели к прямому подчинению сельского хозяйства крупным капиталом ⁴⁹.

Еще в 1899 г. В. И. Ленин обратил внимание на то, что «в русской деревне переплетаются в настоящее время две основные формы классовой борьбы: 1) борьба крестьянства против привилегированных землевладельцев и против остатков крепостничества; 2) борьба нарождающегося сельского пролетариата с сельской буржуазией» ⁵⁰.

Последующее капиталистическое развитие страны привело к еще большему сплетению экономических отношений и социальных противоречий, порождаемых ростом капитализма и тормозящим влиянием крепостнических пережитков.

Глава третья

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. УТВЕРЖДЕНИЕ МОНОПОЛИЙ

1

Основы современных представлений о развитии промышленности в России, так же как и об эволюции сельского хозяйства в пореформенную эпоху, были заложены Лениным. Его величайшая заслуга состояла в том, что в своих трудах, и прежде всего в книге «Развитие капитализма в России», он сумел раскрыть неразрывную связь роста промышленного производства и капиталистической эволюции сельского хозяйства.

Важнейшие итоги дореволюционного изучения процессов развития российской промышленности оказались подведены в первое десятилетие после Октябрьской революции. В связи с восстановлением народного хозяйства и разработкой планов социалистической индустриализации в те годы была проведена большая работа по изучению состояния производительных сил страны, учету ее производственных мощностей и сырьевых ресурсов, определению путей и методов дальнейшего индустриального роста. Исследования, выполненные тогда преимущественно привлеченными советскими учреждениями бывшими буржуазными специалистами, суммировали обширный фактический материал, характеризующий динамику, географическую структуру, производственно-технический уровень развития ряда отраслей российской промышленности ¹.

⁴⁹ См., напр.: *Райский Ю. Л.* Направление поземельного кредита акционерных, земельных банков в период столыпинской аграрной реформы // Науч. тр. Курского пед. ин-та. Т. 11 (104): Вопросы истории и методики. Курск, 1973. С. 14—30; *Китанина Т. М.* Указ. соч. С. 152—216; *Корелин А. П.* Крупный сельскохозяйственный кредит в капиталистической России // Ист. зап. 1981. Т. 106. С. 162—205.

⁵⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 237.

¹ Об этом см.: *Тарновский К. Н.* Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 5—10.

В то время предпринимались также попытки охарактеризовать общие итоги промышленного развития России. Одна из наиболее интересных таких попыток нашла свое воплощение в плане ГОЭЛРО².

Наблюдавшиеся тогда разногласия в оценках состояния российской промышленности к 1917 г., как отмечалось в литературе³, были связаны с борьбой мнений о перспективах экономического развития Советского государства. Вероятно, они вызывались и недостатками статистики промышленного производства в России, затруднявшими рассмотрение российской промышленности в целом⁴.

Чтобы получить удовлетворительные статистические данные, дающие представления о ходе и результате промышленного развития страны, группа советских экономистов и статистиков под руководством В. Е. Варзара и Л. Б. Кафенгауза в середине 20-х годов приступила к составлению динамики российской и советской промышленности за сорок лет — с 1887 по 1926 г. В 1929—1930 гг. она осуществила переиздание данных промышленных переписей 1900, 1908 и 1910—1912 гг., дополненных сведениями из других источников с учетом всех отраслей промышленности (включая горнозаводские и подкацизные) в границах Российской империи (без Финляндии), что делало их достаточно полными и сравнимыми. Кроме того, были опубликованы соответствующие данные по территории СССР (в границах до 1939 г.)⁵. Решение следующей задачи — разработки динамических таблиц, содержащих ежегодные показатели числа промышленных заведений, количества рабочих на них и стоимости валовой продукции промышленности в целом и по отдельным отраслям в границах Российской империи и СССР, затянулось. Подготовленные к печати незадолго до Великой Отечественной войны, они так и не увидели света и до последнего времени не были известны⁶.

В результате в литературе, посвященной истории российской промышленности, господствовали отраслевой и региональный аспекты⁷. Исключе-

² План электрификации РСФСР: Доклад VIII съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России. 2-е изд. М., 1955.

³ См.: *Лельчук В. С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975. С. 93—212.

⁴ Главная трудность заключается в том, что имеющиеся данные по трем группам промышленности (горной, обрабатывающей, не обложённой акцизом, и обрабатывающей подкацизной) несравнимы без их предварительной переработки.

⁵ См.: Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887—1926 гг.). Т. 1. Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926 г. М.; Л., 1929—1930. Ч. 1—3.

⁶ Об этом см.: *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России: Конец XIX в.—1908 г. М., 1984. С. 19—27.

⁷ См.: *Бакулев Г. Л.* Черная металлургия Юга России. М., 1953; *Пажитнов К. А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России: Шерстяная промышленность. М., 1955; *Он же.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России: Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленности. М., 1958; *Розенфельд Я. С., Клименко К. И.* История машиностроения СССР. М., 1961; *Вяткин М. П.* Горнозаводской Урал в 1900—1917 гг. М.; Л., 1965; *Исмаилов М. А.* Промышленность Баку в начале XX в. Баку, 1976; *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917). М., 1982; *Ибрагимов М. Дж.* Нефтяная промышленность Азербайджана в период империализма. Баку, 1984; и др.

ние составляли только книги Р. С. Лившиц «Размещение промышленности в дореволюционной России» (М., 1955) и А. Ф. Яковлева «Экономические кризисы в России» (М., 1955).

В изучении развития промышленности значительно дольше, чем в исследовании эволюции сельского хозяйства, удерживалось преобладание экономистов. Лишь в 60-е годы экономисты утратили интерес к этой теме, и образовавшийся вакуум стали заполнять историки. Их приход принес новые веяния. Экономистов интересовали главным образом зрелые, крупнокапиталистические формы промышленного производства. Историки стали проявлять интерес к начальным стадиям развития капитализма в промышленности. Одним из первых результатов явилось опубликованное в 1966 г. исследование П. Г. Рындзюнского «Крестьянская промышленность в пореформенной России (60—80-е годы XIX в.)», в котором анализировалась роль мелкотоварного промышленного производства в разложении феодальной системы и становлении капиталистической промышленности. Как бы продолжением этого исследования стала уже упоминавшаяся в предыдущей главе более поздняя работа П. Г. Рындзюнского «Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века» (М., 1983), осветившая ту же проблему отделения промышленности от земледелия, но сквозь призму взаимоотношений города и деревни. А в книге Я. Е. Водарского «Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма» (М., 1972) эта проблема была рассмотрена на основе изучения истории формирования промышленных центров.

Упомянутые исследования, так же как и работы, посвященные некоторым регионам, где развитие промышленного производства было непосредственно связано с потребностями капиталистической перестройки сельского хозяйства⁸, всесторонне проанализировали спонтанные процессы роста промышленности в России и показали, каким образом здесь происходило становление крупного машинного производства.

Дискуссии по истории российской промышленности концентрируются в основном вокруг трех проблем: установление хронологических рамок промышленного переворота в России, определение роли политической надстройки в индустриальном развитии страны и оценка влияния на него со стороны иностранного капитала.

Споры по первой проблеме ведутся давно⁹. Здесь важно отметить, что завершение промышленного переворота в России исследователями дати-

⁸ См.: Меркис В. Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы с XIX в. Вильнюс, 1969; Болбас М. Ф. Промышленность Белоруссии, 1860—1900. Минск, 1978; Бочанова Г. А. Обработывающая промышленность Западной Сибири: Конец XIX—начало XX в. Новосибирск, 1978; Клейн Н. Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX—начале XX в. Саратов, 1981; Соловьева Е. И. Промысл сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981.

⁹ Об этом см.: Нифонтов А. С. Задачи изучения «промышленного переворота» в России // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 140—152; Промышленный переворот и его социально-экономические последствия // Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 70—93.

руется не позднее середины 90-х годов XIX в.¹⁰ Следовательно, можно считать общепризнанным, что к середине 90-х годов в российской промышленности утвердилось машинное производство.

Вторая проблема имеет еще более давнюю историю. Своими истоками она уходит чуть ли не к политике Петра I. Если ограничиться лишь пореформенной эпохой, то следует вспомнить указание Ф. Энгельса на правительственные меры — запретительные пошлины и субсидии — как на фактор роста крупной промышленности в России¹¹. Отвергая утверждения народников об отсутствии в России почвы для развития крупного промышленного производства, доказывая историческую обусловленность и объективную необходимость роста российской промышленности, Ленин отнюдь не отрицал воздействия политической надстройки на этот рост. Он отмечал, в частности, что период между 1861 и 1905 гг. «был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»¹². Эти слова приводятся иногда в обоснование утверждений об «искусственном росте» крупной промышленности в России¹³. Но чтобы правильно понять их смысл, необходимо принять во внимание тот контекст, в котором они находятся. Характеризуя указанный период, Ленин прежде всего писал, что «в течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны». Вот на каком историческом фоне происходило насаждение капитализма сверху. Оно имело место в условиях длительного сохранения следов крепостного права и осуществлялось политическим строем, который был «насквозь пропитан крепостничеством»¹⁴.

Парадоксы капиталистического развития России в пореформенную эпоху (затяжная, мучительная буржуазная перестройка аграрного строя и чрезвычайно высокие темпы промышленного роста, полукрепостнический характер политической власти в стране и предпринимавшиеся ею меры по поощрению железнодорожного строительства и развитию крупной промышленности) с конца 50-х годов стали привлекать к себе особое внимание советских исследователей в связи с активизировавшимся изучением торгово-промышленной политики царизма. До этого рассмотрению подвергалась главным образом его аграрная политика. Опубликованное в 1960 г. фундаментальное исследование И. Ф. Гиндина «Государственный банк и экономическая политика царского правительства

¹⁰ Расхождения содержащихся в литературе датировок конечного момента промышленного переворота в России невелики. Они укладываются в полтора десятилетия: с рубежа 70—80-х годов до середины 90-х годов. Лишь С. Г. Струмилин полагал, что переход от мануфактуры к фабрике в России совершился в основном еще до 1861 г.

¹¹ См.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947. С. 131.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38.

¹³ Тарновский К. Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 17.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38—39.

(1861—1892 годы)» положило начало более всесторонней разработке истории экономической политики самодержавия.

И. Ф. Гиндин в своем анализе справедливо исходил из того, что решение царизмом его основной задачи после отмены крепостного права — продления «исторического существования полукрепостнических латифундий — стало возможным лишь путем их совмещения с капиталистическим развитием страны и некоторой перестройки этих латифундий на капиталистический лад»¹⁵.

Характеризуя экономическую политику самодержавия, он высказал мнение, что «при стихийных процессах „усиленного роста капитализма снизу“ насаждение его сверху имело в широком историческом плане второстепенное значение. По самой своей сущности прямое государственное вмешательство локализовалось в отдельных отраслях, сосредоточивалось на немногих предпринятиях. Поэтому при исследовании конкретных фактов приходится говорить не о насаждении капитализма вообще, а о насаждении отдельных отраслей или отдельных предприятий». В конечном итоге «прямое государственное вмешательство, как и экономическая политика в целом, приводили в действительности к результатам, весьма отличным от тех конкретных задач, которые хотело решить правительство... Ускоряя в некоторых отношениях капиталистическое развитие России, они усиливали его противоречия, создавали дополнительные препятствия этому развитию»¹⁶.

С этими наблюдениями Гиндина резко контрастировал его конечный вывод о том, будто «вынужденное сделать главным направлением своей экономической политики развитие капитализма, царское правительство оказывало определенное влияние на его ускорение»¹⁷. Но именно этот вывод составил основу концепции государственного капитализма в России как средства ускорения индустриального развития страны, с которой Гиндин выступил в последующих своих работах¹⁸.

Однако исследования последних лет убедительно доказали ошибочность этого вывода. П. Г. Рындзюнский в своих работах показал органич-

¹⁵ Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Там же. С. 401. Вывод о том, что «при всей противоречивости и непоследовательности экономической политики царизма содействие капиталистическому развитию России после реформы 1861 г. стало все же главным ее направлением», был впервые им сделан в статье: Гиндин И. Ф. К вопросу об экономической политике царского правительства в 60—80-х годах XIX века // *Вопр. истории*. 1959. № 5. С. 63. Аналогичное положение содержалось и в статье: Бовыкин В. И., Гиндин И. Ф., Тарновский К. Н. Государственно-монополистический капитализм в России // *История СССР*. 1959. № 3. С. 89. Его ошибочность мне стала ясна позднее в результате проведенных исследований. В написанной на их основе книге «Зарождение финансового капитала в России» (М., 1967) мной дана иная характеристика экономической политики царизма (С. 74—75).

¹⁸ См.: Гиндин И. Ф. Государственный капитализм в России доомонополистического периода // *Вопр. истории*. 1964. № 9. С. 72—95; Он же. В. И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России // В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970. С. 230—317; Он же. Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране // *Свержение самодержавия*. М., 1970. С. 39—88.

ность процесса капиталистического развития в России, и в частности роста промышленного производства. Коснувшись тезиса И. Ф. Гиндина о том, будто «русский промышленный капитализм в значительной степени насажден сверху, в сжатые исторические сроки, без необходимой для этого перестройки низших базисных звеньев экономической структуры», он высказал предположение, что «этот неожиданный рецидив устаревшего понимания процесса утверждения капитализма в России, близкого к народническим взглядам, обусловлен изолированным рассмотрением высших форм капиталистического предпринимательства»¹⁹.

Не отрицая воздействия самодержавия на объективные процессы развития капитализма, П. Г. Рындзюнский оценивает его иначе, чем И. Ф. Гиндин: «Медленно реформируемый дворянско-абсолютистский аппарат власти вынужден был некоторым образом способствовать экономическому развитию России, но он же одновременно в еще большей мере задерживал это развитие»²⁰.

К этой оценке близко мнение Т. М. Китаниной, сложившееся в результате изучения ею правительственной политики в области хлебной торговли. Констатируя, что развитие капиталистических отношений в России представляло собой объективный процесс, по отношению к которому государственное вмешательство носило вторичный характер, она пишет: «Покровительствуя отдельным отраслям народного хозяйства и в то же время консервируя пережиточные явления в их наиболее гнетущих, застойных формах, эта политика в целом тормозила капиталистическую трансформацию экономики»²¹.

Наконец, Л. Е. Шепелев, специально занимавшийся историей торгово-промышленной политики царизма во второй половине XIX в., пришел к выводу, что эта политика диктовалась конкретными потребностями капиталистической эволюции «в условиях сохранения и в экономической, и в политической сферах жизни страны множества пережитков крепостничества, задерживавших органическое развитие экономики на капиталистической основе»²². В частности, поддержка промышленности со стороны государства «была необходима в России как средство хотя бы отчасти нейтрализовать отрицательное воздействие на это развитие множества неблагоприятных факторов», обусловленных сохранением пережитков крепостничества²³. Характеризуя осуществлявшуюся царским правительством политику таможенного протекционизма, Л. Е. Шепелев отмечает, что «протекционистская система, существовавшая в России, содействовала ее промышленно-капиталистическому развитию, но она при уже достигнутом уровне такого развития не была единственно возможной, а само это развитие в конце XIX века могло бы быть в целом более быстрым . . . и без таможенного покровительства в случае уничтожения внутри страны крепостнических преград на его пути, в особенности на

¹⁹ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России: 1850—1880 гг. М., 1978. С. 249.

²⁰ Рындзюнский П. Г. Указ. соч. С. 286.

²¹ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978. С. 277.

²² Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Л., 1981. С. 24.

²³ Там же. С. 25.

пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Протекционистская система обеспечивала развитие промышленности по худшему пути, подобно тому как капитализм в сельском хозяйстве России развивался преимущественно по худшему, так называемому прусскому пути»²⁴.

Примечательно, что вопрос о роли государства в индустриальном развитии России вызывает споры и среди буржуазных историков. В западной историографии имеет широкое хождение концепция, согласно которой развитие российской промышленности явилось результатом проводимой царским правительством, особенно С. Ю. Витте, политики индустриализации. Стронником и активным пропагандистом ее был американский историк А. Гершенкрон. Он полагал, что именно эта политика, осуществлявшаяся за счет средств, выкачиваемых из деревни, привела к революции 1905 г., ибо, когда платежеспособность сельского населения была исчерпана, «терпению крестьянства пришел конец»²⁵. Близких взглядов придерживался другой американский историк — Т. фон Лауэ. Он также видел в революции 1905 г. следствие осуществлявшейся царским правительством, главным образом в лице С. Ю. Витте, политики искусственного насаждения промышленности, глубоко чуждой экономической и социальной структуре страны²⁶.

Эта концепция разделяется многими зарубежными историками. Но у нее есть и противники. В VI томе «Кэмбриджской экономической истории Европы» наряду с главой А. Гершенкрона «Аграрная политика и индустриализация, Россия 1861—1917», отражавшей его концепцию, была опубликована глава французского историка Р. Порталля «Индустриализация России». Автор ее в отличие от А. Гершенкрона не склонен расценивать роль государства в качестве решающего фактора экономического развития России. По его мнению, подъем российской промышленности в конце XIX в. был органически связан с ее предшествовавшим развитием²⁷.

Американский историк А. Каган справедливо заметил, что расходы на железнодорожное строительство являлись единственной крупной статьей

²⁴ Там же. С. 256.

²⁵ *Gershenkron A. Economic Backwardness in historical perspective. Cambridge (Mass.), 1962. P. 132.* Выражая ту же мысль в другой своей работе, он писал: «Мало сомнения в том, что катаклизмы революции 1905 г. были органически связаны с годами промышленной трансформации, которая предшествовала ей» (*Continuity in history and other essays. Cambridge (Mass.), 1968. P. 211*). Эта точка зрения отражена и в книге: *The Cambridge Economic History of Europe. L., 1965. Vol. 6, pt 2. P. 767* (глава «Agrarian policies and industrialization. Russia, 1861—1917»).

²⁶ В опубликованной в 1958 г. статье «Граф Витте и русская революция 1905 г.» Т. фон Лауэ писал: «Быстрая индустриализация и следующая за ней вестернизация... породили недовольство, которое в значительной степени подтолкнуло революцию 1905 г.» (*Amer. Slav. and East Europ. Rev. 1958. Vol. 17, N 1. P. 28*). Через несколько лет в книге «Сергей Витте и индустриализация России» (N. Y.; L., 1963) он писал: «Устойчивость политики и социального порядка оказались под угрозой в результате быстроты индустриального роста; социальная политика и духовное приспособление не поспевали за ними, и это создавало угрозу не только самодержавию, но и либерально-образованному обществу» (P. 44).

²⁷ *The Cambridge Economic History of Europe. 1965. Vol. 6, pt 2. P. 801, 824.*

правительственных расходов на индустриализацию. Он высказал также соображение, что царское правительство своими действиями не увеличивало накоплений, влияя лишь на их приложение, а привлечение им иностранных капиталов посредством введения золотого стандарта достигалось слишком дорогой ценой. По его мнению, российская индустриализация могла бы быть столь же быстрой или даже более быстрой и с меньшими издержками для российского общества, если бы государство играло менее активную роль в проведении индустриализации и положилось бы вместо этого на частную инициативу и свободные рыночные силы²⁸.

Тезис об искусственном характере индустриального развития России подверг критике французский историк И. Барель. «При таком видении, — указывал он, — главным фактором русского развития становится государство, а история русского развития сводится тогда к хронике промышленной политики»²⁹.

Против преувеличения роли государства в индустриальном развитии России выступил также американский историк Дж. Мак-Кей. По его мнению, основное ее значение заключалось в создании в стране условий для иностранного предпринимательства. Почва же для него, как полагает Мак-Кей, уже созрела. Опровергая утверждения о якобы осуществлявшейся царизмом индустриализации России, он писал: «Непосредственно сооружение железных дорог и субсидирование частного железнодорожного строительства, составлявшие важнейшую сферу производительной экономической деятельности правительства, между 1880 и 1900 гг., т. е. в период наибольшего размаха строительства, поглотило немногим более миллиарда рублей. Эта сумма не превышала доход правительства от таможенных сборов за ввоз чая, кофе, алкогольных напитков, соли и селетки в указанные годы. Иначе говоря, государство израсходовало за данный период на железнодорожное строительство не более 5 процентов своего бюджета. Между тем это была единственно крупная статья его расходов на цели индустриализации»³⁰.

Как видим, изучение конкретных фактов ускоряющего воздействия царского самодержавия на развитие отдельных отраслей российской промышленности неизбежно выводило исследователей на рассмотрение экономической политики царизма в целом. При этом они, как правило, задавались вопросом о том, вносило ли вмешательство самодержавного государства в экономическую жизнь лишь те или иные частные коррективы в стихийно происходивший процесс развития капитализма, или оно являлось его главной движущей силой, действие которой обусловило принципиальные особенности капиталистической эволюции российского народного хозяйства. Хотя каждый из исследователей решал этот вопрос по-своему, все же провозглашенный К. Н. Тарновским в начале 70-х годов в качестве одного из важнейших итогов «проделанной исследователями

²⁸ Kahan A. Government policies and industrialisation of Russia // J. Econ. Hist. 1967. Vol. 37. P. 460—477.

²⁹ Barel Y. Le développement économique de la Russie tsariste. P.: La Haye, 1968. P. 245.

³⁰ McKay J. Pioneers for profit. Foreign entrepreneurship and russian industrialization, 1885—1913. Chicago; L., 1970. P. 9.

работы» вывод «об известном нарушении классической последовательности складывания системы крупнокапиталистического производства»

России вследствие «насаждения» капитализма государством³¹, как мне представляется, не соответствовал действительным результатам исследований, проведенных к тому времени советскими историками. Не подтвердился он и в дальнейшем.

Что касается содержащихся в исторической литературе оценок воздействия иностранного капитала на индустриальное развитие России, то они обычно зависят от освещения экономической политики самодержавия, поскольку последнее могло способствовать становлению и росту отдельных отраслей российского народного хозяйства страны, только используя зарубежные инвестиции. При этом споры ведутся по двум основным вопросам: 1) увеличивалась или уменьшалась зависимость России от иностранного капитала; 2) способствовал или препятствовал он развитию производительных сил страны? Утвердившаяся среди советских историков и экономистов в 30-е годы концепция полуколониальной зависимости России давала однозначный ответ на оба вопроса. Дальнейшие исследования показали ее необоснованность. Однако последовавший в 60-е годы отказ большинства историков от упомянутой концепции не решал спорных вопросов. Он означал лишь признание того, что степень зависимости России от иностранного капитала была преувеличена. Работы советских и зарубежных исследователей, опубликованные за последние двадцать лет, принесли новые доказательства противоречивости воздействия иностранного капитала на социально-экономическое развитие России. Теперь уже очевидно, что иностранный капитал являлся хотя и важным, но отнюдь не определяющим фактором экономического развития страны. Удовлетворяя назревшие потребности российского народного хозяйства, ориентируясь на внутренний рынок, переплетаясь и сращиваясь с отечественным капиталом, он интегрировался в процесс капиталистической эволюции России. Но, способствуя развитию капитализма в стране при сохранении политического господства и экономических привилегий помещиков, иностранный капитал мешал устранению реакционного самодержавно-помещичьего строя, который представлял собой главное препятствие, задерживавшее развитие производительных сил. И чем слабее становились позиции самодержавия в России, тем большее значение для его существования имела эта поддержка извне.

* * *

Советские историки всегда проявляли интерес к процессам монополизации промышленности в России. В соответствии с ленинской теорией империализма они видят в них важный признак вступления российского капитализма в монополистическую стадию, представляющую собой «каунт социалистической революции...»³².

В России монополистические объединения были запрещены законом,

³¹ *Тарновский К. Н.* Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки. С. 17.

³² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 301.

но царские власти, как правило, не применяли против них карательных мер. Это противоречие между юридическим запрещением и фактической дозволенностью, породив различного рода полулегальные формы существования монополистических объединений, вместе с тем обусловило и некоторые специфические черты отражения их деятельности в прессе и дореволюционных исследованиях. Сведения о монополистических объединениях в России, содержащиеся в периодической печати, изданиях представительных организаций буржуазии, публицистической и научной литературе, не полны и освещают главным образом внешние стороны их деятельности. Возможно, именно поэтому первые советские исследователи, изучавшие в 20-е годы историю монополизации народного хозяйства России по материалам дореволюционной печати, явно недооценивали значение российских монополий начала 900-х годов и не видели в них естественного результата происходившего в стране процесса капиталистического обобществления промышленного производства. Согласно выдвинутой Н. Н. Ванагом концепции дочернего происхождения финансового капитала в России, монополии здесь появились вследствие подчинения отечественной промышленности иностранными банками. Ваног утверждал, что происходила «монополизация русской промышленности международным банковым капиталом. . . через русские акционерные коммерческие банки. . .»³³. Развернувшаяся во второй половине 20-х годов дискуссия среди советских историков и экономистов по вопросам формирования российского финансового капитала не поколебала основной идеи концепции Ванага о производном, зависимом характере процесса монополистического перерождения капитализма в России³⁴. Используемая в труде П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР» (переиздававшаяся в 1939, 1948, 1950, 1952 и 1956 гг.), эта идея до середины 50-х годов определяла освещение российских монополий в советской исторической литературе. Но в ее трактовку Лященко внес изменение, охарактеризовав монополистические объединения в России как прямой результат внедрения иностранных монополий в народное хозяйство страны. По его словам, «все сколько-нибудь значительные русские синдикатские объединения или входили в качестве сочленов в международные монополистические объединения, или представляли по существу „дочерние“ организации и филиалы иностранных монополистических компаний либо даже простые „конторы“ их на русской почве»³⁵. Вместе с тем Лященко полагал, что монополии в России «не достигли высших организационных форм — трестов, — остановившись в своем развитии на объединениях синдикатского типа. . .»³⁶. Однако именно Лященко, опубликовав в 1946 г. обнаруженный им в архиве контрагентский договор синдиката «Продаметы»³⁷, стимулировал изучение архивных материалов по истории

³³ Ваног Н. Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1925. С. 25.

³⁴ Об этом см.: Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. С. 32—52; Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 8—16.

³⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М.; Л., 1939. С. 575. Эта характеристика была сохранена и в последующих изданиях.

³⁶ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР: В 2 т. М., 1948. Т. 2. С. 225.

³⁷ Лященко П. И. Из истории монополий в России: Контрагентские договоры «Про-

монополистического капитала в России, которое в конечном итоге показало несостоятельность его утверждений.

Активизировавшиеся в конце 40-х—начале 50-х годов исследования обнаружили, что процесс монополизации уже в первом десятилетии XX в. охватил все основные отрасли народного хозяйства страны. В результате встал вопрос о месте монополий в экономическом и политическом строе царской России, о характере их взаимоотношений с самодержавием. На решение этого вопроса оказала влияние предложенная в 1952 г. И. В. Сталиным формула подчинения государственного аппарата капиталистических стран монополиям³⁸. Она была использована рядом историков, и прежде всего М. Я. Гефтером, для объяснения, почему царское правительство не только попустительствовало, но фактически даже оказывало поддержку монополиям, действия которых наносили явный ущерб государственной казне, экономическим интересам помещиков и т. д.³⁹

Выявленные историками в архивах документы потребовали внесения существенных корректив в сложившиеся представления о роли монополий в экономической жизни России и их организационных формах. Прежде всего не выдержало проверки утверждение Лященко о недоразвитости российских монополий. В 1955—1957 гг. было доказано, что в России существовали и развивались такие высшие формы монополий, как тресты и концерны⁴⁰.

Следует, однако, отметить, что в это время при освещении монополизации российской экономики допускались и преувеличения. «В оценке уровня зрелости монополистического капитализма в России иногда встречаются крайности», — отмечал Ю. А. Красин⁴¹, ссылаясь на утверждение П. В. Волобуева о том, что «Россия, несмотря на свою экономическую отсталость, достигла наивысшего при капитализме уровня обобществления производства»⁴².

Результаты архивных исследований, опубликованные во второй половине 50-х годов, показали, что утверждение Лященко о дочернем происхождении российских монополий характеризует лишь исключительные случаи, а не общие условия возникновения монополистических объедине-

даметы» как орудие монополистической политики // Ист. зап. 1946. Т. 20. С. 150—188.

³⁸ См.: *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 101—102.

³⁹ См.: *Гефтер М. Я.* Царизм и монополистический капитал в металлургии Юга России до первой мировой войны: (К вопросу о подчинении государственного аппарата царизма монополиями) // Ист. зап. 1953. № 43. С. 70—130.

⁴⁰ См.: *Волобуев П. В.* Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903—1914 гг.) // Ист. зап. 1955. Т. 52. С. 80—111; *Бовыкин В. И., Тарновский К. Н.* Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России // *Вопр. истории.* 1957. № 2. С. 19—31; *Волобуев П. В., Гиндин И. Ф.* К истории концерна И. Стахеева // Ист. архив. 1957. № 3. С. 160—173.

⁴¹ *Красин Ю. А.* Ленин, революция, современность: Проблемы ленинской теории социалистической революции. М., 1967. С. 128.

⁴² *Волобуев П. В.* Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // *Победа Великой Октябрьской социалистической революции.* М., 1957. С. 82; *Он же.* Монополистический капитализм в России и его особенности. М., 1956.

ний в России. Поэтому исследователи стали искать предпосылки вступления российского капитализма в монополистическую стадию прежде всего в самой России, в предшествующем экономическом развитии страны. Как выяснилось, 80—90-е годы XIX в. были в истории России переходным периодом, когда в недрах старого «свободного» капитализма возникали и зрели новые явления, вызвавшие его превращение в капитализм монополистический⁴³.

Так сама логика проводимых исследований обуславливала расширение их проблематики и хронологических рамок. Начав изучение процесса монополизации с тяжелой промышленности, исследователи обратились затем к другим отраслям промышленного производства⁴⁴. От рассмотрения синдикатов они перешли к более высоким формам монополистических объединений. Ознакомление с путями образования последних «вывело» их на банки, документальные материалы которых позволили понять характер взаимодействия процессов монополизации промышленного производства и сращивания банков с промышленностью⁴⁵.

Отказ от тезиса о дочернем происхождении российских монополий способствовал более глубокой и всесторонней разработке вопроса о роли иностранного капитала в утверждении монополистического капитализма в России. Это имело своим результатом появление работ, освещавших историю российских монополий в тесной взаимосвязи с формированием международных монополистических союзов⁴⁶.

⁴³ См.: Бовыкин В. И. Новые сведения о ранних монополиях в России // Вестн. МГУ. Сер. ист.-филос. 1956. № 1. С. 181—187; *Он же*. Монополистические объединения 80—90 годов XIX в. в России // Материалы по истории СССР. Т. 6. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 11—46; Фурсенко А. А., Шепелев Л. Е. Нефтяные монополии России и их участие в борьбе за раздел мирового рынка в 90-х годах XIX в. // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 47—156; *Поголов С. И.* Из истории монополизации угольной промышленности Донбасса в конце XIX в. // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959. С. 5—25; Фурсенко А. А. Из истории русско-американских отношений на рубеже XIX—XX вв. // Из истории империализма в России. С. 219—269; и др.

⁴⁴ См.: Лаврычев В. Я. Процесс монополизации хлопчатобумажной промышленности России (1900—1914 гг.) // *Вопр. истории*. 1960. № 2. С. 137—151; *Он же*. Монополистический капитал в текстильной промышленности России. (1900—1917 гг.). М., 1963; *Круже Э. Э.* Табачный и ниточный тресты: (Из истории монополий в обрабатывающей промышленности) // Из истории империализма в России. С. 57—84; и др.

⁴⁵ См.: Бовыкин В. И. Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны // *Ист. зап.* 1959. Т. 64. С. 82—135; *Он же*. Из истории взаимоотношений банков с промышленностью накануне первой мировой войны // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 519—574; *Гиндин И. Ф., Тарновский К. Н.* История монополии Вогау (торгового дома «Вогау и К^о») // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 641—738; *Китанина Т. М.* Из истории образования концерна Стахеева // Из истории империализма в России. С. 100—133; *Шаццлло К. Ф.* Формирование финансового капитала в судостроительной промышленности Юга России // Из истории империализма в России. С. 26—56; и др.

⁴⁶ См.: Фурсенко А. А. Из истории русско-американских отношений. . . ; *Он же*. Первый нефтяной экспортный синдикат в России (1893—1897 гг.) // Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962. С. 4—58; *Дякин В. С.* Из истории проникновения иностранных капиталов в электропромышленность России («Большой русский синдикат 1899 г.») // Там же. С. 208—239; и др.

Однако в 60-е годы изучение процессов монополизации народного хозяйства России стало свертываться. Представления о господстве капиталистических отношений в аграрном строе страны, об искусственности российской крупной промышленности, якобы насажденной царизмом, которые получили распространение в это время среди советских историков, способствовали ослаблению их интереса к ключевым процессам капиталистического развития на его империалистической стадии, обусловившим возможность осуществления социалистических преобразований: концентрации производства, монополизации народного хозяйства, формированию финансового капитала, складыванию государственно-монополистических органов ⁴⁷.

Исходным рубежом нового этапа в изучении процессов утверждения и развития монополистического капитализма в России стала публикация в 1973—1975 гг. ряда исследований, задуманных еще в конце 50-х—начале 60-х годов ⁴⁸. Выход их в свет, свидетельствуя о возрождении интереса к проблемам истории российских монополий, способствовал обращению к ним начинающих исследователей. С середины 70-х годов в научной печати стали появляться статьи и сообщения, представлявшие собой первые результаты разработки новых тем. Исследования на этом этапе сосредоточились первоначально на монополистических объединениях, либо совершенно «обойденных» литературой 50—60-х годов, либо недостаточно освещенных ею. Затем появились работы, освещающие отношения монополий и государства в России в начале XX в., историю утверждения монополистических объединений в российской промышленности и формирования финансового капитала в 900-е годы ⁴⁹. Но, как мне кажется, важнейшие результаты возобновившейся разработки истории монополистического капитализма в России еще ждут своей публикации.

2

Российская промышленность вступила в пореформенную эпоху, неся на себе следы длительного существования в условиях господства крепостного права. Приспосабливаясь к этим условиям, развитие промышленности в России пошло двумя путями. Первый из них — это применение выработанных на Западе организационных форм крупного мануфактурного производства на основе использования принудительного труда крепостных крестьян. По этому пути развивались горно-металлургическая промышленность Урала, суконное, полотняное, стекольное, винокуренное

⁴⁷ Об этом подробнее см.: *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России. С. 9—14.

⁴⁸ См.: *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973; *Нардова В. А.* Начало монополизации нефтяной промышленности России 1880—1890-е годы. Л., 1974. *Рабинович Г. Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX—начала XX в. Томск, 1975; и др.

⁴⁹ См.: *Дьяконова И. А.* Нобелевская корпорация в России. М., 1980; *Лаврычев В. Я.* Государство и монополии в дореволюционной России. М., 1982; *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России; *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал: Конец XIX в. — 1914 г. М., 1984; *Наумова Г. Р.* Российские монополии: (Источниковедческие проблемы). М., 1984; и др.

и отчасти свеклосахарное производства, образовавшие сферу преимущественно дворянского предпринимательства.

Второй путь — возникновение промышленных предприятий, основанных на наемном труде крепостных крестьян, которых помещики переводили на денежный оброк. В поисках средств для его уплаты такие крестьяне либо уходили в город, либо занимались отхожими промыслами у себя в деревне. На этом пути выросла, в частности, российская хлопчатобумажная промышленность. Именно здесь начался и принес свои первые плоды промышленный переворот в России, вызвав к жизни появление крупных механизированных предприятий. В бумагопрядении они еще до реформы заняли преобладающее положение. Вместе с тем в процессе становления и роста хлопчатобумажной промышленности большую роль играло вовлечение в нее мелкого, «крестьянского» производства.

Отмена крепостного права обрекла на гибель предприятия, основанные на применении принудительного труда. Но поскольку фактическая ликвидация крепостных отношений растянулась более чем на двадцать лет, такие предприятия могли существовать еще некоторое время, безуспешно пытаясь приспособиться к новым условиям. В результате пореформенная перестройка российской промышленности, происходившая по мере освобождения крестьян от крепостной зависимости, выражалась, с одной стороны, в упадке помещичьих мануфактур вотчинно-посессионного типа, а с другой стороны, в развитии чисто капиталистических фабрик из предприятий, применявших труд оброчных крестьян, и из мелких крестьянских заведений. Естественно, что возможность использования технических достижений и организационно-производственного опыта более развитых стран облегчала становление крупного машинного производства в России.

Развитие российской промышленности в пореформенное время проявлялось не только в перестройке на капиталистических началах старых ее отраслей, но также в возникновении ряда новых. Одни из них — паровозо- и вагоностроение, добыча каменного угля и производство кокса, добыча и переработка нефти, сталелитейное, меднопрокатное, цементное производства были порождены происходившей технической революцией. В этих отраслях, возникавших главным образом в результате перелива капиталов извне, господствующие позиции сразу же занимали крупные капиталистические предприятия, многие из которых действовали в акционерной форме. В складывании другой группы молодых отраслей — в их числе мукомольного, масложитного, лесопильного производств — проявился процесс индустриализации переработки сельскохозяйственного сырья. Эти отрасли вырастали постепенно из недр сельского хозяйства, и в них долгое время преобладали мелкие предприятия.

Таблица 5⁵⁰ дает представление о структуре обрабатывающей промышленности в границах 50 губерний Европейской России (без учета

⁵⁰ Таблица 5 составлена на основе данных, содержащихся в следующих публикациях: Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1867—1888 гг. СПб., 1890; Обзор деятельности Министерства финансов в царствование Императора Александра III (1881—1894). СПб., 1902; Динамика российской и советской промышленности. М.; Л., 1929—1930. Т. 1, ч. 1—3.

Таблица 5. Отраслевая структура промышленного производства в России (млн руб.)

Годы	Обрабатывающая промышленность								Горнозавод- ская про- мышленность	В целом по промышлен- ности России
	Пищевая	Текс- тильная	Обработка смешанных материалов и животных продуктов	Химиче- ская	Деревообра- батывающая и писчебу- мажная	Силикат- ная	Металлооб- рабатываю- щая	Всего		
1867 *	—	167,3	20,8	20,1	5,3	4,7	17,7	235,9	—	—
1874 *	26,6 **	232,4	35,9	36,4	14,8	10,4	51,3	407,8 **	—	—
1880 *	88,1 **	356,4	59,3	53,6	31,6	22,0	83,8	694,8 **	—	—
1880	291,9	419,3	71,7	59,7	39,5	28,2	120,7	1031,0	148,5	1179,5
1887 *	141,2 **	364,1	47,7	46,2	39,4	23,2	72,0	733,8 **	—	—
1887	451,0	453,8	64,0	54,8	48,1	29,0	114,4	1215,1	185,8	1400,9
1893	532,5	593,6	69,5	84,2	68,5	34,7	173,4	1556,4	263,7	1820,1
1900	767,4	805,2	118,8	131,2	153,3	80,7	357,8	2414,4	671,6	3086,0
1908	1215,7	1259,8	176,6	217,1	213,8	97,8	407,2	3588,0	709,3	4297,3
1913	1443,7	1854,9	240,4	478,6	315,4	187,7	769,0	5289,7	1182,4	6472,1

* В границах 50 губерний Европейской России.

** Без отраслей, облагавшихся акцизом.

производств, облагавшихся акцизом: свеклосахарного, винокуренного и др.) на исходный момент пореформенного индустриального развития. Как видим, в это время совершенно исключительное положение среди ее отраслей занимало текстильное производство, на долю которого приходилось более $\frac{2}{3}$ продукции всей обрабатывающей промышленности. В дальнейшем в результате роста других отраслей и появления некоторых новых удельный вес текстильного производства несколько понизился, но оно сохранило свои лидирующие позиции.

На изменения, происшедшие в отраслевой структуре российской промышленности, оказало определенное влияние осуществлявшееся царским правительством железнодорожное строительство, призванное создать условия для товаризации помещичьих хозяйств и обеспечить стратегические интересы российского государства.

Уже в первые два пореформенные десятилетия железные дороги, построенные в Европейской России, связали земледельческие районы с промышленными центрами, вывозными портами Балтийского и Черного морей, важнейшими речными магистралями. В 80—90 годах железные дороги «перевалили» через Урал и Кавказ, устремились на Север и в Среднюю Азию. К концу века Россия уступала по общей протяженности железнодорожной сети лишь США.

Строительство и эксплуатация железных дорог вызвали повышенный спрос на изделия тяжелой индустрии. Между тем металлургия Урала, выросшая на крепостном труде, после реформы 1861 г. переживала упадок, а машиностроение в России еще только зарождалось, с трудом отстаивая свое право на существование в борьбе с иностранными экспортерами. В 60-х годах все, что было необходимо для строительства и эксплуатации железных дорог: рельсы, рельсовые скрепления, стрелки, металлоконструкции, станционное оборудование, вагоны, паровозы — ввозилось из-за границы. Но поскольку это вызвало рост иностранной задолженности, самодержавие вынуждено было приступить к насаждению отечественного производства рельсов и подвижного состава. Первые шаги в этом направлении, сделанные в конце 60-х годов, выразились в разрешении беспошлинного ввоза чугуна и железа для нужд металлообрабатывающей промышленности, введения ввозных пошлин на некоторые машины, в том числе паровозы, ограничении права железнодорожных обществ закупать рельсы и подвижной состав за границей. Вместе с тем царское правительство прибегало к предоставлению на льготных условиях крупных казенных заказов машиностроительным и рельсопрокатным предприятиям.

В результате конец 60-х—первая половина 70-х годов явились важным этапом в развитии тяжелой промышленности в России. За это время в стране возникло отечественное паровозо- и вагоностроение. К середине 70-х годов производство паровозов и товарных вагонов в России превысило их ввоз. Было налажено и производство рельсов. В 1875 г. его объем достиг 2,7 млн пудов. Но более $\frac{2}{3}$ этого количества составляли железные рельсы, которые уже не соответствовали возросшему уровню путевой техники.

Продолжая практику предоставления крупных казенных заказов и оказания финансовой поддержки заводам, обслуживающим железно-

дорожное строительство, царское правительство в 1876—1877 гг. приняло новые меры по увеличению выпуска паровозов и вагонов отечественными заводами (запрещение новым железнодорожным обществам покупать подвижной состав за границей, повышение ввозных пошлин на паровозы, введение премий русским заводам за каждый изготовленный паровоз) и созданию условий для развития в России производства стальных рельсов (предписание железнодорожным обществам заказывать не менее половины необходимых им рельсов русским заводам, прекращение беспошлинного ввоза рельсов, премии за стальные рельсы, произведенные отечественными заводами по частным заказам).

Эти меры оказали свое воздействие. Во второй половине 70-х годов выпуск паровозов возрос в 2 раза, а товарных вагонов — в 1,5. Отечественное машиностроение стало удовлетворять более $\frac{3}{4}$ потребности российских железных дорог в подвижном составе. Объем рельсового производства увеличился почти в 5 раз. Причем удельный вес железных рельсов снизился до 3 %. К началу 80-х годов стальные рельсы отечественного производства почти полностью вытеснили импортные. Однако прокатом рельсов занимались главным образом передельные заводы. Производство чугуна, основным центром которого оставался Урал, медленно оправлялось от шока, пережитого в результате отмены крепостного права. Его выплавка лишь в 1870 г. превысила уровень 1860 г. В последующее десятилетие она возросла всего на $\frac{1}{4}$. В итоге доля России в мировом производстве чугуна упала с 4 % в 1860 г. до 2,5 % в 1880 г. А потребности российской промышленности в чугуне все более удовлетворялись за счет импорта. К началу 80-х годов последний достиг половины отечественной выплавки чугуна.

Таким был первый этап пореформенной промышленной политики царизма, когда государственное воздействие на индустриальное развитие страны затронуло лишь отдельные отрасли российской промышленности и проявилось в прямом насаждении производства наиболее важных предметов железнодорожного спроса, без наличия которых нельзя было строить и эксплуатировать железные дороги. В ходе осуществления этой политики, преследовавшей узко практические цели, выяснилось, что для успешного развития избранных отраслей необходима соответствующая металлургическая база.

Следующий этап в политике царизма хронологически совпадал с периодом кризиса начала 80-х годов и последовавшей за ним длительной депрессии. Теперь главная забота царского правительства состояла в том, чтобы поддержать созданные отрасли промышленного производства. Несмотря на сокращение железнодорожного строительства, правительство продолжало предоставлять рельсопрокатным, паровозо- и вагоностроительным заводам казенные заказы, идя даже на создание значительных государственных запасов рельсов и подвижного состава. Продолжало оно оказывать и финансовую поддержку таким заводам, спасая их в ряде случаев от неминуемого краха. Вместе с тем правительство воспользовалось создавшимися условиями для того, чтобы добиться наконец «водворения» в России производства рельсов из отечественных материалов. С 1884 г. оно отказалось от дальнейшей помощи передельным заводам. Одновременно стали резко повышаться ввозные пошлины на чу-

Таблица 6. Отечественные капиталовложения в ценные бумаги (в млрд руб.)

Годы (на 1 января)	Облигации российских государственных займов. Гарантированные правительством облигации и акции железнодорожных обществ			Обязательства Дворянского и Крестьянского банков
	Всего	Облигации государственных займов	Облигации и акции железнодорожных обществ	
1893	3136	2712	424	209
1900	3412	2917	495	459
1908	4793	4072	721	1069
1913	5256	4463	793	1839
Прирост				
1893—1900	276	205	71	250
1900—1908	1381	1155	226	610
1908—1913	463	391	72	770

Таблица 7. Иностранные капиталовложения в ценные бумаги (в млн руб.)

Годы (на 1 января)	Облигации российских государственных займов. Гарантированные правительством облигации и акции железнодорожных обществ			Обязательства Дворянского и Крестьянского банков	Облигации займов российских городов
	Всего	Облигации государственных займов	Облигации и акции железнодорожных обществ		
1893	2713	2090	623	—	—
1900	3893	3325	568	102	4
1908	5170	4642	528	96	26
1913	5275	4410	865	186	164
Прирост					
1893—1900	1180	1235	—55	102	4
1900—1908	1277	1317	—40	—6	22
1908—1913	105	—232	337	90	138

гун. За 1884—1887 гг. они возросли более чем в 5 раз. Тогда же были установлены охранительные пошлины на уголь, кокс и железную руду.

В конце 80-х—начале 90-х годов царское самодержавие перешло от непосредственного насаждения некоторых особо привилегированных отраслей к поощрению развития промышленности вообще, которое принципиально не отличалось от покровительственной политики правительств других капиталистических государств. Это нашло свое выражение в таможенном тарифе 1891 г., завершившем создание системы усиленного протекционизма. Последняя в дальнейшем была дополнена мероприятиями, направленными на привлечение иностранных капиталов в российскую промышленность.

К 1900 г. удельный вес в общей годовой стоимости продукции российской промышленности изделий тех ее отраслей, становление и рост

Облигации займов русских городов	Акции и облигации акционерных предприятий		Закладные листы частных ипотечных банков	Всего отечественных капиталовложений
	Всего	Акции		
17	782	739	1225	5369
83	1707	1640	1784	7445
177	1795	1637	2224	10058
261	3652	3433	2953	13961
66	925	901	559	2076
94	88	—3	440	2613
84	1857	1796	729	3903

Акции и облигации действующих в России акционерных предприятий				Всего иностранных капиталовложе- ний
Всего	В том числе акций	Из них		
		акции иностран- ных предприятий	акции предприя- тий, основанных в России	
238	203	89	114	2951
911	762	365	397	4910
1187	989	399	590	6479
1960	1701	553	1148	7585
673	559	276	283	1959
276	227	34	193	1569
773	712	154	558	1106

которых были ускорены в результате непосредственного вмешательства царского правительства, составлял не более 10 %.

Меры царизма по поощрению развития отдельных отраслей народного хозяйства — железнодорожного транспорта и связанных с ним промышленных производств представляли собой как бы оборотную сторону общей экономической политики сдерживания капиталистической эволюции в целом. Царскому самодержавию для удержания своего господства и сохранения помещичьего землевладения требовались огромные средства, которые изымались в виде налогов и различных поборов, а также через систему госкредита из сферы производительного использования в народном хозяйстве страны. К 1900 г. только 4 % отечественных капиталовложений в государственные займы были использованы царизмом на железнодорожное строительство. Более 3,2 млрд руб. он истратил непроизводительно в ущерб нормальному развитию сельского хозяйства и

промышленности. Это составляло почти 44 % номинальной стоимости всех ценных бумаг размещенных в России на 1900 г. (см. табл. 6) ⁵¹.

Истощая народнохозяйственный организм, мешая естественному процессу капиталистического воспроизводства, царское самодержавие оказалось вынуждено само вкладывать средства в некоторые отрасли экономики страны, в развитии которых был заинтересован правящий класс. С этой целью оно широко использовало зарубежный денежный рынок, размещая там свои займы ⁵². Введение в середине 90-х годов золотого обеспечения рубля активизировало и прямые иностранные инвестиции в российское народное хозяйство (см. табл. 7). Они стали важным фактором промышленного подъема конца XIX в. в России.

В итоге вмешательство царского самодержавия в индустриальное развитие пореформенной России не столько ускоряло его, сколько деформировало. Одним из проявлений этого было то, что в России удельный вес отраслей, производящих средства производства, оказался к началу XX в. выше, чем в Германии и Франции (около 40 % против примерно 33 %).

Победа машинной индустрии, как и в других капиталистических странах, породила в России периодические кризисы перепроизводства. Первый из них, разразившийся в 1873 г., поразил главным образом хлопчатобумажную промышленность. Снижение общего объема промышленного производства оказалось тогда кратковременным и небольшим. Однако кризис вызвал падение темпов роста российской промышленности. Лишь в 1878 г. промышленное производство вновь круто пошло на подъем. Следующий кризис начала 80-х годов был значительно более длительным и глубоким. Постепенно охватывая одну отрасль за другой, он в 1883 г. принял характер общего кризиса перепроизводства. Только молодая нефтяная промышленность не испытала его воздействия.

В 1887 г. промышленность России впервые после четырехлетнего спада дала прирост продукции. Началось оживление, за которым последовал новый промышленный подъем. Он был подготовлен всем ходом развития народного хозяйства. С завершением в 1883 г. выкупной операции процесс капиталистической перестройки российской деревни вступил в новый этап. Его характерной чертой было формирование единого всероссийского рынка на продукты земледелия, скот, рабочую силу. Создание в предшествующие годы основного костяка железнодорожной сети в Европейской России способствовало общественному разделению труда, развитию торгового земледелия, специализации отдельных аграрных районов, росту производства технических культур и переработки продуктов сельского хозяйства.

⁵¹ Об источниках, на основе которых составлены табл. 6 и 7, см.: *Бовыкин В. И.* Формирование финансового капитала в России. С. 157—168. Показатели непроизводительного использования государственных займов исчислены мною, исходя из данных, содержащихся в книге: *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. М., 1948. С. 394. В сумму непроизводительных вложений включены обязательства Дворянского и Крестьянского банков.

⁵² Царское правительство играло первостепенную роль и при размещении за границей гарантированных им займов железнодорожных обществ. В связи с тем что многие железные дороги, построенные акционерными обществами, затем перешли в казну, займы этих обществ вошли в состав государственного долга.

Свою роль сыграло и продолжавшееся железнодорожное строительство. За пятилетие — 1884—1889 гг. — было сооружено в России 5283 км, т. е. в среднем больше 1 тыс. км в год. А с 1893 г. после нескольких лет ослабления железнодорожного строительства начинается новый, еще невиданный его подъем. С 1893 по 1900 г. в России было построено 22 тыс. км железных дорог, т. е. больше, чем за предшествовавшие 20 лет. Ежегодный прирост железнодорожной сети в этот период составлял в среднем свыше 2,7 тыс. км. Только на постройку новых линий по техническим нормам того времени каждый год требовалось металлических изделий в переводе на чугун больше 15 млн пудов. А общая годовая потребность железных дорог с учетом металла, шедшего на сооружение подвижного состава и различные эксплуатационные расходы, доходила до 50—65 млн пудов чугуна. Резко возрос спрос и на паровозы, вагоны, железное оборудование, стройматериалы, топливо.

Железнодорожные заказы вызвали цепную реакцию развития промышленности производства в России. Связанное с ними сооружение новых и расширение старых заводов обуславливало необходимость в дальнейшем увеличении производства средств производства. Немалые требования к промышленности предъявляло и городское строительство, порожденное ростом фабрично-заводского населения. Характерно, что в 90-е годы изготовление кровельного железа увеличилось еще больше, чем производство рельсов. Рост фабрично-заводского населения создавал также дополнительный спрос на продукцию легкой промышленности.

В 1891—1900 гг. Россия совершила гигантский скачок в своем индустриальном развитии (см. табл. 5). За десятилетие промышленное производство в стране удвоилось. При этом производство средств производства возросло втрое. В итоге доля отраслей, производящих средства производства, в общей сумме промышленной продукции поднялась почти до 40 %.

Особенно высокими были темпы роста производства в основных отраслях тяжелой промышленности. Так, выплавка чугуна возросла в 3 раза, производство стали — в 6. Причем более 60 % прироста приходилось на долю нового промышленного района — Юга России. Стоимость продукции машиностроительной промышленности поднялась более чем в 4 раза, а число выпускаемых ею паровозов увеличилось в 10. Добыча нефти выросла почти в 3 раза, каменного угля — в 2,5.

В 80—90-е годы (на которые в нашем распоряжении имеются данные не только по 50 губерниям Европейской России, но и в целом по стране включая производства, облагавшиеся акцизом, и горнозаводские) определилась в основном отраслевая структура российской промышленности. Самыми крупными ее отраслями были текстильная и пищевая, рост которых являлся непосредственным результатом капиталистической эволюции сельского хозяйства. На их долю неизменно приходилось свыше половины всей стоимости промышленной продукции. Достигшая к началу XX в. значительного объема производства пищевая промышленность, включавшая мукомольное, сахарорафинадное, маслобойное, спиртоводочное и табачное производства, свидетельствовала о прогрессе торгового земледелия в России. А наличие развитой текстильной промышленности, где главную роль играло работавшее преимущественно на импортном сырье хлопчатобумажное производство, основным потребителем которого

было сельское население, свидетельствовало о достаточно далеко зашедшем процессе общественного разделения труда. Третье место занимала металлическая промышленность — металлургия и металлообработка, развитие которой, обусловленное первоначально главным образом же лезнодорожным строительством, с конца XIX в. все больше ориентировало на потребности промышленности и массового спроса.

Существенные сдвиги произошли и в размещении промышленности. Важнейшим из них было превращение Южного промышленного района в главный центр горно-металлургической промышленности. С открытием в 80-х годах криворожских железорудных месторождений и постройкой железной дороги, соединившей их с угольными копями Донбасса, на Юге создаются исключительно благоприятные условия для развития металлургии. К началу 900-х годов здесь действовало 17 крупных металлургических заводов с законченным циклом производства.

В конце 90-х годов в Южном промышленном районе создается также несколько машиностроительных предприятий. К 1900 г. доля этого района в общеперской добыче угля возросла до 69 %, железной руды — до 57 в выплавке чугуна — до 52, производстве железа и стали — до 44, выпуске паровозов — до 23 %.

Рождение нового промышленного района вызвало не только количественные, но и качественные изменения в размещении промышленности. Передельные металлургические заводы Северо-Запада и Центра свертывают металлургическое производство, переходя на металлообработку и машиностроение. Более четкой становится специализация старых промышленных районов — Петербургского и Центрально-промышленного. Первый окончательно утвердился как главный центр машиностроения. Второй укрепил свои позиции в качестве основного района текстильной промышленности. За годы подъема гигантски вырос Бакинский нефтепромышленный район.

Кризис 1899—1903 гг. хотя и начался в легкой, но сильнее всего отразился на тяжелой промышленности, особенно на таких ее отраслях, как металлургия, металлообработка и машиностроение, добыча и переработка нефти. Обострив до предела конкурентную борьбу, кризис вызвал гибель множества предприятий, слабых в финансовом, организационном или техническом отношении.

Менее пострадав от кризиса, легкая промышленность ранее начала выходить из него. Этому способствовало повышение покупательной способности населения благодаря таким завоеваниям 1905 г., как отмена выкупных платежей крестьянства и увеличение примерно на 15 % заработной платы рабочих. В то время как важнейшие отрасли тяжелой промышленности находились в состоянии застоя, легкая промышленность за 1900—1908 гг. более чем в 1,5 раза увеличила выпуск продукции. Ее рост, связанный с расширением производственных площадей и покупкой нового оборудования, содействовал оживлению тяжелой промышленности. Вместе с тем к концу 900-х годов стали сказываться результаты столыпинской реформы, усилившей развитие капиталистических отношений в деревне. Заметно вырос спрос на сельскохозяйственные орудия и машины, оборудование для мельниц, маслобойных и иных заводов по переработке сельскохозяйственного сырья. Рост цен на сельскохозяйственные про-

дукты, наблюдавшийся на мировом рынке в начале XX в., вызвал значительное повышение доходности сельского хозяйства. Между тем с 1909 г. в России начинается период небывало высоких урожаев. В 1909 г. валовой сбор хлебов составил 4,7 млрд пудов, почти на 1 млрд пудов больше, чем в 1908 г., что позволило резко увеличить экспорт. В этом году хлебных продуктов было вывезено из России почти вдвое больше, чем в предыдущем, а в 1910 г. экспорт хлеба достиг рекордной величины — 847 млн пудов. В 1909 г. общая стоимость русского экспорта возросла почти в 1,5 раза, составив 1,4 млрд руб. В последующие годы она еще более повысилась. Все это способствовало накоплению свободных капиталов и расширению денежного рынка. Таковы те факторы, которые подготовили условия для нового промышленного подъема и определили его характер.

В 1909 г. после длительного застоя в России начался новый промышленный подъем, характер которого определялся усилившимся развитием сельскохозяйственного производства, дальнейшим ростом городов, повышением уровня технической оснащенности и энерговооруженности промышленности, а также резко возросшими военными заказами правительства. В 1909—1913 гг. промышленное производство увеличилось почти в 1,5 раза. Наиболее высокие темпы роста показала металлообрабатывающая промышленность. Несмотря на значительное сокращение производства паровозов и вагонов, вызванное ослаблением железнодорожного строительства, ее продукция выросла на 89 %. Это было результатом развития сельскохозяйственного и производственного машиностроения, судостроения и электротехнической промышленности. Среди отраслей, производящих товары широкого потребления, наибольшее увеличение продукции дала текстильная промышленность (47 %). В целом прирост производства средств производства составил 84 %, а товаров широкого потребления — 33 %. В результате удельный вес продукции тяжелой промышленности в общем объеме промышленного производства, упавший за время кризиса и депрессии, вновь поднялся и к 1914 г. приблизился к 40 %. Не изменилась по сравнению с 1900 г. и отраслевая структура российской промышленности. Самыми крупными отраслями промышленного производства продолжали оставаться текстильная и пищевкусовая, на долю которых приходилось свыше 50 % общей стоимости продукции российской промышленности. Третье место занимала металлообработка (12 %).

* * *

Важным проявлением капиталистического развития промышленного производства в России, так же как и в других странах, была его концентрация. Она представляла собой сложный и противоречивый процесс, по-разному протекавший в отдельных отраслях российской промышленности.

Объективная потребность в сосредоточении производства во все более крупных предприятиях обуславливалась самим развитием производительных сил. Но реализация этой потребности достигалась в условиях капитализма благодаря конкуренции. Только ею рожденная концентрация производства была достаточно устойчивой. Крупное производство в поре-

форменной России, являвшееся пережитком феодальной монополии или возникшее в результате искусственного ограничения конкуренции, например посредством предоставления предприятию государством особых привилегий, оказывалось в большинстве случаев нежизнеспособным.

Развитие тех отраслей российской промышленности, которые выросли на основе применения труда крепостных крестьян, — шерстяной, полотняной, свеклосахарной, винокуренной — могло происходить лишь в результате их капиталистической перестройки. В этих условиях, как показали исследования, концентрация производства первоначально снижалась. Чем быстрее и радикальнее происходила начавшаяся перестройка, тем быстрее и выше вновь поднимался уровень концентрации производства, носившей теперь капиталистический характер. Характерный пример — свеклосахарная промышленность, в которой переход на капиталистическую организацию производства произошел наиболее быстро среди старых отраслей, основанных на крепостном труде. Технический переворот в свеклосахарном производстве привел к резкому увеличению масштабов промышленных предприятий. Используя ручной труд и конную тягу, мелкие заводы оказались не в состоянии конкурировать с построенными по новой технологии крупными механизированными предприятиями. К концу 70-х годов на долю последних приходилось уже более 85 % общей стоимости продукции.

В хлопчатобумажной промышленности, базировавшейся еще в дореформенное время на вольнонаемном труде, неуклонное увеличение удельного веса крупных фирм сопровождалось ростом общего числа промышленных предприятий за счет массового превращения мелкого «крестьянского» производства в фабричное.

Многие «молодые» отрасли российской промышленности, возникшие в 50—60-х годах, — паровозо-, вагоно- и мостостроение, сталерельсовое, медепрокатное, цементное и резиновое производства — вообще не знали мелких предприятий. В каждой из этих отраслей действовало всего по несколько очень крупных заводов.

Следует отметить, что в этом не было ничего специфически русского. Возникновение новых отраслей промышленности, рожденных промышленной революцией, везде было связано с переливом капиталов из других сфер народного хозяйства или из-за границы. В новые отрасли промышленности привносились и выработанные к тому времени новейшие организационные формы крупного капиталистического производства, потребность в которых здесь диктовалась самими масштабами производственного процесса.

Но были и такие «молодые» отрасли промышленности, рождавшиеся главным образом в процессе индустриализации переработки сельскохозяйственного сырья, которые на стадии своего становления развивались преимущественно за счет увеличения числа мелких предприятий.

Капиталистическая концентрация промышленного производства в России, так же как и в других странах, была органически связана с его ростом. Однако в сочетании «громадного роста» промышленного производства и его сосредоточения на все более крупных предприятиях таилось противоречие, проявлявшееся в различных конкретных условиях по-разному. Рост производства не мог происходить только за счет увеличения

его объема на уже существовавших крупных предприятиях. Он выражался также в создании новых заводов и фабрик, отраслей промышленности и промышленных районов. Тем не менее уровень концентрации производства по мере его роста неуклонно повышался. На смену крупным предприятиям приходили еще более крупные. Но поскольку развитие капиталистического производства происходило крайне неравномерно и уровни его в различных отраслях промышленности и экономических районах России были весьма различны, постольку оказались неодинаковыми и одновременно существовавшие уровни концентрации производства.

Противоречивость процесса концентрации капиталистического производства обуславливалась и его неразрывной связью с концентрацией и централизацией капитала. Она заключалась, в частности, в том, что в условиях прогрессирующего отделения собственности на капитал от приложения капитала к производству концентрация производства во все большей мере проявлялась не только в росте размеров промышленных предприятий, но также в возникновении и развитии различных организационных форм концентрации и централизации капитала, в том числе акционерных обществ, которые становились владельцами нескольких, а иногда даже многих промышленных предприятий, представляющих собой отдельные стадии единого производственного процесса или смежные производства⁵³.

Процесс капиталистической концентрации промышленного производства в России прошел через следующие основные этапы: первый — 1870—1880-е годы, когда выделилась небольшая группа отраслей промышленности, отличавшихся высокой концентрацией производства; второй — 1890-е годы, когда резко поднялся общий уровень развития российской промышленности и крупное промышленное производство одержало полную победу в ее основных отраслях; третий — 900-е годы, когда на основе достигнутого в предшествовавший период общего уровня развития промышленности и концентрации промышленного производства возросла роль крупнейших фирм; четвертый — 1910—1914 гг., когда основные направления процесса концентрации промышленности стало определять сращивание банковского и промышленного капиталов; пятый — 1914—1917 гг., когда процесс концентрации промышленного производства проходил под деформирующим воздействием мировой войны.

* * *

Факты заключения кратковременных соглашений между фабрикантами или торговцами с целью монополизации сбыта того или иного товара имели место в России еще в 60—70-е годы⁵⁴. Но полоса широкого развития монополистических объединений приходится здесь на последнее десятилетие XIX в. Исходным ее моментом послужил экономический

⁵³ Об этом подробнее см.: *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитала в России. С. 50—98; *Он же.* Формирование финансового капитала в России. С. 65—104.

⁵⁴ О таких соглашениях см.: *Лаврычев В. Я.* К вопросу о возникновении монополистических объединений в царской России // *Вестн. МГУ. Сер. 8. История.* 1974. № 5. С. 45—56.

кризис начала 80-х годов. В условиях кризиса и сменившей его затяжной депрессии в ряде отраслей российской промышленности возникли достаточно устойчивые сбытовые объединения, которые не только регулировали цены, но также контингентировали производство и даже пытались выполнять функции приема и распределения заказов. Становление таких объединений началось в России с отраслей промышленности, обслуживавших железнодорожное строительство. В 80-е годы здесь образовалась целая группа объединений для монополизации сбыта рельсов и рельсовых скреплений, мостов и кессонов, вагонов и так называемых «железнодорожных принадлежностей» (бандажей, осей, рессор и т. п.), а также изделий из меди, необходимых для производства паровозов (паровозные топки, трубы). Тогда же в металлообрабатывающей промышленности возникли и объединения, пытавшиеся регулировать сбыт некоторых видов продукции широкого рыночного спроса: железа, гвоздей, иголок, листовой меди и пр.

Другой отраслью российской промышленности, где в 80-х годах начались интенсивные процессы монополизации, была добыча и переработка нефти. Они достаточно отчетливо проявились также в сахарном производстве. Кратковременные монополистические соглашения или попытки их заключения имели место и в остальных отраслях ⁵⁵.

Утверждаясь в народном хозяйстве России и обретая определенные организационные формы, монополии приспосабливались к исторически сложившимся коммерческим традициям и правовым нормам. Промышленникам, преследовавшим цель простого раздела рынка или проведения отдельных кратковременных акций (устранение конкуренции на торгах при получении казенных заказов, поддержание цен во время ярмарок и т. п.), не требовалось какой-либо специальной организации. Сбытовые объединения, ставившие перед собой более сложные и долговременные задачи, нуждались в постоянно действующем руководящем органе, а также в аппарате для контроля за исполнением условий соглашения его участниками, учета их операций по продаже монополизированной продукции и распределения между ними заказов на эту продукцию. Подобный аппарат, выполнявший первоначально учетно-распределительные функции, постепенно все более сосредоточивал у себя связи с рынком и превращался в посредника между отдельными участниками сбытовых монополий и клиентурой. Однако выполнению этой посреднической роли препятствовало существовавшее в России законодательное запрещение соглашений торговцев для повышения цен на рынке. В 80—90-е годы достаточно прочные сбытовые объединения в российской промышленности действовали чаще всего под видом предпринимательских союзов («Союз рельсовых фабрикантов», «Союз фабрикантов рельсовых скреп-

⁵⁵ Характеристику общих процессов становления монополий в России в 80—90-х годах XIX в. см.: *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитала в России. С. 99—200. О возникновении монополий в отдельных отраслях см.: *Каменецкая И. М.* Возникновение монополий в свеклосахарной промышленности // История СССР. 1965. № 6. С. 110—121; *Поголов С. И.* Из истории монополизации угольной промышленности Донбасса в конце XIX в. // Из истории империализма в России. С. 5—25; *Нардова В. А.* Начало монополизации нефтяной промышленности России, 1880—1890-е годы; и др.

лений», «Союз мостостроительных заводов», «Союз заводов, изготавливающих железнодорожные принадлежности», «Вагонный союз», «Союз семи крупных фирм», «Союз бакинских керосинозаводчиков», «Союз сахарозаводчиков»). Но, не будучи юридическим лицом, такие «союзы» не могли заключать сделок с клиентами. Лишь в начале 900-х годов были найдены организационные формы коммерческой легализации сбытовых монополий.

В некоторых молодых отраслях российской промышленности в 80-х годах сложилась своеобразная монополия одной крупной фирмы. Таково было положение Товарищества братьев Нобель в добыче и переработке нефти, Коломенского общества — в паровозостроении, Товарищества Российско-Американской мануфактуры — в производстве резиновых изделий и т. д.⁵⁶

Однако ни сбытовым объединениям, ни отдельным крупным фирмам не удалось, как правило, удержать занятых ими монополистических позиций, когда во второй половине 90-х годов новый промышленный подъем приобрел наибольший размах. В условиях подъема процесс концентрации производства и становления монополий, происходивший до сего времени в рамках отдельных отраслей, стал выходить за эти рамки. Резко обострившаяся конкуренция обрабатывающих предприятий из-за сырья и топлива породила тенденцию к комбинированию производства. Наиболее яркое выражение она получила в развитии Товарищества братьев Нобель, объединившего в 90-е годы большую группу предприятий, занимавшихся добычей и переработкой нефти, транспортировкой и хранением нефтепродуктов, организацией их сбыта и пр. Таким образом, в условиях кризиса и депрессии процесс концентрации производства шел как бы по горизонтали, порождая отраслевые монополистические объединения типа картелей и синдикатов, а в годы подъема он приобрел вертикальное направление, создававшее основу для появления монополий трестовского типа.

Новые явления в процессе концентрации производства и капитала во второй половине 90-х годов были тесно связаны с начавшимся сращиванием российских банков с промышленностью, в ходе которого стали складываться формы капиталистической организации, свойственные финансовому капиталу, — «система участия», личная уния руководителей банков и торгово-промышленных обществ.

Кризис 1899—1903 годов дал новый толчок развитию монополий в России. В условиях резкого обострения борьбы за рынок сбыта во время кризиса и последовавшего за ним периода неустойчивой конъюнктуры наиболее широкое распространение получили различные формы сбытовых монополистических объединений — от простейших картелей до вполне сложившихся синдикатов. Последние стали действовать под видом специально созданного торгового общества, которому его учредители — участники объединения — передавали право на продажу монополизуемой продукции.

В начале 900-х годов монополии утвердились во всех основных отраслях российской промышленности, производящих средства производства.

⁵⁶ О создании и развитии Товарищества нефтяного производства братьев Нобель см.: *Дьяконова И. А.* Нобелевская корпорация в России.

В черной металлургии господствующие позиции занял рельсовый картель (1900 г.), синдикат «Продамета» (1902 г.), картель трубопрокатных заводов (1902 г.), стрелочный картель (1904 г.), картель заводов, изготавливающих кровельное железо (1904 г.), преобразованный в синдикат «Кровля» (1906 г.). В машиностроении и металлообработке начали действовать картель «Продпаровоз» (1901 г.), синдикат «Продвагон» (1904 г.), снарядный картель (1904 г.), объединение мостостроительных заводов (1903 г.), синдикат «Гвоздь» (1904 г.) и др. Добыча угля на Юге России была монополизирована синдикатом «Продуголь» (1906 г.), производство цемента — южным цементным картелем (1900 г.). В нефтяной промышленности к началу XX в. сложилась своеобразная олигополия двух мощных группировок, одна из которых возглавлялась фирмой Нобелей, а вторая — парижским банком Ротшильдов. В 1903 г. между Товариществом братьев Нобель и обществом «Мазут», созданным Ротшильдами для торговли нефтью в России, было достигнуто соглашение, положившее начало действия картеля «Нобель—Мазут»⁵⁷.

Процесс монополизации охватил в начале 900-х годов и некоторые важнейшие отрасли, производившие предметы потребления. В текстильной промышленности он проявился в возникновении большого числа регионально-отраслевых объединений картельного типа. Особый случай составлял сложившийся в 1900—1907 гг. ниточный трест — дочернее предприятие английского ниточного треста. Решающим моментом в монополизации российской сахарной промышленности явилось создание в 1902 г. объединения рафинеров⁵⁸.

В годы предвоенного промышленного подъема организационные формы монополизации народного хозяйства России приобретают вполне зрелый характер и завершается складывание системы монополистического капитализма.

Возникшие в условиях кризиса и депрессии сбытовые монополистические объединения картельного и синдикатского типа не распались с началом подъема (как это произошло в 90-е годы). Число сбытовых объединений продолжало возрастать главным образом за счет утверждения их в тех отраслях, которые были меньше затронуты процессом монополизации — текстильной, пищевкусовой и некоторых др. При этом в развитии сбытовых объединений наметилась новая тенденция: договорные начала, на которых они основывались, стали в отдельных случаях подкрепляться взаимным участием их членов в предприятиях друг друга, достигавшимся благодаря обмену между ними пакетами акций этих предприятий. Одним из созданных таким образом «органических синдика-

⁵⁷ О развитии монополий в тяжелой промышленности России в период кризиса и депрессии см.: *Шполянский Д. И.* Монополии в угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX века. М., 1953; *Волобуев П. В.* Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903—1914 гг.). С. 80—111; *Цукерник А. Л.* Синдикат «Продамет». М., 1959; *Нетесин Ю. Н.* Синдикаты «Гвоздь» и «Проволока» (1903—1914 гг.) // Ист. зап. 1961. Т. 70. С. 113—146; и др.

⁵⁸ О монополиях в легкой промышленности см.: *Крузе Э. Э.* Табачный и ниточный тресты. С. 57—84; *Лаверычев В. Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900—1917 гг.). М., 1963; и др.

тов» было Русское общество спичечной торговли, объединившее к концу 1913 г. 97% производства спичек в России.

Вместе с тем снова возродилась тенденция к горизонтальному кооперированию и вертикальному комбинированию производства, осуществлявшимся как путем слияния ранее независимых предприятий, так и посредством установления между ними финансовой и личной унии, подчинения их контролю какого-либо третьего предприятия или в результате создания уже действующим обществом новых дочерних обществ. Все эти пути, нередко используемые одновременно, вели к монополистическим объединениям, основанным на «системе участия», — трестам и концернам. О существенных сдвигах в формировании «системы участия» в России в годы промышленного подъема свидетельствовало, в частности, усилившееся стремление вновь учреждавшихся обществ получить право приобретения акций других предприятий. Этим правом, крайне неохотно предоставленным царскими властями, до 1910 г. обладали лишь единицы российских компаний. А за четыре предвоенных года его добились 112 из 1034 вновь учрежденных российских компаний⁵⁹. Однако попытки создания в России обществ, специально предназначенных для приобретения акций других компаний и контроля над ними, наталкивались на множество препятствий. Выход был найден в учреждениях таких holding company за границей — в Англии. Именно с их помощью были созданы самые крупные в России объединения, основанные на «системе участия», — концерн Russian General Oil Corporation и трест Russian Tobacco Company⁶⁰.

Таким образом, складывание системы монополистического капитализма в России в начале XX в. происходило как бы в два этапа. На первом из них в годы кризиса и последовавшей за ним депрессии (1899—1909 гг.) наблюдалось преимущественно картелирование российской промышленности, т. е. утверждение в большинстве ее отраслей сбытовых монополистических объединений. Устраняя или ограничивая конкуренцию в сфере сбыта готового продукта, эти объединения не посягали на нее в области организации производства, регулируя лишь его размеры. К тому же они оказались малоэффективными в тех отраслях промышленности, которые обслуживали массовый спрос и выпускали недостаточно унифицированные изделия. Стремление преодолеть пределы возможностей сбытовых монополистических объединений, добиться устранения конкуренции не только в сфере сбыта, но и в области производства, найти пути монополизации тех отраслей, которые не подверглись картелированию, вызвало с началом нового промышленного подъема широкое развитие монополий, основанных на «системе участия». Дополняя друг друга и переплетаясь, монополистические объединения различных типов охватывали российскую промышленность все более сложной сетью взаимосвязей и взаимозависимостей. Они сосредоточивали у себя нити руководства

⁵⁹ *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. С. 225, 231, 248.

⁶⁰ О процессах монополизации в России в 1909—1914 гг. более подробно см.: *Бовыкин В. И., Тарновский К. Н.* Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России. С. 19—31; *Лившин Я. И.* Монополии в экономике России. М., 1961; *Крупина Т. Д.* К вопросу об особенностях монополизации промышленности в России // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 201—214; и др.

большими группами промышленных предприятий и даже целыми отраслями промышленности. Однако сами эти объединения нередко полностью зависели от крупнейших российских банков.

Глава четвертая

РАЗВИТИЕ БАНКОВ.

ФОРМИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

1

Указывая на новую роль банков на монополистической стадии капитализма, Ленин отмечал, что «превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов перерастания капитализма в капиталистический империализм...»¹.

Судя по дореволюционной экономической литературе, это превращение стало осознаваться современниками с некоторым запозданием. Хотя его явные признаки проявились, как теперь очевидно, уже на исходе XIX в., они остались, по существу, не замеченными авторами книг и журнальных статей, посвященных проблемам экономического развития России того времени. Лишь в 900-е годы в связи с обсуждением в русской печати причин кризиса, охватившего народное хозяйство страны, увидел свет ряд книг, в которых рассматривались история банков и их роль в экономическом развитии России². Тогда же были основаны и первые периодические издания, специализирующиеся на освещении деятельности банков и биржевой жизни³.

Всплеск интереса к банкам произошел в России в годы предвоенного промышленного подъема, когда российские банки откровенно проявили свои претензии на руководство экономической жизнью. Об этом интересе свидетельствовала, в частности, публикация специального справочного издания «Банковская энциклопедия» (Киев, 1914. Т. 1—2), а также большого числа книг и журнальных статей⁴, анализировавших различные стороны деятельности банков.

Вместе с тем бурный рост в 1912—1914 гг. так называемой биржевой прессы, тесно связанной с банками и, как правило, финансируемой ими,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 326.

² Афанасьев. Денежный кризис. СПб., 1900; Гурьев А. Записка о промышленных банках. СПб., 1900; Он же. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904; Мигулин П. Наша банковая политика. Харьков, 1904; Субботин А. П. Основы промышленного кредита в России. СПб., 1903; Жуковский Ю. Г. Деньги и банки. СПб., 1906; Яснопольский Л. Н. Государственный банк. СПб., 1907; и др.

³ Журнал «Банковая и торговая газета» — с 1902 г., газета «Биржевые известия» — с 1906 г.

⁴ Каценеленбаум З. С. Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М., 1911; Левин И. И. Основные тенденции в развитии акционерных коммерческих банков // Изв. О-ва финансовых реформ. 1912. № 6; Он же. Банки и экспорт. СПб., 1913; Пластов П. Роль коммерческих банков в хлопковом деле // Биржа. 1913. № 40, 42, 45, 47; и др.

свидетельствовал о том, что банки, претендуя на увеличение своей общественной роли, сами стремились использовать средства массовой информации⁵. Это стремление получило реализацию в создании таких крупных ежедневных изданий, как «Финансовая газета» и «Русская воля», представлявших собой откровенные рупоры российских банков.

Однако век господства банков в экономической жизни нашей страны оказался настолько коротким, что некоторые буржуазные экономисты, начавшие в предвоенные годы серьезно их изучать, так и не успели завершить своих исследований. Один из них, И. И. Левин, опубликовал в 1917 г. лишь первую часть своей работы «Акционерные коммерческие банки в России». А книга второго, Е. М. Эпштейна, «Русские коммерческие банки» была издана в Париже в 1925 г., когда эти банки уже стали достоянием истории.

Именно в это время они привлекли к себе внимание первых советских историков и экономистов, приступивших к изучению процессов формирования финансового капитала в России. Большинство из них видели в российских банках своего рода рычаг, при помощи которого иностранный капитал монополизировал народное хозяйство России⁶. В спорах со сторонниками этой точки зрения сложился как исследователь И. Ф. Гиндин, работы которого «Банки и промышленность в России до 1917 г. К вопросу о финансовом капитале в России» (М.; Л., 1927) и «Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России» (М., 1948) внесли наибольший вклад в изучение истории коммерческих банков в России и послужили той основой, с которой в конце 50-х годов начался новый этап ее разработки.

2

Стартовым этапом формирования банковской системы в России явились 60—70-е годы XIX в. — период утверждения капиталистических отношений в стране. Поскольку развитие капитализма в России происходило, как отмечалось выше, в условиях жесткой регламентации экономической жизни со стороны политической надстройки, это предопределило и постоянное ее вмешательство в процессы становления и роста капиталистической кредитной системы. Характерно, что началом ее создания стало основание в 1860 г. Государственного банка, явившегося преемником ликвидированных казенных банков, задача которых сводилась к направлению денежных накоплений на поддержание крепостного строя. Возникший на развалинах дореформенной кредитной системы и в известной мере унаследовавший ее функции Государственный банк был призван вместе с тем способствовать «оживлению торговых оборотов». Он стал первым в России коммерческим банком.

Создав Государственный банк, правительство в течение нескольких лет весьма настороженно относилось к участвовавшим предложениям об

⁵ См.: *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал: Конец XIX в.—1914 г. М., 1984. Гл. 5.

⁶ См.: *Ванаг Н. Н.* Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М.; 1925; *Ронин С. Л.* Иностранный капитал и русские банки: К вопросу о финансовом капитале в России. М., 1926.

Таблица 8. Ресурсы системы государственного кредита и частных кредитных учреждений (в млн руб.)

Годы *	Государственный банк					Государственные сберегательные кассы (вклады)
	Собственные капиталы	Вклады и текущие счета				
		Средства казны	Текущие счета сберкасс	Частные	Всего	
1861	15,0	30,3	—	31,9	62,2	—
1875	23,0	30,3	0,7	224,7	255,7	5,0
1880	28,3	42,1	0,8	224,8	267,7	8,1
1887	28,2	117,9	1,4	288,0	407,3	41,8
1893	29,1	147,7	52,4	226,5	426,6	239,4
1900	53,1	594,0	23,0	195,6	812,6	608,3
1908	55,0	357,4	51,3	231,1	639,8	1149,2
1914	55,0	951,2	13,9	263,1	1228,2	1685,4

* На 1 января.

учреждении акционерного коммерческого банка⁷. В результате потребность в развитии системы капиталистического кредита стала удовлетворяться за счет образования банкирских домов и мелких кредитных учреждений. В конце 50-х—начале 60-х годов старые банкирские фирмы Штиглица, Якоби, Жадимировского, точно символизируя закат породившей их эпохи, прекратили свое существование. Им на смену пришли новые — Мейера, Гинцбурга, Кайгера и др. За 1862—1863 гг. число городских банков утроилось, а сумма их капитала возросла почти вчетверо. В 1863 г. возникло первое в России Петербургское общество взаимного кредита. Наконец, в 1864 г. открыл свои действия первый акционерный банк — Петербургский Частный коммерческий. Через год был учрежден еще один — Московский купеческий. С 1868 г. началась полоса широкого учредительства акционерных коммерческих банков⁸. За шесть лет было основано еще 37 банков. Кроме Петербурга и Москвы, они стали действовать в 27 городах. За те же годы акционерными банками было создано 49 отделений. Однако трудности, испытанные банками в связи с кризисом 1873 г., и первый банковский крах в России в 1875 г. (Московского коммерческого ссудного банка) положили начало длительному спаду в развитии акционерных коммерческих банков. За последующее пятилетие сократилось число банков и их отделений, значительно уменьшилась сумма вкладов (см. табл. 8). Лишь в середине 80-х годов дела акционерных коммерческих банков вновь пошли на подъем. Их число стабилизировалось на уровне, который оставался почти неизменным на протяжении трех десятилетий. Но зато стало быстро

⁷ См.: *Левин И. И.* Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917. С. 139 и след.

⁸ Начальный период в истории акционерных коммерческих банков в России детально освещен в упомянутой работе И. И. Левина. Последующие этапы их развития более обстоятельно показаны в исследовании: *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки. М., 1948. Данные, содержащиеся в этой книге, использованы в табл. 8 и 9.

Акционерные коммерческие банки		Общества взаимного кредита и городские банки	
Собственные капиталы	Вклады и текущие счета	Собственные капиталы	Вклады и текущие счета
—	—	—	—
108,4	299,7	42,6	225,7
95,2	197,0	45,5	256,2
122,7	255,1	—	—
148,4	285,4	60,4	205,0
275,2	547,9	76,6	165,1
311,2	818,1	102,7	339,9
836,5	2539,0	210,4	793,6

увеличиваться число филиалов банков, главным образом в провинции. К началу 90-х годов акционерные коммерческие банки по своим ресурсам оставили позади Государственный банк и вышли на первое место по сравнению с обществами взаимного кредита и городскими банками. Положение последних в 80-е годы пошатнулось, и в дальнейшем они уже не играли существенной роли. А развитие обществ взаимного кредита продолжалось довольно медленными темпами, и лишь накануне первой мировой войны их значение несколько возросло.

Что касается роли Государственного банка, являвшегося чрезвычайно важным элементом пореформенной кредитной системы России, то ее невозможно охарактеризовать однозначно. К тому же она не была одинакова на разных этапах развития этой системы. Государственный банк служил инструментом экономической политики царизма, и его деятельность была так же противоречива, как и эта политика. По расчетам И. Ф. Гиндина, посвятившего истории Государственного банка специальное исследование⁹, он направлял на кредитование хозяйства в 1866—1875 гг. 28 % своих коммерческих ресурсов. В следующее пятилетие доля хозяйственных кредитов Государственного банка возросла до 53 %. Поднявшись затем в 1880—1885 гг. до 63 %, она осталась в течение еще пяти лет на этом уровне.

Характерно, что подъем кредитования народного хозяйства Государственным банком произошел в момент резкого снижения деловой активности акционерных коммерческих банков, когда последние не имели возможности или стимулов к осуществлению операций по кредитованию промышленности и торговли. Однако, как установил Гиндин, «кредитование промышленных предприятий Государственным банком меньше всего являлось коммерческой операцией, рассчитанной на повышенную от нее прибыль, и клиентурой банка являлись отнюдь не преуспевавшие и

⁹ См.: Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.). М., 1960.

расширившиеся предприятия. Наоборот, это были почти сплошь предприятия, испытывавшие финансовые затруднения или даже с расстроенным финансовым состоянием. Среди них преобладали застойные и туго переживавшиеся на капиталистическое ведение хозяйства старые металлургические предприятия, насаждаемые с большими трудностями предприятия транспортного машиностроения, терпевшие неудачи железнодорожные и другие дельцы, наконец, помещики, пытавшиеся наладить в своих имениях сахарные заводы»¹⁰. Объектом поддержки и помощи Государственного банка были и акционерные коммерческие банки.

Спасание оказавшихся на грани банкротства банков, поддержка особо покровительствуемых промышленных предприятий — все это ограничивало кредитование Государственным банком широкого торгово-промышленного оборота. В еще большей степени оно ограничивалось вложениями средств банка в государственные займы, что в конечном счете означало финансирование государства, а также отвлечением его ресурсов на поддержку казенных и частных ипотечных банков, на субсидирование помещиков под видом ипотечного кредита. В результате многочисленные отделения Государственного банка, разбросанные по стране, не столько служили поощрению торгово-промышленной деятельности, сколько выполняли задачу изъятия из провинции денежных капиталов для их использования в интересах проводимой царизмом экономической политики.

В 90-е годы решение этой задачи перешло в основном к казенным сберегательным кассам. В условиях начавшегося в России небывалого экономического подъема Государственный банк резко усилил кредитование хозяйства, особенно товарооборота, способствуя развитию российского капитализма вширь.

Когда же в начале 900-х годов экономика страны оказалась охвачена кризисом, Государственный банк вновь выступил в роли спасателя пошатнувшихся банков, промышленных и торговых предприятий. Он принял на себя значительную долю тяжести кризиса, и только благодаря его щедрой поддержке смогли уцелеть некоторые крупные петербургские банки — Международный, Торгово-промышленный, Частный.

Во время предвоенного промышленного подъема (1909—1913 гг.) развитие деятельности Государственного банка пошло в двух уже наметившихся ранее направлениях. В качестве одного из крупнейших коммерческих банков страны он вновь расширил кредитование товарооборота, особенно на периферии, в тех районах, где еще не проявляли активности акционерные коммерческие банки. Весьма велика была его роль в кредитовании хлебной торговли. Вместе с тем, продолжая во все больших масштабах кредитовать акционерные коммерческие банки, Государственный банк стал превращаться в банк банков.

При всех этих изменениях в направлениях кредитования хозяйства Государственный банк, с 1894 г. непосредственно подчинявшийся Министерству финансов, оставался прежде всего орудием его политики. Заботы о поддержании государственного кредита и денежного обращения всегда были в центре его внимания.

¹⁰ Гиндин И. Ф. Государственный банк... С. 119.

На начальном, экстенсивном этапе развития акционерных коммерческих банков бурный рост учетной операции (за 1870—1875 гг. почти в 8 раз) выражал собой основное направление их деятельности. Эта операция приносила им более $\frac{2}{5}$ валовой прибыли¹¹. Вместе с тем акционерные коммерческие банки, тесно связанные при своем возникновении с дельцами — учредителями железнодорожных и промышленных предприятий, стали все шире практиковать предоставление им ссуд, что и явилось одной из основных причин тех затруднений, которые постигли их в середине 70-х годов. С этого времени в условиях начавшегося отлива вкладов руководители банков оказались вынуждены резко ограничить активные операции и в высшей степени разборчиво относиться к их выбору. Учет векселей сократился за 1876—1880 гг. почти вдвое и на этом уровне оставался в течение десятилетия. Лишь в 90-е годы он пошел на подъем. Развитие акционерных коммерческих банков на данном этапе оказалось совершенно не связано с ростом промышленного производства. Во второй половине 70-х и в 80-е годы они вкладывали большую часть своих ресурсов в твердопроцентные «солидные» бумаги — облигации государственных и гарантированных правительством железнодорожных займов.

90-е годы явились решающим этапом в становлении акционерных коммерческих банков и формировании банковской системы в России. Капиталы акционерных коммерческих банков и все их пассивы выросли за это десятилетие более чем вдвое. На этот раз российские банки не остались в стороне от происходившего в стране экономического подъема, и в частности от бурного промышленного роста. Главным направлением их деятельности стало кредитование быстро увеличивавшегося товарооборота. Учет векселей, кредиты под товары и векселя возросли почти в 2,5 раза. Их прирост составил более половины прироста основных активов акционерных коммерческих банков. Причем к 1900 г. приблизительно $\frac{3}{5}$ всей суммы вексельных и подтоварных операций приходилось на провинцию. Расширение их географических рамок произошло в значительной мере за счет увеличения числа отделений петербургских банков (более чем в 2,5 раза). В результате если раньше петербургские банки, занимавшиеся преимущественно операциями с государственными и гарантированными ценными бумагами, были слабо связаны с провинцией, то теперь они стали приобретать действительно всероссийское значение.

Операции с ценными бумагами, будучи оттеснены к 1900 г. вексельными и подтоварными кредитами на второе место среди активных операций акционерных коммерческих банков, все же сохранили первостепенное значение (см. табл. 9). Но их содержание изменилось. В 90-е годы основным их объектом стали негарантированные, главным образом промышленные, ценности. За 1893—1900 гг. акционерный капитал промышленных обществ увеличился втрое. Его прирост составил более 1 млрд руб.¹² В условиях небывалого промышленного подъема и связанного с ним взрыва акционерного учредительства банки сыграли важную роль в создании новых обществ и размещении их капитала, а также в осуществлении

¹¹ Ежегодник русских кредитных учреждений. СПб., 1880—1886. Вып. 1—4.

¹² Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 166—167.

Таблица 9. Структура основных активов акционерных коммерческих банков

Годы *	Вексельные и подтоварные операции (учет векселей, онколь под векселя, подтоварные кредиты, лоро под векселя и товары)		Операции с гарантированными бумагами (собственные, ссуды, онколь, лоро)		Операции с негарантированными бумагами (собственные, ссуды, онколь, лоро)		Все основные активы	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
1900	602,3	49,4	169,9	13,9	345,1	28,3	1218,9	100
1908	1086,9	62,4	221,7	12,7	284,9	16,3	1742,7	100
1914	2584,2	52,6	381,2	7,8	1619,8	33,0	4913,8	100
Прирост за								
1900—1908	484,6	80,5	51,8	30,5	—60,2	—17,4	523,8	43,0
1908—1914	1497,3	137,8	159,5	71,9	1334,9	468,5	3171,1	182,0
* На 1 января.								

дополнительных выпусков акций и облигаций уже существовавших предприятий. По приблизительному расчету И. Ф. Гиндина, их участие в приросте акционерного капитала промышленных предприятий за 1893—1900 гг. составило примерно 150 млн руб.¹³ Между тем свыше 270 млн руб. из общей суммы прироста приходилось на долю текстильной, пищевой и некоторых других отраслей, почти не прибегавших к помощи банков при размещении своих акций. Кроме того, более 280 млн руб. было размещено за границей. В итоге участие российских банков составило примерно $\frac{1}{3}$ размещенного в России прироста акционерного капитала предприятий тяжелой промышленности.

Экономический кризис, разразившийся в России на исходе 90-х годов, застал врасплох многие акционерные коммерческие банки, занимавшиеся операциями с промышленными ценностями. Их портфели оказались перегружены акциями, которые было невозможно реализовать. Связанные с этим потери привели к гибели некоторых из них. Но такая участь ожидала сравнительно второстепенные банки. Крупные же при поддержке Государственного банка сумели преодолеть пережитые потрясения. Они свернули начатое ими финансирование промышленности, но продолжали развивать кредитование товарооборота, способствуя расширению его сферы за счет периферийных районов страны и вовлечению в него слабо затронутых им отраслей народного хозяйства.

А в период нового промышленного подъема 1909—1913 гг. акционерные коммерческие банки, наращивая кредитование торговли, с усиленной энергией вернулись к финансированию промышленности. В эти годы они заняли по всем показателям бесспорно лидирующие позиции в банковской системе России.

Вступление российских банков в середине 90-х годов XIX в. на путь финансирования промышленности, положившее начало сращиванию банковского и промышленного капиталов, нашло свое выражение в скла-

¹³ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. С. 90.

дывании «сфер интересов» крупнейших российских банков в промышленности. К 1900 г. Петербургский Международный банк оказался заинтересован более чем в 30, а Петербургский Учетный и ссудный банк — почти в 30 предприятиях. Многочисленные участия в торгово-промышленных обществах имели некоторые другие банки: Русский для внешней торговли, Русский Торгово-промышленный, Петербургский Частный.

«Сферы интересов» российских банков в промышленности представляли собой довольно пестрые конгломераты предприятий, так как, втягиваясь в условиях промышленного подъема в учредительно-эмиссионные операции, банки не собирались надолго связывать себя с судьбами финансируемых ими предприятий. Лишь постепенно эти операции стали подчиняться более долговременным целям. Усиливавшийся надзор банков за финансируемыми предприятиями вносил в стихийно возникавшие сферы их интересов элементы организации. Они проявились в стремлении к устранению конкуренции однородных предприятий и установлению сотрудничества между предприятиями смежных отраслей.

Поскольку банки были не в состоянии проводить учредительно-эмиссионные операции в одиночку, постепенно создавалась сложная сеть взаимных участия банков в промышленных предприятиях. К концу 90-х годов на основе совместного финансирования промышленности произошла уже определенная группировка крупнейших российских банков. Участия четырех из них — Русского для внешней торговли, Петербургского Международного, Петербургского Учетного и ссудного и Русского Торгово-промышленного — переплетались особенно тесно. Однако, сотрудничая между собой, эти банки в то же время вели напряженную борьбу за лидерство. Более сплоченными были группы, образованные некоторыми второстепенными банками, особенно так называемая Поляковская, включавшая шесть коммерческих и три земельных банка.

Процесс зарождения банковских групп в России был связан и с начавшимся международным переплетением финансового капитала. При учреждении промышленных предприятий российские банки нередко выступали совместно с иностранными банками или действовали в качестве их посредников. Сложный узел отношений российских и иностранных банков нелегко распутать, тем более что часто они являлись партнерами по одним делам и конкурентами по другим. Но элементы группировки наметились и здесь. Так, например, поддерживая деловые отношения с такими французскими кредитными учреждениями, как *Banque de Paris et des Pays-Bas*, *Banque Internationale de Paris*, фирма Ротшильдов и банкирские дома из *Haute Banque*, Петербургский Международный банк избегал сотрудничать с *Société Générale*. Наоборот, Петербургский Учетный и ссудный и Русский Торгово-промышленный банки ориентировались в основном на *Société Générale*.

Следует отметить, что в 90-е годы иностранные финансовые группы, основавшие предприятия в России, хотя и сотрудничали в их финансировании с российскими банками, но стремились не выпускать руководство ими из своих рук. Поэтому они предпочитали действовать через учрежденные за границей акционерные компании и менее охотно вкладывали свои капиталы в российские общества. Вложения в иностранные компании составляли в 1893—1900 гг. почти 60 % прироста суммы иностранного капитала, занятого в действовавших в России акционерных предприятиях.

Но по мере укрепления позиций крупнейших российских банков и промышленных группировок иностранному капиталу приходилось все более считаться с ними. К концу 90-х годов российские банки стали играть заметную роль даже в электротехнической промышленности, где действовали главным образом филиалы иностранных фирм. А монополистические группировки, сложившиеся в нефтяной промышленности, уже настолько окрепли, что активно вступили в борьбу за мировой рынок¹⁴.

Кризис 1899—1903 гг. послужил переломным моментом и в начавшемся процессе сращивания банков и промышленности. В условиях кризиса банки невольно становились на более или менее длительный срок участниками тех предприятий, акции которых оказались у них в портфеле. Более того, банкам пришлось поддерживать такие предприятия, предоставляя им кредиты. Не все даже крупные банки оказались в состоянии это делать. Так, Русский Торгово-промышленный и Петербургский Частный банки, сами переживавшие большие трудности, растеряли почти все свои связи с промышленностью и были окончательно оттеснены на второстепенные роли. Международный же банк не только сохранил, но и расширил свою «сферу интересов», еще более укрепив занимаемые им позиции. В то же время, воспользовавшись затруднениями своих конкурентов, выдвинулся в первый ряд столичных банков Азовско-Донской банк, перенесший в 1903 г. свое правление из Таганрога в Петербург. Он сумел прибрать к рукам многие предприятия Юга России, главным образом горнопромышленные и сахарные, оказавшиеся в годы кризиса в затруднительном положении. Именно эти два банка, а также Русско-Азиатский, созданный в 1910 г. в результате слияния Северного и Русско-Китайского банков, стали играть ведущую роль в финансировании промышленности в годы предвоенного промышленного подъема (1909—1913 гг.).

Это был период чрезвычайно активного сращивания банков с промышленностью. Внедряясь в промышленное производство, в другие отрасли народного хозяйства, они стали главной движущей силой, которая обусловила бурный рост монополистических объединений, основанных на «системе участия». Контролируя десятки предприятий, банки настойчиво стремились к установлению между ними определенного разделения труда и производственного сотрудничества. С этой целью они нередко шли на реорганизацию уже действующих предприятий и учреждение новых. Так, в машиностроении под эгидой Петербургского Международного банка возникли тресты «Коломна—Сормово» и «Наваль—Руссуд», а в сфере интересов Русско-Азиатского банка — военно-промышленный концерн, организационным центром которого послужил Путиловский завод¹⁵.

¹⁴ См.: *Фурсенко А. А.* Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы — 1918 г. М.; Л., 1965; *Дякин В. С.* Германские капиталы в России: Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971.

¹⁵ См.: *Бовыкин В. И.* Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны // Ист. зап. 1959. Т. 64. С. 82—135; *Шацлло К. Ф.* Формирование финансового капитала в судостроительной промышленности Юга России // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959. С. 26—56; *Голиков А. Г.* Образование монополистического объединения «Коломна—Сормово» // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1971. № 5. С. 74—87.

Расширяя свое влияние в промышленности, крупнейшие российские банки использовали и такое средство установления финансового контроля, как holding company. В 1909 г. Азовско-Донским банком было основано Российское горнопромышленное коммиссионное общество (Росгорн) — отечественный вариант подобной компании. Однако первые его шаги оказались малоуспешными. Тогда в 1910 г. Азовско-Донской банк совместно с Сибирским банком и Росгорном принял участие в учреждении в Лондоне рядом иностранных финансовых групп инвестиционного треста International Russian Syndicat (IRS), который возглавил Г. Гувер. Тандем IRS—Росгорн стал важным инструментом в руках у группы «Hoover—Ugqhart», в союзе с которой Азовско-Донской и Сибирский банки приняли участие в расширении и создании горнопромышленных предприятий на Урале и Алтае. В 1912 г. в контакт с группой «Hoover—Ugqhart» вошел и Русско-Азиатский банк со своими партнерами, в результате чего в Лондоне была создана еще одна компания — Russo-Asiatic Corporation «для приобретения горных и других предприятий в России совместно с Русско-Азиатским и Петербургским Частным коммерческим банками»¹⁶.

А для утверждения в российской золотопромышленности Петербургский Международный и Русско-Азиатский банки воспользовались уже существующей в Лондоне компанией Lena Goldfields, в которой они в 1911 г. заняли руководящее положение, потеснив совместными усилиями учредившие ее иностранные группы.

Эти два банка, чаще выступавшие в качестве конкурентов, объединились и для вторжения в нефтяную промышленность, когда в начале 1912 г. Ротшильды уступили свои предприятия в России тресту Royal Dutch Shell¹⁷. Воспользовавшись происходящей в нефтяных делах перегруппировкой сил, Русско-Азиатский и Международный банки при поддержке ряда отечественных и иностранных банков попытались через учрежденную ими в Лондоне Russian General Oil Corporation установить контроль над российскими нефтяными предприятиями, не принадлежавшими непосредственно фирме Нобелей или тресту Royal Dutch Shell. В результате уже к 1914 г. было создано гигантское, хотя и довольно рыхлое по своей структуре объединение, охватывавшее не менее 20 нефтедобывающих, перерабатывающих, механических, транспортных и торговых предприятий, сумма акционерных капиталов которых превышала 150 млн руб¹⁸.

К учреждению подобных holding company Русско-Азиатский банк прибег и при создании им в 1913 г. уже упоминавшегося табачного треста, а также объединения масложировых предприятий.

Наряду со значительным расширением своих интересов в промышленности российские банки проявили в предвоенные годы большую актив-

¹⁶ The Stock Exchange Official Intelligence. L., 1913. Vol. 31. P. 1047. См. также: Лачаева М. Ю. Английский капитал в меднорудной промышленности Урала и Сибири в начале XX в. // Ист. зап. 1982. Т. 108. С. 60—108.

¹⁷ Историю этой сделки в освещении архивных материалов Banque Rothschild см.: Бовыкин В. И. Российская нефть и Ротшильды // Вопр. истории. 1978. № 4. С. 27—41.

¹⁸ Расчет П. В. Волобуева. См. также: Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883—1914. М.; Л., 1961.

ность в возобновившемся учредительстве железнодорожных обществ¹⁹. Они укрепили и активизировали свои связи со страховыми компаниями и земельными банками.

Предвоенный промышленный подъем явился важным этапом и в складывании структуры российского финансового капитала, проявившемся, в частности, в формировании вокруг крупнейших российских банков — Русско-Азиатского, Петербургского Международного и Азовско-Донского — обширных банковских групп. В состав каждой из них входили несколько банков-сателлитов, один-два земельных банка, страховые компании, железнодорожные общества и большое число промышленных предприятий, группировавшихся в более или менее компактные объединения²⁰.

В годы первой мировой войны роль банков в экономической жизни еще более усилилась²¹. Вместе с тем произошли значительные качественные сдвиги в развитии банковских монополий, которые приобрели поистине вседесущий характер. Обращая на это внимание, газета «Коммерческий телеграф» отмечала в январе 1917 г., что «банки не стесняются открыто и смело выступать в качестве продавцов и покупателей фабрик, заводов, контор, промыслов, кинематографов, ресторанов, гостиниц, бань и даже оперных и опереточных театров»²².

Анализируя отношения Русско-Азиатского банка с финансируемыми им предприятиями по результатам проведенного в ноябре 1916 г. обследования его операций, инспектор Государственного банка указывал на то, что нередко у финансируемого предприятия «остается одна лишь видимость самостоятельного существования, одна лишь фирма, между тем как все назначение, вся задача такого предприятия всецело служат интересам банка, для чего предприятие или является ширмой, подставным юридическим лицом, через которое проводится собственная торговля банка, или же компенсирует денежную помощь всякими способами: содержанием и тантьемой креатур банка, посаженных в правлении под разными наименованиями для надзора за предприятием и направления его деятельности... Всех финансируемых и субсидируемых предприятий у банка имеется около сотни... И чем сильнее задолженность предприятия, тем большее количество в правлениях банковских агентов»²³.

¹⁹ Об этом см.: *Соловьева А. М.* К вопросу о роли финансового капитала в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны // Ист. зап. 1956. Т. 55. С. 173—209; *Боголепова И. Н.* Финансовый капитал в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны // Вopr. истории. 1979. № 9. С. 52—60.

²⁰ О банковских группах в России к 1914 г. см. упомянутые выше исследования *И. Ф. Гиндина*, а также: *Бовыкин В. И., Шаццло К. Ф.* Личные унии в тяжелой промышленности России накануне первой мировой войны // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1962. № 1. С. 55—74.

²¹ См.: *Шепелев Л. Е.* Акционерные коммерческие банки в годы первой мировой войны // Ист. зап. 1963. Т. 73. С. 156—193.

²² Цит. по: *Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е.* Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Ист. зап. 1960. Т. 66. С. 31.

²³ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы: В 2 ч. М.; Л., 1957. Ч. I. С. 110.

Рост могущества крупных российских банков был настолько значительным, что стал вызывать тревогу в правительственных сферах. В апреле 1916 г. Министерство финансов внесло в Совет министров законопроект «О расширении правительственного надзора над акционерными коммерческими банками». Мотивируя его, министр финансов П. Л. Барк указывал на то, что, «сосредоточивая огромные капиталы, кредитные учреждения могут влиять в значительной степени на все экономические отношения страны, а в частности, с особой силой на ход и развитие торгово-промышленной жизни... Сила капитала такова, что влияние его может переходить за границы чисто хозяйственной жизни и приобретать вес и в политическом отношении»²⁴.

Как показало исследование И. Ф. Гиндина и Л. Е. Шепелева, крупнейшие российские банки в 1917 г. полностью господствовали в железнодорожных обществах, машиностроительных предприятиях и синдикатах. Они контролировали свыше $\frac{3}{5}$ акционерных капиталов в черной и цветной металлургии, в добыче и переработке нефти, в лесной и дерево-перерабатывающей промышленности, в резиновом, спичечном, табачном и масложировом производствах, в страховых обществах, пароходствах и транспортно-складских компаниях. В различной степени от них зависели многие другие отрасли российской экономики. Занимаясь торгово-комиссионными операциями, они оказывали возрастающее влияние на сельское хозяйство²⁵.

В годы войны стало более тесным взаимодействие крупнейших коммерческих банков с Министерством финансов. Они играли важную роль в поддержании государственных финансов и денежного обращения.

Границы влияния российских банковских монополий нуждаются еще в уточнении. Однако и без этого очевидно, что к 1917 г. они представляли собой именно те центры экономической жизни, овладение которыми позволяло пролетариату взять в свои руки контроль над функционированием народного хозяйства страны.

Глава пятая

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И УРОВНЕ РОССИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА

1

В предшествующих главах мы рассмотрели буржуазную эволюцию сельского хозяйства, рост промышленности и утверждение монополий, складывание кредитной системы и формирование финансового капитала в России — важнейшие, тесно взаимосвязанные компоненты единого процесса капиталистического развития страны. Теперь настал черед проанализировать его общие итоги.

²⁴ Цит. по: *Шепелев Л. Е.* Акционерные коммерческие банки в годы первой мировой войны. С. 167.

²⁵ См.: *Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е.* Указ. соч., табл. 3.

В предисловии к книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, поясняя, что он стремился в ней «изобразить весь процесс развития капитализма в России в его целом», писал: «Само собой разумеется, что такая широкая задача была бы не под силу отдельному лицу, если бы не внести в нее ряд ограничений». Поэтому решено было рассматривать «вопрос о развитии капитализма в России исключительно с точки зрения внутреннего рынка. . .». Но и при таком условии тема оставалась «чрезвычайно широка», ибо «для разъяснения вопроса о внутреннем рынке для русского капитализма безусловно необходимо показать связь и взаимозависимость отдельных сторон того процесса, который происходит во всех областях общественного хозяйства». «Мы ограничиваемся поэтому, — заключал Ленин, — рассмотрением основных черт процесса, предоставляя дальнейшим исследованиям более специальное изучение его»¹.

Решая поставленную задачу, Ленин показал, что «„внутренний рынок“ для капитализма создается самим развивающимся капитализмом, который углубляет общественное разделение труда и разлагает непосредственных производителей на капиталистов и рабочих»². При этом «основным процессом создания внутреннего рынка (т. е. развития товарного производства и капитализма) является общественное разделение труда», которое «состоит в том, что от земледелия отделяются один за другим различные виды обработки сырья (и различные операции по этой обработке) и образуются самостоятельные отрасли промышленности, обменивающие свои продукты (теперь уже *товары*) на продукты земледелия»³.

Ленин обратил внимание на две стороны процесса образования рынка для капитализма: «развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»⁴. Отметив в этой связи, что «Россия находится в особенно выгодных условиях сравнительно с другими капиталистическими странами вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель на ее окраинах», он указал на необходимость изучения «процесса колонизации окраин и расширения русской территории, с точки зрения развития капитализма. . .»⁵.

Лениным было также отмечено значение роста грузоперевозок по железным дорогам и водным путям как показателя развития внутреннего рынка⁶.

Приходится, однако, констатировать, что предусматривавшееся Лениным «более специальное изучение» процесса формирования и функционирования внутреннего рынка в пореформенной России не получило в советской историографии широкого размаха. Как это ни странно, но проблема внутреннего рынка гораздо больше интересовала историков,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 5—6.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 58.

⁴ Там же. С. 595.

⁵ Там же. С. 596.

⁶ См.: Там же. С. 553—555.

занимавшихся исследованием генезиса капитализма в России, нежели тех, кто изучал эпоху его господства. После публикации в 20-е годы работ Н. Д. Кондратьева, С. Г. Струмилина, В. М. Устинова⁷ и других в исследовании этой темы наступил длительный перерыв. Лишь во второй половине 50-х годов стали появляться новые работы, освещавшие ее отдельные аспекты. Если вопрос о развитии внутренней торговли в России в начале XX в. привлек к себе лишь эпизодический интерес, который был надолго исчерпан книгой Г. А. Дихтяра⁸, то проблема развития капитализма вширь стала объектом более устойчивого внимания историков. Но среди последних не нашлось того, кто бы взялся за разработку этой проблемы в целом. Даже А. В. Фадеев, много сделавший в 50-е годы для возрождения интереса к проблеме развития капитализма вширь и убедительно обосновавший необходимость ее изучения во всероссийском масштабе⁹, в своих конкретно-исторических исследованиях не выходил за пределы одного региона — Степного Предкавказья¹⁰.

К тому же разработка этой проблемы оказалась ограничена не только региональными рамками. Исследования сосредоточились главным образом на одной из форм развития капитализма вширь — крестьянской колонизации¹¹.

Что же касается развития торговых связей между экономическими центрами страны и ее периферийными районами, вывоза капитала в эти районы и других проявлений вовлечения окраин в складывавшуюся во всероссийском масштабе систему общественного разделения труда, то, поскольку эта система в целом не изучалась, попытки исследования ее региональных ответвлений оказались малопродуктивными и в конечном итоге слились с активизировавшимся с середины 50-х годов изучением экономического развития отдельных регионов¹².

Это изучение, не сопровождавшееся разработкой общих проблем развития системы российского капитализма и вовлечения в нее новых, окраинных территорий, привело к тому, что рассмотрение картины функционирования и роста народного хозяйства страны приобрело фрагментарный характер. Многочисленные локальные исследования¹³ раскрыли поразительное разнообразие общественных отношений, существ-

⁷ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922; Струмилин С. Г. Наш довоенный товарооборот // План. хоз-во. 1925. № 1; Устинов В. М. Эволюция внутренней торговли в России, 1913—1924 гг. М., 1925.

⁸ Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960.

⁹ Фадеев А. В. Развитие капитализма вширь в пореформенной России // Докл. и сообщ. Ин-та истории. М., 1956. Вып. 10. С. 3—17.

¹⁰ Фадеев А. В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России: (К проблеме развития капитализма вширь) // История СССР. 1959. № 6. С. 40—62; и др.

¹¹ См.: Степанын В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; и др.

¹² Результатом его явился целый ряд фундаментальных исследований (А. С. Амбаряна, А. М. Аминова, А. Х. Бабаходжаева, П. Г. Галузо, П. В. Гугушвили, М. А. Исмаилова, В. Д. Мочалова, Г. Чуланова и др.), а также многочисленные статьи.

¹³ Опубликованные преимущественно в различных местных изданиях, они нуждаются в специальном рассмотрении. Следует отметить, что географические и тематические рамки таких исследований имели явную тенденцию к сужению.

вовавших на территории Российской империи в начале XX в. Однако их осмысление требовало выхода за рамки локальных исследований и рассмотрения тех общих процессов и взаимосвязей экономического развития, которые обуславливали целостность системы российского капитализма. Без этого мозаичная картина народного хозяйства России как бы распадалась на хаотичную груду отдельных пестрых деталей.

Предпринятая в 1974 г. Л. М. Горюшкиным попытка разжечь угасший интерес к проблеме развития российского капитализма вширь¹⁴ не увенчалась успехом. Появление в последующие годы работ, затрагивавших отдельные стороны этой проблемы, носило эпизодический характер¹⁵.

В середине 70-х годов произошли многообещающие сдвиги на некоторых других направлениях изучения внутреннего рынка России конца XIX—начала XX в. Не прекращавшиеся в 50—60-е годы дискуссии историков, занимавшихся проблемой генезиса капитализма в России, по вопросам формирования внутреннего рынка в феодальную эпоху побудили И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова выйти за ее пределы и проследить процесс формирования всероссийского рынка на всем его протяжении, т. е. до начала XX в. В 1969 г. они выступили в научной печати с обоснованием теоретических и методических принципов проводимого исследования¹⁶. Как уже говорилось выше, оно основывалось на изучении методом корреляционного анализа движения и случайных колебаний рыночных цен на важнейшие продукты земледелия и средства сельскохозяйственного производства в различных местностях (губерниях, экономических районах) Европейской России. В 1974 г. были опубликованы результаты этого исследования¹⁷. Его значение для понимания процессов и результатов капиталистической эволюции аграрного строя было охарактеризовано во второй главе. Но, пожалуй, еще более важным явился вклад данного исследования в решение проблем истории внутреннего рынка в России.

Вслед за тем вышла книга А. М. Соловьевой «Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в.» (М., 1975), показавшая неисчерпанные возможности изучения процессов развития и функционирования внутреннего рынка в России. А в опубликованной в 1978 г. монографии П. Г. Рындзюнского «Утверждение капитализма в России» отдельная глава была посвящена развитию внутреннего рынка. Но оживившаяся было разработка данной проблемы на этом застопорилась¹⁸.

¹⁴ См.: Горюшкин Л. М. Развитие капитализма вширь и характер аграрно-капиталистической эволюции в России периода империализма // История СССР. 1974. № 2. С. 49—70; Он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976.

¹⁵ См.: Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в.: К проблеме развития капитализма вширь. М., 1981.

¹⁶ См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. О принципах исследования процесса формирования всероссийского аграрного рынка (XVIII—XX вв.) // История СССР. 1969. № 1. С. 27—57.

¹⁷ См.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок: XVIII—начало XX в. М., 1974.

¹⁸ Монография Б. Н. Миронова «Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.)» (Л., 1985) не внесла качественно нового по сравнению с его работами, опубликованными в 70-е годы.

Без изучения механизма формирования системы общественного разделения труда, обеспечивавшего единство процесса капиталистического развития России, исследования его важнейших проявлений — буржуазной эволюции сельского хозяйства и роста промышленного производства, развернувшиеся в советской историографии с конца 40-х годов, пошли в расходящихся направлениях. В то время как историки, занимавшиеся вопросами индустриального роста, находили все новые доказательства высокого уровня развития монополистического капитализма в России, историки-аграрники обнаруживали все больше проявлений крепостнических пережитков в российской деревне. Эти результаты воспринимались тогда как подтверждение указаний Ленина на противоречия капиталистического развития России. И для их истолкования все чаще стало применяться ленинское понятие «военно-феодальный империализм». Одним из первых так поступил П. И. Лященко. В своем труде «История народного хозяйства СССР», в разделе «Особенности империализма в России и его военно-феодальный характер», он писал: «В течение первого десятилетия XX в. российский капитализм окончательно вступил в империалистический этап своего развития. . . В то же время в общей экономике России сохранялись пережитки средневекового деспотизма, господство крепостнического землевладельческого класса и отсталые формы аграрной экономики. Все эти противоречия капитализма еще более усиливались и обострялись». Приведя далее ряд ленинских высказываний, автор продолжал: «Таким образом, во всех этих определениях Ленина дается четкая характеристика особенностей и классовой структуры русского империализма не как „классического“, капиталистического империализма новейшего типа, а как „военно-феодального империализма“»¹⁹. Хотя П. И. Лященко при этом отмечал, что Ленин отождествлял военно-феодальный империализм России с царизмом, его собственное толкование этого понятия, как мы могли убедиться, представляло собой характеристику скорее общественно-экономического базиса, чем политической надстройки. Именно такое толкование стало получать распространение в учебной и научно-популярной исторической литературе. Характерный пример — опубликованная издательством «Знание» брошюра П. В. Волобуева «Монополистический капитализм в России и его особенности» (М., 1956). Степень капиталистического обобществления производства и уровень развития монополистического капитализма в стране оценивались в ней весьма высоко. «Ускоренная концентрация производства в промышленности, — писал автор, — привела к тому, что уже в начале XX века Россия по уровню концентрации превзошла развитые капиталистические страны»²⁰. Характеризуя развитие монополий в российском народном хозяйстве, он отмечал, что «к началу первой мировой войны, пожалуй, не было ни одной отрасли промышленности, в которой бы не было монополий»²¹. В результате «по степени монополизации промышленность России уже накануне первой мировой войны

¹⁹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1952. Т. 2. С. 220—221.

²⁰ Волобуев П. В. Монополистический капитализм в России и его особенности. М., 1956. С. 5.

²¹ Там же. С. 12.

стояла достаточно высоко, превосходя уровень монополизации во Франции и Англии и уступая лишь Германии и США»²². Более того, «монополистический капитал, не ограничившись промышленностью и транспортом, протянул свои щупальца и к сельскому хозяйству России»²³. «Монополистические объединения, — пояснял Волобуев, — установили свое безраздельное господство в экономике страны, опираясь на могущество банков. Роль и значение банков в России с конца XIX века непрерывно возрастали»²⁴. Причем, «по уровню концентрации банков Россия не только не уступала другим странам, а даже превосходила их»²⁵. В результате «к началу первой мировой войны подавляющее большинство предприятий металлургической, металлообрабатывающей, машиностроительной, угольной, нефтяной, цементной, табачной и сахарной промышленности во всей своей деятельности регулировалось воздействием банковского капитала. При этом сферой наиболее полного господства финансового капитала были отрасли тяжелой индустрии. На рельсы финансово-монополистических отношений начинала переходить и твердыня национального капитала — текстильная Москва. Банковский капитал в предвоенные годы внедрялся в текстильную промышленность, способствуя ее концентрации и монополизации»²⁶. Но поскольку «монополистический капитализм в России переплетался с остатками крепостничества», а «черты крепостничества, пронизывая все области общественной жизни страны, накладывали свой характерный отпечаток и на самый тип новейшего, монополистического русского капитала», «империализм в России был военно-феодальным империализмом»²⁷.

Вместе с тем, указывал Волобуев, «экономическое господство монополий и финансового капитала внесло заметные изменения в соотношение классовых сил в стране и в характер взаимоотношений между монополистической буржуазией и царским самодержавием. Захват монополиями ключевых позиций в хозяйстве страны привел к тому, что царское самодержавие вынуждено было перейти к обслуживанию — и чем дальше, тем в большей мере — узкокорыстных интересов монополистов. Материальная зависимость от буржуазии все более возрастала»²⁸. Рассмотрев пути и формы «подчинения государственного аппарата царизма монополиям», автор заключал: «Таким образом, царизм в период империализма, не переставая быть властью крепостников-помещиков, в своей политике все в большей и большей степени руководствовался требованиями господствующих монополий, а его аппарат приспособлялся к обслуживанию интересов воротил монополистического капитала. Как политическая надстройка царизм отражал своеобразие российского империализма как империализма военно-феодального типа. Более того, он выступал носителем и воплощением военно-феодальных черт российского империализма»²⁹.

²² Там же. С. 16.

²³ Там же. С. 15.

²⁴ Там же. С. 16.

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Там же. С. 18.

²⁷ Там же. С. 20—21.

²⁸ Там же. С. 30.

²⁹ Там же. С. 35.

Применение понятия «военно-феодальный империализм» для характеристики российского монополистического капитализма стало постепенно вызывать возражения. Отмечу лишь основные аргументы. «В нашей учебной и пропагандистской литературе, — писал М. Я. Гефтер, — нередко применяют понятие „военно-феодальный империализм“ для характеристики типа монополистического капитализма в России. Такое отождествление представляется нам неточным прежде всего в экономическом отношении, ибо оно затушевывает коренное противоречие **всей** дореволюционной экономики — между достигшим высокой степени развития промышленным и финансовым капиталом и средневековым крепостническим землевладением. Не приходится доказывать также, что любой империализм несет с собой войну и милитаризацию экономики, а, скажем, германский империализм был не менее, а более „военный“, чем русский империализм. Главное же — при смещении указанных понятий не получаю должного освещения вопрос об объективной необходимости слома царизма в **буржуазно-демократической** революции и перегруппировки классовых сил для перехода к социалистической революции»³⁰.

Близкие соображения высказывал и Е. Д. Черменский: «Определение „военно-феодального империализма“ как своеобразного типа монополистического капитализма снимает глубочайшее противоречие общественно-экономического строя России в начале XX в. — противоречие между достигшим высокого уровня развития промышленным и финансовым капитализмом и средневековым крепостническим землевладением. Если допустить, что термин „военно-феодальный империализм“ означает монополистический капитализм в переплетении с остатками крепостничества, то есть характеризует не только государственный строй, но и экономику, тогда следует признать наличие соответствия между базисом и надстройкой царской России в эпоху империализма»³¹.

В 1961 г. вопрос о содержании термина «военно-феодальный империализм» стал предметом специальной дискуссии³². Спорные мнения были представлены в ней А. Л. Сидоровым, доказывавшим неправомочность распространения формулы «военно-феодальный империализм» на весь социально-экономический строй России для раскрытия сущности российского империализма, и П. В. Волобуевым, защищавшим такое ее применение³³. Сейчас, спустя много лет, очевидно, что важнейшим итогом дискуссии было осознание историками необходимости более корректного использования ленинского термина, недопустимости его применения в тех случаях, когда это вызывает споры.

³⁰ Гефтер М. Я. Экономические предпосылки первой русской революции // Докл. и сообщ. Ин-та истории. 1955. Вып. 6. С. 24.

³¹ Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. М., 1959. С. 18.

³² Эта дискуссия проходила в два этапа. Она началась в феврале 1961 г. в Москве в Институте истории АН СССР (см.: История СССР. 1961. № 4. С. 223—227), а затем была продолжена в Ленинграде на сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» (см.: Вopr. истории. 1962. № 3. С. 118—123).

³³ Сидоров А. Л. В. И. Ленин о русском военно-феодальном империализме: (О содержании термина «военно-феодальный империализм») // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 11—52; Волобуев П. В. К вопросу о сущности военно-феодального империализма в России // Там же. С. 73—85.

Можно констатировать, что основное положение доклада Сидорова, о том, что «по своей экономической природе российский империализм принципиально не отличался от новейшего капиталистического империализма, свойственного другим странам», и потому «некоторые своеобразные черты этого империализма . . . не дают основания для распространения на него формулы „военно-феодальный империализм“»³⁴, получило в общем одобрение участников дискуссии. Из этого вовсе не следовало, будто дискуссия не оставила «никаких сомнений в том, что термин „военно-феодальный империализм“ применялся В. И. Лениным только для характеристики политической России, то есть царизма», как об этом говорилось в предисловии к публикации материалов дискуссии³⁵. Однако характерно, что и те, у кого такие сомнения остались, перестали применять термин «военно-феодальный империализм» при характеристике монополистического капитализма в России. Так поступил, в частности, П. А. Хромов при переиздании в 1967 г. своего труда по истории экономического развития России³⁶, хотя он и счел нужным при этом сделать оговорку: «С нашей точки зрения, едва ли правильно утверждать, что термин „военно-феодальный империализм“ относится только к характеристике „политической надстройки России“, как пишут некоторые авторы»³⁷.

Отказ от использования понятия «военно-феодальный империализм» для характеристики монополистического капитализма в России, а значит, признание его принципиальной однородности с монополистическим капитализмом в других, более развитых странах поставили историков перед вопросом о том, как быть с крепостническими пережитками в российской экономике. К. Н. Тарновский, первым проанализировавший в своей книге «Советская историография российского империализма» (М., 1964) сложившуюся историографическую ситуацию, предложил вынести их за скобки не только монополистического капитализма, но и капиталистического уклада вообще. Высказывая убеждение, что в основе применения понятия «военно-феодальный империализм» для характеристики особенностей монополистического капитализма в России

³⁴ История СССР. 1961. № 4. С. 69; Об особенностях империализма в России. С. 51.

³⁵ Об особенностях империализма в России. С. 9.

³⁶ В варианте, изданном в 1960 г., говорилось: «Российский монополистический капитализм, представлявший собой военно-феодальный империализм, имел много особенностей. Одной из основных особенностей российского империализма было то, что здесь высокоразвитые фирмы промышленного и финансового капитала сочетались с отсталым социально-политическим строем, с отсталыми формами полукрепостнических отношений, с отсталым землевладением» (Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960. С. 3—4). В издании 1967 г. автор уже не пользуется термином «военно-феодальный империализм»: «В результате перехода к империализму в России до победы буржуазной революции высокоразвитые фирмы промышленного и финансового капитала сочетались с отсталым социально-политическим строем, отсталыми формами полукрепостнических отношений, с отсталым землевладением. Наличие феодально-крепостнических пережитков определяло специфику российского капитализма» (Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967. С. 397).

³⁷ Хромов П. А. Экономическое развитие России. С. 397.

«лежит смешение двух понятий: особенностей **империализма** в России, как части капиталистического уклада, с одной стороны, и особенностей экономики России периода империализма — с другой», он пояснял: «Не трудно видеть, что второе понятие более широкое, чем первое. Раскрыть его можно, опираясь на положения В. И. Ленина о многоукладности российской экономики, о сочетании капитализма как ведущего, определяющего уклада с пережитками феодализма и даже патриархальности, а в пределах капиталистического уклада — о сочетании мелких кустарных промыслов с крупной промышленностью, высококонцентрированной и объединенной монополистическими организациями»³⁸.

Мне кажется, что многие читатели восприняли слова автора относительно положений Ленина о многоукладности российской экономики как случайную оговорку. Дело в том, что Ленин никогда не пользовался понятием «многоукладность». Он действительно указывал на наличие «элементов различных общественно-экономических укладов» в послеоктябрьской России, говоря о том, что «в данном строе есть элементы, частички, кусочки *и* капитализма, *и* социализма»³⁹. Но ведь это было время, когда, как пояснял Ленин, в результате разрушения монополистической верхушки капитализма обнажилась его «громаднейшая подпочва»⁴⁰. Причем в условиях, когда позиции капитала, объединявшего мелкое производство, были подорваны, оно приобрело самостоятельное значение⁴¹. Совершенно иной была ситуация в России до 1917 г. Неоднократно обращая внимание на пестроту ее общественно-экономической структуры, Ленин учил видеть в ней то главное, что определяло основные черты российского капитализма. Формула Ленина «самое отсталое земле-владение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»⁴² выделяла важнейшие составные части общественно-экономической структуры страны. Подчеркивая это, он писал: «Кто учился хоть капельку политической экономии, тот знает, что в России происходит смена крепостничества — капитализмом. Никакого иного, „третьего“, уклада народного хозяйства в России *нет*»⁴³.

Выводы, сделанные Тарновским из дискуссии 1961 г., и в частности провозглашенное им в качестве «большого достижения историко-экономической литературы последних лет» «разграничение двух понятий — особенности экономики России периода империализма, с одной стороны, и особенности российского империализма — с другой»⁴⁴, были уязвимы. В 1971 г. В. Я. Лаверычев выступил против попыток «представить империализм в России . . . „чистым“ и свободным от каких-либо „примесей“», заметив при этом: «даже если его рассматривать только как „уклад“

³⁸ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 226.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 295—296; см. также: Т. 43, С. 158, 206—207.

⁴⁰ Там же. Т. 38. С. 154—155.

⁴¹ См.: Там же. Т. 38. С. 152—153; Т. 43. С. 158—159.

⁴² Там же. Т. 16. С. 417.

⁴³ Там же. Т. 25. С. 156.

⁴⁴ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. С. 229.

или часть „уклада“»⁴⁵. Однако, как показало время, именно в рассмотрении Тарновским империализма в России в качестве лишь части капиталистического уклада, а последнего — как одного из многих укладов российской экономики заключался главный дефект предложенного им решения. Ибо при таком рассмотрении оставалось неясным, что представляла собой российская экономика как совокупность производственных отношений.

С середины 60-х годов слово «многоукладность» стало появляться в работах, посвященных вопросам экономического развития России в конце XIX—начале XX в.⁴⁶ Следует отметить, что оно применялось не в качестве научного термина, а как описательное выражение, ибо никто из авторов этих работ не счел нужным обосновать необходимость применения нового понятия и определить его содержание. Постепенно в использовании этого выражения наметились две тенденции.

В большинстве случаев под многоукладностью подразумевалось специфическое свойство российского капитализма, обусловливавшее его особую противоречивость⁴⁷. Такая трактовка не вносила ничего принципиально нового в сложившиеся представления об особенностях российского капитализма как господствующего способа производства. Как бы компенсируя отказ от использования формулы «военно-феодальный империализм», она обращала внимание на отягощенность монополистического капитализма в России крепостническими пережитками.

К концу 60-х годов обозначилось другое направление — рассматривать многоукладность как некую совокупность укладов, среди которых капитализм не был господствующим⁴⁸. Этому, видимо, способствовали

⁴⁵ *Лаверычев В. Я.* К вопросу об особенностях империализма в России // *История СССР*. 1971. № 1. С. 89—90.

⁴⁶ Слово «многоукладность» употреблялось в исторической литературе и ранее при освещении развития остальных районов России или для характеристики особенностей экономической структуры Российской империи, обусловленных непосредственным взаимодействием в рамках единого государственного-территориального комплекса метрополии и колоний. Так, В. В. Покшишевский в книге «Заселение Сибири» (Иркутск, 1951) обращал внимание на многоукладность Сибири, где «и в период ее капиталистического развития у местных народностей в отдельных местах сохранялись даже остатки дофеодальных отношений» (с. 201). А в брошюре «Вопросы советской науки. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1958) в отношении вопросов изучения социально-экономической истории России сказано: «Рост капитализма „вширь“ и специфические особенности этого процесса в период империализма; воздействие общероссийских экономических процессов на развитие национальных районов; многоукладность экономики России; рост капитализма во внутренних колониях и полуколониях; их роль в системе российского империализма; проблема вывоза капиталов внутри империи; российский империализм и национально-колониальная политика царизма» (с. 5; разрядка моя. — В. Б.).

⁴⁷ См.: *Гиндин И. Ф., Иванов Л. М.* О неравномерности развития российского капитализма в начале XX века // *Вопр. истории*. 1965. № 9. С. 125; *Рындзюнский П. Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России (60—80-е годы XIX в.). М., 1966. С. 8; *Гиндин И. Ф.* Проблемы истории Февральской революции и ее социально-экономических предпосылок // *История СССР*. 1967. № 4. С. 33.

⁴⁸ См.: *Тарновский К. Н.* Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // *Научная сессия, посвященная проблемам многоуклад-*

некоторые получившие распространение в советской историографии 60-х годов веяния в изучении капиталистического развития России, о которых говорилось выше, а именно утверждения о господстве в аграрном строе страны докапиталистических отношений и «искусственности», насажденности «сверху» помещичьим государством капитализма в промышленном производстве. В их свете путь капиталистического развития России выглядел принципиально иным, чем те, по которым шли страны Запада. В 1964 г., анализируя итоги и определяя перспективы изучения советскими историками российского империализма, К. Н. Тарновский писал: «Вслед за выяснением российской специфики по сравнению со странами Западной Европы следует поставить вопрос: не являются ли установленные национально-особенные отклонения в свою очередь проявлением какой-то общей закономерности? . . . Тем самым и определяется основное направление будущей научно-исследовательской работы. В центре внимания следовало бы поставить не вопрос об особенностях российского капитализма, а проблему типа капиталистической эволюции России»⁴⁹.

Несколько лет спустя М. Я. Гефтер сделал новый шаг в том же направлении, высказав мнение, что Ленин, конкретизируя «применительно к русским условиям положения Маркса: капитализм перерабатывает, приспособливает для себя доставшиеся ему в наследство формы землевладения и хозяйствования», пришел «к открытию особого типа аграрно-капиталистической эволюции: переживания крепостничества и патриархальщины в огромной мере приспособляются к себе складывающиеся в недрах крестьянства буржуазные отношения и тем „варваризируют“ ход общественного развития страны». Как бы комментируя это «открытие», Гефтер замечал: «. . . в исторической ретроспективе следовало бы назвать этот тип капитализма российским. . .»⁵⁰

Слово «открытие» взято мной в кавычки потому, что ни в статье «Маркс об американском „черном переделе“» и наброске «Революция типа 1789 или типа 1848 года?», на которые ссылался Гефтер, ни в каком-нибудь другом ленинском произведении нельзя обнаружить даже что-либо похожее на утверждение об особом, российском типе капиталистического развития, при котором не капитализм подчиняет предшествовавшие ему формы производственных отношений, а именно эти последние овладевают капитализмом. Характерно, что Тарновский в одном из своих историографических очерков в качестве автора упомянутого «открытия» назвал самого Гефтера. Призвав «внимательнее отнестись к появляющимся в литературе предложениям относительно целесообразности выделения аграрно-капиталистической эволюции России в особый тип», он отметил, что «такого же мнения придерживается и М. Я. Гефтер, который считает необходимым выделить „особого типа аграрно-капиталистической эволюции“, присущего России»⁵¹.

ности российской экономики в период империализма: Доклады. М., 1969. С. 10—11.

⁴⁹ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. С. 237.

⁵⁰ Гефтер М. Я. Страница из истории марксизма начала XX в. // Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969. С. 21.

⁵¹ Тарновский К. Н. Проблемы аграрно-капиталистической эволюции России: (К дискуссии о путях развития капитализма в сельском хозяйстве) // История СССР. 1970. № 3. С. 77.

Другим обстоятельством, которое, вероятно, тоже наложило свой отпечаток на толкование некоторыми историками многоукладности в дореволюционной России, явился взаимный интерес, который стали проявлять в те годы исследователи, занимавшиеся отечественной историей, к процессам социально-экономического развития стран Востока, а востоковеды — к предыстории Великого Октября и осуществлению социалистических преобразований в нашей стране.

Во второй половине 60-х годов понятие «многоукладность» было взято на вооружение частью востоковедов для характеристики переходных обществ, в которых после их освобождения от колониальной зависимости еще не сложился господствующий способ производства. В отличие от исследователей отечественной истории востоковеды обстоятельно мотивировали необходимость применения нового понятия и достаточно четко определили его содержание. Так, С. И. Тюльпанов, анализируя в книге «Очерки политической экономии (развивающиеся страны)» проблему «многоукладности и воспроизводство национальной экономики», писал: «Общим для большинства развивающихся стран является то, что ни в одной из них нет какого-либо сложившегося способа производства — феодального, капиталистического или социалистического. Такое положение создано господством колониализма, в условиях которого экономика каждой из стран оказалась разделенной на два сектора — традиционный, существовавший по законам натурального хозяйства, и иностранный, возникший как инородное тело, привнесенное в страну извне колонизаторами, и оставшийся своего рода анклавом в экономике этих стран». Отмечая, что традиционный сектор продолжал существовать как замкнутая система, а иностранный сектор имел своей основой собственность иностранных монополий, Тюльпанов пояснял: «Собственно экономические, товарные связи между секторами были ничтожны. Каждый из секторов представлял, таким образом, как бы самостоятельную социально-экономическую систему, и нигде к моменту образования независимого государства еще не произошло их слияния». Лишь установление независимости привело к разрушению перегородок между этими секторами. Образование национальных государств и национализация иностранных предприятий положили начало развитию национальной экономики как единой системы производственных отношений, основанной на становлении единого способа производства. «Поэтому экономику развивающихся стран, — заключал автор, — можно определить как экономику переходную в том смысле, что в ней идет процесс формирования способа производства»⁵².

Эта концепция с различными модификациями получила отражение и в других работах. В наиболее упрощенном виде она была представлена в книге А. И. Левковского «Третий мир в современном мире» (М., 1970). Автор ее делил все государства в мире на три группы: капиталистические, социалистические и многоукладные. В его трактовке «многоукладность — важнейший показатель подспудных процессов переходного

⁵² Тюльпанов С. И. Очерки политической экономии: (развивающиеся страны). М., 1969. С. 72.

(калейдоскопического) состояния производственных отношений»⁵³, причем такого, в котором была «заложена объективная возможность *нескольких* вариантов развития, утверждения *не одной*, а одной из двух конкурирующих, *новых* для этих государств формаций»⁵⁴.

Как видим, применение термина «многоукладность» к бывшим колониальным странам, вступавшим на путь самостоятельного развития, обуславливалось стремлением исследователей найти такие понятия, которые позволяли адекватно передать сущность новых явлений реальной действительности, представлявших собой результат модификации закономерностей социально-экономического развития в условиях сосуществования двух систем.

Применение его к дореволюционной России так и осталось немотивированным. Об этом свидетельствуют материалы конференции, собравшейся в мае 1969 г. в Свердловске для обсуждения «проблемы многоукладности» социально-экономической структуры России. В предисловии к сборнику материалов этой конференции его редактор В. В. Адамов представил разработку «вопросов истории России XIX—XX в. с учетом многоукладности ее экономики» в качестве «нового направления», делающего свои «первые шаги»⁵⁵, будто неоднородность социально-экономической структуры России была впервые обнаружена представителями этого «нового направления». Между тем советские историки всегда рассматривали процессы капиталистической эволюции России как результат чрезвычайно сложного взаимодействия существовавших в стране различных общественных отношений. При этом вслед за Лениным они стремились выделить из образовавшегося запутанного узла взаимосвязей, в котором высокоразвитый капитализм переплетался с мелкотоварными его формами, с различными пережитками крепостничества и патриархальщины, отношения, определявшие основные рубежи назревавших социальных конфликтов.

Что же действительно нового внесло рассмотрение истории дореволюционной России «с учетом многоукладности ее экономики»? На этот вопрос нелегко ответить, потому что на Свердловской конференции обнаружились весьма противоречивые толкования «проблемы многоукладности».

Говоря о задачах Свердловской конференции, Адамов отметил, что, хотя уже первые шаги «нового направления» «дали самые обнадеживающие результаты», выяснилась необходимость разработки «проблемы многоукладности» «как с общетеоретической стороны, так и в конкретно-историческом плане», поскольку при этом обнаружилось отсутствие «единого мнения по таким кардинальным вопросам проблемы, как определение содержания самих понятий „уклад“ и „многоукладность“, „господствующий уклад“ и т. п.»⁵⁶. Однако конференция не решила этих вопросов. «Как видно из обзора прений, — констатировал В. В. Адамов, — участники дискуссии не сошлись на каком-либо конкретном определении

⁵³ Левковский А. И. Третий мир в современном мире. М., 1970. С. 9—10.

⁵⁴ Там же. С. 12.

⁵⁵ Вопросы истории капиталистической России: Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972. С. 5.

⁵⁶ Там же. С. 5.

уклада». Не пришли они «к единому мнению и о числе укладов, составлявших социально-экономическую структуру капиталистической России»⁵⁷. На таком уровне осмысления исходных понятий естественны были расхождения и в толковании проблемы в целом.

Рассмотрим основные точки зрения.

К. Н. Тарновский представил на конференцию доклад «Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки». Постановку этой проблемы он связывал с выдвижением «на первый план проблемы многоукладности экономики России конца XIX—начала XX века»⁵⁸. Необходимость «изучения взаимодействия российского империализма с до- и раннекапиталистическими укладами экономики страны» обуславливалась, по его мнению, поворотом специалистов по истории российского монополистического капитализма «от чисто „империалистической“ проблематики к иной, более широкой, комплексной проблеме, проблеме типа капиталистической эволюции России. . .»⁵⁹. Это «изучение проблемы взаимодействия различных социально-экономических укладов» должно было осуществляться «в интересах уяснения не только общих закономерностей победы Великой Октябрьской социалистической революции, но и ее своеобразия и особенностей, определявших своеобразием и особенностями капиталистической эволюции России, **типом** этой эволюции»⁶⁰.

Напомню, что Тарновский выдвинул «проблему типа капиталистической эволюции России» еще в своей книге «Советская историография российского империализма»⁶¹, где им впервые было высказано мнение о «многоукладности российской экономики». Но там он рассматривал капиталистический уклад в качестве ведущего. В докладе на Свердловской конференции Тарновский, солидаризировавшись с модными тогда взглядами о докапиталистическом характере аграрного строя и искусственности складывания системы крупнопромышленного производства в России, снял указание на ведущую роль капиталистического уклада. Повторив свой тезис о разграничении понятий «особенности **империализма** в России и особенности **экономики России периода империализма**», Тарновский на этот раз писал: «Империализм — лишь часть капиталистического уклада; громадные остатки феодально-крепостнических отношений, основу которых составляет крупнейшее латифундиальное землевладение, не являются особенностью империализма в России — они составляют особенность экономики России периода империализма. Вместе с тем их наличие в огромной степени определяло коренные условия, в которых развивался капитализм в России»⁶².

Если в освещении К. Н. Тарновского капитализм в дореволюционной России представлял собой лишь один из укладов некоей многоукладной системы наряду с пережитками докапиталистических отношений, которые

⁵⁷ Там же. С. 7—8.

⁵⁸ Там же. С. 26.

⁵⁹ Там же. С. 19.

⁶⁰ Там же. С. 23.

⁶¹ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. С. 237.

⁶² Вопросы истории капиталистической России. С. 18.

должны были «весьма существенным образом влиять на характер капитализма»⁶³, то в изображении М. Я. Гефтера российский капитализм являлся своего рода внешней оболочкой, прикрывавшей многоукладность. Поясняя «исходное положение» своей концепции, он писал: «...многоукладность это не просто „много укладов“. Специфику конкретного общества следует искать во взаимосвязи, взаимопроникновении и конфликте разных социально-экономических форм, в том числе тех, что не составляли ступень всемирного процесса или не играли в этом процессе той роли, какую играют они в региональном развитии. Поэтому и соотношение укладов в конкретных обществах отличается, порой весьма существенно, от соотношения, которое лежит в основе схемы формаций и обусловлено последовательностью смены их во всемирном процессе»⁶⁴. Исходя из такого представления, Гефтер, с одной стороны, признавал «бесспорным», что в 1861 г. «произошел формационный перелом»⁶⁵, а с другой стороны, утверждал, что «„предыстория“ капитализма не просто передвинулась за формационную черту, но стала частью собственно истории капитализма в России, притом такой частью, которая делает последний, так сказать, органически „нечистым“»⁶⁶. По мнению Гефтера, крепостнический уклад «максимально „загрязнял“ аграрный капитализм изнутри — отработками, ростовщичеством — и тем в существенной мере **подчинил** его себе»⁶⁷. В результате «если капиталистические элементы русской деревни были относительно локализованы, то крепостнический уклад является фактически **всероссийским**»⁶⁸.

П. Г. Рындзюнский предложил диаметрально противоположное понимание: не крепостнический уклад изнутри овладел капитализмом, а, наоборот, капиталистическая эволюция внесла новое содержание даже в такие отношения, которые еще продолжали существовать в феодальной оболочке. «Капиталистическая система во второй половине XIX—начале XX в. проросла в систему крепостнического хозяйства, сделалась ее стержнем. . . Именно такое стержневое положение, которое приобретает ведущий уклад во всем составе разнообразных общественно-экономических систем, с ним сосуществующих, дает основание именовать общественно-экономическую формацию по названию этого ведущего уклада»⁶⁹.

И. Ф. Гиндин и Ю. Н. Нетесин также рассматривали многоукладность как свойство российского капитализма. При этом они не видели в нем чего-либо особенного, исключительного. «Сама по себе эта многоукладность, — писал Гиндин, — не являлась специфической особенностью России, будучи присуща всем странам позднего капиталистического развития и особенно странам Востока, где диапазон между „полюсами“ экономической структуры был гораздо шире, чем в России. Однако по сравнению с „классическим“ капитализмом Запада русский капита-

⁶³ Там же. С. 18—19.

⁶⁴ Там же. С. 87.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 88.

⁶⁷ Там же. С. 91.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Вопросы истории капиталистической России. С. 70.

лизм отличался поистине сказочной пестротой хозяйственно-экономических форм и социальных отношений»⁷⁰.

Нетесин предложил наиболее четкое определение «многоукладной капиталистической системы». Исходя из того, что «нет и не может быть абсолютно „чистых“ в социально-экономическом смысле систем капитализма», он высказал мнение о необходимости различать «по меньшей мере две их разновидности: а) условно-однородные хозяйственные системы, где некапиталистические (главным образом мелкотоварные) формы хозяйства постоянно порождаются и вытесняются движением самого капитала, существуют на основе зрелого капиталистического воспроизводства; б) многоукладные капиталистические системы (наподобие российской рассматриваемого периода), в рамках которых раннекапиталистические и докапиталистические формы хозяйства порождаются определенным уровнем развития производительных сил отдельных районов и сфер общественного производства, совершают, следовательно, цикл воспроизводства на своей собственной основе». Поясняя свою мысль, Нетесин продолжал: «С точки зрения всемирно-исторических этапов развития капитализма (а не хронологии) первые системы можно отнести к классу „старых“ систем, где завершено „первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде“, вторые — к классу „молодых“ систем, где развитие капитализма осуществляется в рамках не завершенного „первого отрицания“, где, следовательно, соединены вместе чисто капиталистическое накопление и накопление первоначальное». В представлении Нетесина «многоукладная экономическая система иерархична по своему строению: различные формы хозяйства в ней располагаются как бы на разных ярусах в зависимости от уровня своей экономической эффективности, удельного веса и места в материальном производстве. Ведущий, господствующий уклад охватывает ключевые сферы общественного хозяйства, наиболее экономически эффективен и значителен по масштабам производства. Именно ведущий уклад своими внешними связями с другими формами хозяйства придает единство „мозаичной действительности“ многоукладной экономики, окрашивает всю систему хозяйства в один общий тон». Поэтому «многоукладное общественное хозяйство России представляло собой строй капитализма, воплощенное господство капитала»⁷¹.

Концепция некапиталистического характера многоукладности, получившая в начале 70-х годов отражение в печати, вызвала критические возражения в научной периодике. «В последние годы, — отмечал И. Д. Ковальченко, — правомерно усилился интерес к изучению социально-экономической структуры российской деревни в эпоху капитализма, к анализу различных укладов крестьянского и помещичьего хозяйств. Но к важнейшему аспекту подобных исследований, к показу того, в какой мере различные уклады были пронизаны буржуазным содержанием, втянуты в процесс буржуазной аграрной эволюции, должного внимания не уделяется». В качестве примера Ковальченко приводил статьи К. Н. Тарновского и М. Я. Гефтера. В освещении Тарновского, указывал он, уклады «лишь сочетаются и переплетаются,

⁷⁰ Гиндин И. Ф. В. И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России // В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970. С. 245.

⁷¹ Вопросы истории капиталистической России. С. 47—49.

а капитализм выступает лишь как один из секторов аграрного строя. Главенствующая и движущая роль капиталистического уклада в аграрном строе и его эволюции, в сущности, исчезает». А Гефтер пошел «еще дальше в отрицании определяющей роли капиталистических отношений в развитии укладов в деревне», так как, согласно его концепции, «крепостничество пожирает капитализм». «Указанные мнения, — писал Ковальченко, — прежде всего несостоятельны конкретно-исторически. Реальный ход аграрного развития России в конце XIX—начале XX в., как показывают анализ аграрного рынка и другие данные, был совершенно иным. Заметим, кстати, что указанные точки зрения не результат конкретного, основанного на источниках изучения аграрного развития, а следствие либо абсолютизации отдельных сторон конкретно-исторических исследований (К. Н. Тарновский), либо вовсе общих построений (М. Я. Гефтер)»⁷².

В большой коллективной рецензии на сборник материалов Свердловской конференции, опубликованной в журнале «Вопросы истории КПСС», отмечалось, что некоторые авторы этого сборника, объявившие «новым направлением» «свой подход к исследованию многоукладности экономики России XIX—XX вв.», выдвинули концепцию «особого типа русского капитализма, развивающегося якобы лишь в пределах собственного уклада, которому в так называемом „историческом взаимодействии“ противостоят другие экономические уклады, способные не только отстоять свою самостоятельность, но и активно воздействовать на него и даже подчинить его себе». Рецензенты оценивали это как попытку «пересмотреть утвердившиеся в советской исторической науке положения о характере социально-экономического строя в России в конце XIX—начале XX в., о русском капитализме как господствовавшем способе производства»⁷³.

И. В. Кузнецов, анализируя в журнале «Вопросы истории» материалы Свердловской конференции, также отметил, что «отдельные историки (М. Я. Гефтер, К. Н. Тарновский, В. В. Адамов) . . . подменяют определение русских экономических порядков как буржуазного общества рассуждениями о „многоукладности“ как особом типе экономического строя, закономерности развития которого нельзя объяснить „чисто формационной схемой“»⁷⁴.

Следует подчеркнуть, что критические замечания в адрес представителей упомянутого «нового направления» отнюдь не отрицали многоукладности российского народного хозяйства. Более того, авторы упомянутой рецензии выражали «прежде всего» свое несогласие «с утверждением В. В. Адамова, сделанным в предисловии к сборнику, будто только в литературе последних лет утвердились представления о многоукладном характере социально-экономического строя предреволюционной России». Они писали: «Ведь известно, что еще в период борьбы с народничеством и в связи с необходимостью теоретического обоснования

⁷² Ковальченко И. Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX—начале XX века // История СССР. 1973. № 2. С. 62—64.

⁷³ Левыкин К. Г., Сиволобов А. М., Шарапов Г. В. О книге «Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности» // Вопр. истории КПСС. 1973. № 11. С. 108, 115.

⁷⁴ Кузнецов И. В. Об укладах и многоукладности капиталистической России // Вопр. истории. 1974. № 7. С. 21.

социал-демократизма и выработкой программы РСДРП В. И. Ленин обратил внимание на чрезвычайно сложную картину русского экономического развития, сочетавшего в себе черты передового капиталистического производства с самыми отсталыми формами эксплуатации, базировавшимися на сохранившихся в России разнообразных формах докапиталистических отношений»⁷⁵. Рецензенты весьма одобрительно оценивали попытку Нетесина «подойти к выяснению особенностей воспроизводства промышленного капитала в условиях многоукладной капиталистической системы России в начале XX в.», а также трактовку многоукладности, данную Рындзюнским. «Интересные наблюдения и выводы, — по их мнению, — содержатся и в некоторых других статьях сборника, в которых рассматриваются конкретные вопросы эволюции „отсталых и переходных“ структур в системе российской капиталистической формации»⁷⁶. В заключение они писали: «Исследование глубинных процессов эволюции многоукладной капиталистической системы открывает широкое поле деятельности для дальнейшего изучения на новом, более высоком уровне науки закономерностей исторического развития общества, и прежде всего складывания материальных и политических предпосылок его революционных преобразований»⁷⁷.

Вслед за упомянутыми критическими откликами на концепцию некапиталистического характера многоукладности российской экономики стали появляться рассматривавшиеся в предыдущих главах фундаментальные исследования, содержавшие убедительные доказательства несостоятельности главного аргумента сторонников «нового направления» — тезиса о господстве докапиталистических отношений в аграрном строе предреволюционной России.

Вместе с тем использование «концепции многоукладности» для раскрытия механизма социально-экономического развития стран «третьего мира» оказалось далеко не столь многообещающим, как это первоначально казалось. Впрочем, следует отметить, что эта концепция и в пору ее наибольшего распространения не получила однозначного признания и у востоковедов. Свидетельством тому являются расхождения в ее трактовке и существенные отличия в освещении проблем экономического развития бывших колониальных стран в появившихся одновременно в 1974 г. коллективных трудах — «Зарубежный Восток и современный мир» и «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы». С середины 70-х годов в востоковедческой литературе стали раздаваться предостережения против переоценки возможностей «концепции многоукладности». К тому же обнаружилось, что ее применение, хотя и позволило объяснить некоторые особенности развития бывших колониальных стран, в то же время привело к определенному преувеличению их специфики. Обращая на это внимание, Р. А. Ульяновский писал: «То или иное явление на Востоке, не находящее прямых аналогий на современном капиталистическом Западе, только на этом основании рассматривается как „специфика Востока“. Поскольку она не вписы-

⁷⁵ Вопр. истории КПСС. 1973. № 11. С. 107—108.

⁷⁶ Вопр. истории КПСС. 1973. № 11. С. 107.

⁷⁷ Там же. С. 115.

вается в „общую закономерность“ (что устанавливается сравнением с нынешним положением дел, например, в Европе), такая „специфика Востока“ уже выглядит как особая „восточная“ закономерность (дело не меняется от того, что ее все еще именуют „спецификой“) и в качестве закономерности служит основой для дальнейшего теоретического построения». Именно так произошло с многоукладностью, которая в ряде работ «прямо выступает как сущность и создает исключительность Востока в сравнении с Западом»⁷⁸.

Сомнения востоковедов разделили и философы. И. Л. Андреев, один из авторов подготовленного в Институте философии АН СССР коллективного труда «Теория общественно-экономической формации» (М., 1982), отметив, что при анализе общественно-экономического строя освободившихся стран «на первый план одно время вышла концепция многоукладности развивающихся государств», констатировал: «В методологическом плане она, особенно если не выделен ведущий, системообразующий общественно-экономический уклад, содержит в себе опасность эклектического механицизма, представления, что в хозяйственной структуре освободившихся стран всего „понемногу“ от разных формаций, а потому специфическими являются либо сама комбинация „частиц“ присущих им общих закономерностей, либо тотальная межформационность, затянувшаяся переходность, своего рода „зазор“ между „нормальными“ формациями... Попытки же абсолютизировать фактор многоукладности, претензии объяснить все и вся в развитии освободившихся стран, исходя из универсальности многоукладности как таковой, методологически неправомерны, а практически — сегодня это уже достаточно ясно — малоэффективны»⁷⁹.

Как показал анализ новейших результатов изучения процессов экономической и социальной трансформации развивающихся стран, ценность применения к ним «концепции многоукладности» ограничена «определенными рамками конкретного переходного периода и преимущественно афро-азиатского ареала»⁸⁰.

Не берусь судить о том, что в большей мере повлияло на представителей «нового направления» — аргументы их критиков, результаты изучения аграрного строя России конца XIX—начала XX в. или итоги применения «концепции многоукладности» при изучении развития стран «третьего мира», — но те из них, кто продолжал заниматься исследованиями, отошли от прежних своих позиций. Так, К. Н. Тарновский, писавший в 1977 г., что в России «на рубеже веков» «буржуазного общества в целом... еще не было»⁸¹, в 1983 г. обращал внимание своих читателей на ленинские положения о господстве капиталистических отношений в стране, показывал, как под влиянием Ленина родилась формулировка

⁷⁸ Ульяновский Р. А. Общие закономерности социально-экономического развития и проблема специфики стран Востока // Новая и новейшая история. 1978. № 3. С. 39—40.

⁷⁹ Теория общественно-экономической формации. М., 1982. С. 265—266.

⁸⁰ Обминский Э. Развивающиеся страны: Проблемы экономической и социальной трансформации // Коммунист. 1985. № 1. С. 116 (Автор проанализировал труды по данной проблеме, опубликованные в 1981—1983 гг.).

⁸¹ Тарновский К. Н. 24 декабря 1900. М., 1977. С. 254.

проекта программы РСДРП, гласившая, что в России «капитализм уже стал господствующим способом производства»⁸².

Думаю, что уже к середине 70-х годов необоснованность распространения на Россию конца XIX—начала XX в. представлений о многоукладности как о совокупности множества самостоятельных укладов стала очевидной. Обстоятельное фактическое обоснование господства капитализма в аграрном строе страны подорвало позиции сторонников концепции некапиталистического характера многоукладности российской экономики. «Механизм развития и взаимодействия социально-экономических укладов в России начала XX в. определялся капитализмом, — пояснял В. П. Данилов, выражая, как мне кажется, преобладавшее тогда мнение. — Дореволюционная российская экономика отнюдь не представляла собой механическую сумму различных укладов, замкнутых в себе и противостоящих друг другу. Это была капиталистическая экономика, в которой даже самые отсталые уклады оказывались включенными в общую систему капитализма, обслуживали его, становились его продолжением»⁸³.

Может показаться странным, что историки, придя к определенному согласию в трактовке понятия «многоукладность» применительно к России конца XIX—начала XX в., в дальнейшем не только не последовали советам рецензентов сборника «Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности», суливших заманчивые перспективы изучения «многоукладной капиталистической системы», но, наоборот, фактически отказались от использования понятия «многоукладность» при анализе структуры российской экономики. Единственная попытка такого рода была предпринята Ю. Н. Нетесины⁸⁴. Однако, несмотря на весьма одобрительную ее оценку в научной печати⁸⁵, она не нашла последователей. С середины 70-х годов понятие «многоукладность» почти исчезает из работ, содержащих характеристику социально-экономического строя предреволюционной России.

В чем причина этого парадоксального явления? Разумеется, использование понятий, трактовавшихся в литературе неоднозначно, связано с некоторыми «неудобствами». Необходимость дистанцироваться от трактовки «многоукладности» представителями «нового направления», а также исследователями современных развивающихся стран требовала

⁸² *Тарновский К. Н.* Революционная мысль, революционное дело: (Ленинская «Искра» в борьбе за создание марксистской партии в России). М., 1983. С. 157—158. Спустя четыре года К. Н. Тарновский вновь вернулся к идее многоукладности, но уже не оспаривал господства капитализма в России и буржуазного характера российского общества (см.: Наука и жизнь. 1987. № 10. С. 77—81).

⁸³ *Данилов В. П.* Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экономическая политика: Вopr. теории и истории. М., 1974. С. 59.

⁸⁴ См.: *Нетесин Ю. Н.* Промышленный капитал Латвии (1860—1917 гг.): К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Рига, 1980. Следует заметить, что, употребляя применительно к экономике России понятие «многоукладный», Ю. Н. Нетесин акцентировал внимание не на множественности присущих ей укладов, а на их различии, четко выделяя при этом две основные разновидности капиталистического воспроизводства промышленного капитала, характерные для российского капитализма.

⁸⁵ См.: Вopr. истории. 1982. № 7. С. 131—133 (рец. А. П. Корелина).

от историков, применявших это понятие к российской экономике, четкого определения своей позиции и соответствующих пояснений. Тем не менее, на мой взгляд, основная причина заключалась в другом. Новизна характеристики социально-экономической структуры предреволюционной России как многоукладной состояла отнюдь не в выявлении в российской экономике **разных** укладов, а в сосредоточении внимания на том, что таких укладов было **много**. Это могло иметь смысл лишь при условии, что определяющее значение имело количество укладов, наличие большого их числа, а не то, какие это были уклады. Сторонники «нового направления», недооценивавшие степень капиталистического развития России, а значит, и масштабы порождаемых им социальных противоречий, пытались найти разгадку повышенной конфликтности российской экономической и социальной структуры в противоречиях сосуществовавших в ней укладов. В этом заключалась причина особого их интереса к изучению «отсталых, неразвитых или пережиточных укладов в ущерб исследованию истории монополистического капитализма»⁸⁶.

При указанном подходе, когда уровень социальной конфликтности как бы измерялся количеством укладов, чем больше их было, тем конфликтнее представлялась ситуация. Отсюда проистекала опасность «укладотворчества», на которую в свое время обратил внимание Данилов⁸⁷.

Тенденция к перенесению центра внимания при рассмотрении предпосылок социалистической революции в России с противоречий капитализма, достигшего монополистической стадии развития, на противоречия, порождавшиеся наличием множества иных укладов, получила наиболее отчетливое выражение в статье М. Я. Гефтера, опубликованной в свердловском сборнике. «В том-то и состоял, — писал он, — **кризис системы**, уже явным образом обнаруживающийся в России предвоенных лет: не исчерпание ресурсов развития капитализма (напротив, он быстро рос в эти годы), а невозможность преодолеть старые и новые диспропорции с помощью даже такого роста»⁸⁸. Рецензенты сборника имели основания бросить Гефтеру упрек в том, что в его освещении «кризис системы» находит выражение «в конфликте укладов, а не в конфликте производительных сил и производственных отношений»⁸⁹.

Видимо, именно вследствие такого смещения акцентов представления о многоукладности социально-экономического строя России показались привлекательными тем буржуазным историкам, которые, признавая объективную обусловленность событий 1917 г., все же не могут переступить последнюю черту и согласиться с тем, что эти события явились неизбежным результатом капиталистического развития. В частности, Х. Хауманн положительно оценил применение для анализа социально-экономического строя в России «идеи многоукладности»⁹⁰, поскольку, по его мнению, «са-

⁸⁶ Вопросы истории капиталистической России. С. 10 (изложение выступления Ю. Н. Нетесина на Свердловской конференции).

⁸⁷ Данилов В. П. Указ. соч. С. 61.

⁸⁸ Вопросы истории капиталистической России. С. 98.

⁸⁹ Вопр. истории КПСС. 1973. № 11. С. 111.

⁹⁰ *Haumann H. Staatsintervention und Monopole im Zarenreich — ein Beispiel für Organisierten Kapitalismus? // Industrialisierung und sozialen Wandel in Russland. Göttingen, 1979. S. 354—355.*

мопаралич системы, вероятно, легче объяснить с позиций этой модели, чем фиксируясь на анализе проявлений новейшего капитализма»⁹¹. Замечу, что Х. Хауманн не сомневается в существовании в России капитализма как способа производства, определяющего ее глубинную экономическую структуру, но видит в нем особый капитализм, отличающийся от западных аналогов. Поэтому он охотно взял на вооружение извлеченное им из работ некоторых советских историков соображение о том, что «тесное переплетение высокоразвитых и до- и раннекапиталистических элементов является решающим для определения специфической формы российского способа производства и тем самым социально-экономических причин Октябрьской революции». В специфичности российского капитализма, в его «уродливости» и «в обусловленных этой уродливостью социальных и политических отношениях социальных групп, — как полагает Хауманн, — заключалась сила, которая привела к падению старой системы»⁹².

Вероятно, именно то, чем импонировала Хауманну «идея многоукладности», вызвало отрицательное отношение к ней со стороны советских историков, понимающих, что далеко не всякие социальные противоречия вели к пролетарской революции и что «самопаралича системы» было недостаточно для начала осуществления в России социалистических преобразований. Однако в последнее время сторонники «нового направления», используя массовую печать, стали вновь провозглашать плодотворность применения «теории многоукладности предреволюционного российского общества» для объяснения социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции⁹³.

Ленин не раз указывал на необходимость при анализе общественных явлений и процессов не упускать из вида того, что существенно для их понимания. В частности, при обсуждении весной 1917 г. изменений, вносимых в программу РСДРП, разъясняя, что империализм не может устранить рынка и конкуренции, он писал: «Именно это соединение противоречащих друг другу „начал“: конкуренции и монополии и существенно для империализма, именно оно и подготавливает крах, т. е. социалистическую революцию»⁹⁴.

Среди высказанных тогда Лениным соображений одно очень важно для уяснения оценки им роли пережиточных отношений в созревании социалистической революции в России. Отмечая, что в стране осталось «еще не мало областей и отраслей труда с переходом от натурального и полунатурального хозяйства к капитализму», Ленин пояснял: «Это — отсталое, это — слабое, но это все же существует и при известных условиях это может внести элемент затяжки в крахе капитализма»⁹⁵. История

⁹¹ *Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906—1917. Hain, 1980. S. 65.*

⁹² *Ibid. S. 71.*

⁹³ См.: *Афанасьев Ю. Н. Энергия исторического знания // Московские новости. 11 января 1987 г.; Он же. С позиций правды и реализма // Советская культура. 21 марта 1987 г.; Поликарпов В. Д. О «дискуссиях» минувших лет // Советская культура. 9 июля 1987 г.; Тарновский К. Н. В преддверии Октября // Наука и жизнь. 1987. № 10. С. 77—81; Волобуев П. В. Великий Октябрь // Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 8—14.*

⁹⁴ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 145—146.*

⁹⁵ Там же.

подтвердила это ленинское предвидение. Многоукладность доставшегося первому пролетарскому государству экономического и социального материала, из которого выкристаллизовывались формы нового общества, крайне осложняла строительство социализма. Между тем среди существовавших в предреволюционной России докапиталистических укладов лишь полукрепостническое помещичье хозяйство играло важную роль в процессе созревания объективных условий для общенародной революции, имевшей тенденцию к переходу от завершения буржуазно-демократических преобразований к решению социалистических задач. Этого нельзя сказать ни о патриархальном натуральном хозяйстве, ни тем более об остатках родового строя, характерных для некоторых периферийных районов империи. Разумеется, вызывавшееся вторжением российского капитализма на окраины разложение существовавших там докапиталистических отношений способствовало обострению социальной напряженности. Классовая структура возникавших на этой основе общественных конфликтов сложна и, несмотря на проведенные исследования, недостаточно ясна. Однако пока нет никаких оснований полагать, что именно такого рода конфликты породили революционные события 1917 г.

Характерная черта процессов созревания исторических предпосылок Октябрьской революции состояла в том, что объективная необходимость решения задач социалистической революции возникла в России до того, как здесь были полностью решены буржуазно-демократические задачи. Вот почему, как отмечалось выше, Ленин акцентировал внимание на тех **двух** укладах, которые порождали происходившие в стране две социальные войны: одну — за завершение буржуазно-демократических преобразований, другую — за осуществление социалистического переустройства общества. Их взаимодействие и переплетение обусловили ведущую роль пролетариата в буржуазно-демократической революции в России, а также возможность и необходимость ее перерастания в социалистическую революцию.

Вопрос о взаимодействии борьбы за демократию и борьбы за социализм в истории Великого Октября достаточно хорошо разработан в советской литературе. В книгах Ю. А. Красина, К. И. Зародова и других убедительно показано, что в России начала XX в. радикальное осуществление буржуазно-демократических требований неизбежно вело к решению задач социалистической революции⁹⁶. Однако из того бесспорного факта, что в условиях взаимодействия и переплетения двух социальных войн буржуазно-демократическая революция, возглавляемая пролетариатом, имела тенденцию к перерастанию в социалистическую революцию, некоторые историки в конце 60-х—начале 70-х годов сделали вывод о том, что объективная необходимость социалистической революции в России обуславливалась потребностью решения задач буржуазно-демократической революции. П. В. Волобуев доказывал, что «в коренных задачах, поставленных но не решенных второй буржуазно-демократической революцией, был за-

⁹⁶ См.: *Красин Ю. А. Ленин, революция, современность: Проблемы ленинской теории социалистической революции.* М., 1967. С. 313—314; *Зародов К. И. Три революции в России и наше время.* М., 1975. С. 137—141, 206—209.

лог победы Октябрьской социалистической революции»⁹⁷. А К. Н. Тарновский утверждал, что «пролетарская революция в нашей стране была порождена демократической»⁹⁸. Эти взгляды вызвали возражения⁹⁹ и не утвердились в советской историографии.

Ленин неоднократно подчеркивал, что глубочайший экономический и политический кризис, охвативший к 1917 г. Россию, порожден **капитализмом**. Потому-то и вырваться из него было нельзя, «не покидая почвы буржуазных отношений. . .»¹⁰⁰. Выход из созданного капитализмом кризиса, указывал Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», был возможен только на пути к социализму¹⁰¹. Нерешенность некоторых задач буржуазно-демократической революции лишь сопутствовала и способствовала назреванию революционного взрыва и расширению его масштабов.

2

Чтобы составить представление о российской экономике в целом и ее отраслевой структуре, можно воспользоваться имеющимися расчетами народного богатства и народного дохода России. Данные о народном богатстве на 1 января 1914 г. и его приросте 1913 г., исчисленные А. Л. Вайнштейном¹⁰², приведены в табл. 10. Бросается в глаза высокий удельный вес сельского хозяйства в народном богатстве России. Доля сельскохозяйственных производственных фондов составляла свыше четвертой его части, в то время как доля промышленных фондов — менее десятой. Однако последние показали наиболее высокий среди отраслей народного хозяйства процент годового прироста.

Хотя жители городов составляли к 1914 г. менее $\frac{1}{5}$ всего населения страны, народное богатство примерно наполовину было сосредоточено в городах. В такой же пропорции делилось между городскими и сельскими жителями индивидуальное потребительское имущество.

Обращает на себя внимание значительный прирост государственного, главным образом военного, имущества.

Посмотрим, какую роль играли основные отрасли производства и обращения в создании народного дохода России, по данным на 1913 г. (см. табл. 11)¹⁰³. Совершенно очевидно первостепенное значение сельскохозяйственного производства, на долю которого приходилось свыше поло-

⁹⁷ Волобуев П. В. Характер и особенности Февральской революции // Свержение самодержавия. М., 1970. С. 37.

⁹⁸ Тарновский К. Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России. С. 44—45.

⁹⁹ Вопр. истории. 1972. № 11. С. 161 (рец. Е. Д. Черменского); Вопр. истории КПСС. 1973. № 11. С. 112 (рец. К. Г. Левыкина, А. М. Сиволобова и Г. В. Шарапова).

¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 37.

¹⁰¹ См.: Там же. Т. 34. С. 190—194.

¹⁰² Вайнштейн А. Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960. С. 368—370, 383, 417—419.

¹⁰³ Данные, исчисленные С. Г. Струмилиным. См.: Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР: история, методология исчисления, динамика. М., 1969. С. 68. Анализ динамики народного дохода России см.: Gregory P. Russian national income, 1885—1913. Cambridge, L., N.-Y. . . . 1982.

Таблица 10. Структура народного богатства России

Элементы народного богатства	Народное богатство на 1 января 1914 г.		Его прирост за 1913 г.	
	млн руб.	%	млн руб.	%
Сельское хозяйство включая лесоводство, рыболовство и охоту	24043	34,8	725,6	3,0
В том числе:				
производственные фонды	18201	26,3	478,3	2,6
непроизводственные фонды (жилые постройки)	5842	8,5	247,3	4,2
Промышленность включая мелкую	6083	8,8	647,1	10,6
Транспорт и связь	7300	10,5	266,4	3,6
Торговля (товары в городах)	2325	3,4	194,9	8,4
Непроизводственные «городские фонды» (жилой фонд, городское хозяйство и т. п.)	9609	13,9	481,8	5,0
Государственное имущество (военное имущество, тюрьмы, казенные учреждения)	2942	4,3	311,7	10,6
Имущество учреждений культа	1131	1,6	20,1	1,8
Монета и драгоценные металлы в обращении и запасах	2175	3,1	66,9	3,1
Индивидуальное потребительское имущество	13585	19,6	679,2	5,0
Все народное богатство	69193	100,0	3393,7	4,9

Таблица 11. Стоимость имущества в основных отраслях производства и обращения в России и их участие в создании народного дохода

Отрасли	Стоимость имущества на 1 января 1914 г.		Его прирост в 1913 г.		Народный доход в 1913 г.	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Сельское хозяйство (производственные фонды)	18201	53,7	478,3	30,1	8792	53,6
Промышленность	6083	17,9	647,1	40,8	4793	29,2
Транспорт и связь	7300	21,5	266,4	16,8	1459	8,9
Торговля	2325	6,9	194,9	12,3	1365	8,3
Итого	33909	100,0	1586,7	100,0	16409 *	100,0

* Без дохода строительства, составившего 699 млн руб.

вины народного дохода. Но как по абсолютным размерам годового прироста, так и по удельному весу в сумме прироста стоимости имущества основных отраслей производства и обращения промышленность намного опережала сельское хозяйство.

Приведенные данные достаточно точно характеризуют соотношение сельского хозяйства и промышленности в аграрно-индустриальной экономике России и указывают на опережающий рост промышленного производства накануне первой мировой войны.

Сравнение имеющихся данных о структуре народного дохода в 1900

Таблица 12. Основные показатели экономического развития России

Годы	Население, млн	Протяженность железных дорог, тыс. км	Капиталы акционерных обществ, млн. руб.	Пассивы акционерных банков, млн. руб.
	На 1 января			
1861	73,6	1,6	(256,2)	—
1875	90,2	18,2	?	595,3
1880	97,7	22,7	?	431,4
1887	113,1	27,3	1213,2	568,5
1893	121,5	31,2	1344,3	728,7
1900	132,9	49,8	2435,6	1380,2
1908	152,5	65,5	2659,5	2007,3
1913				
1914	175,1	70,2	4754,1	6233,0

* В среднем за 5 лет

и 1913 гг. по 50 губерниям Европейской России ¹⁰⁴ показывает, однако, что увеличение удельного веса промышленности и соответственно снижение доли сельского хозяйства в народном доходе происходили медленно.

Чтобы понять причину этого, обратимся к табл. 12, содержащей основные показатели социально-экономического развития России ¹⁰⁵. Как видим, за 1887—1914 гг. население страны выросло на 54 %, валовые сборы хлебов — на 77, протяженность железных дорог — на 157, обороты торговых заведений — на 164, внешнеторговые — на 185, капиталы акционерных обществ — на 292, стоимость продукции фабрично-заводской промышленности — на 356 и пассивы акционерных коммерческих банков — на 996 %. Следовательно, темпы роста банков и промышленности были наиболее высокими. Однако если сравнить показатели среднего годового прироста за 1887—1908 гг. и за 1908—1914 гг., то обнаруживается, что в предвоенный период темпы роста протяженности железных дорог снизились в 4,8 раза, стоимость промышленной продукции осталась примерно прежней, а остальные показатели возросли: оборотов торговых заведений — в 1,8 раза, внешнеторговых — в 2,4, капиталов акционерных обществ — в 2,3, пассивов акционерных коммерческих банков — в 3,5 и валовых сборов хлебов — в 3,5 раза. Таким образом, в 1908—1914 гг. произошло резкое увеличение темпов роста не только банковского капитала, но и продукции земледелия. Следует при этом заметить, что и в 1908—1914 гг. годовой прирост продукции в промышленности (10,4 %) был выше, чем в земледелии (6,0 %). Тем не менее приведенные расчеты

¹⁰⁴ См.: *Вайнштейн А. Л.* Народный доход России и СССР. С. 71.

¹⁰⁵ Источники данных, содержащихся в табл. 12, см.: *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М., 1950. Графы 1, 2, 5, 8, 9; Русские акционерные коммерческие банки по отчетам за 1914 г. Иг., 1915. Графа 4; *Шепелев Л. Е.* Акционерное учредительство в России // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959. С. 134—182. Графа 3; *Струмилин С. Г.* Статистика и экономика. М., 1979. Графа 7.

Валовые сборы хле- бов (50 губ. Евр. России), млн пуд.	Стоимость продукции фабрично-заводской промышленности, млн руб.	Обороты торговых заведений, млн руб.	Экспорт, млн руб.	Импорт, млн руб.
За год				
1649 *	?	?	177,2	167,1
1847 *	?	?	381,9	531,1
1991 *	1179,5	?	498,7	622,8
2395 *	1400,9	4111	617,3	399,6
2627 *	1820,1	4438	599,2	449,6
2842 *	3086,0	6995	716,2	626,4
3259 *	4297,3	7813	998,2	912,6
4240	6472,1	10855	1520,1	1374,0

свидетельствуют о серьезных сдвигах, происходивших в сельском хозяйстве России накануне первой мировой войны.

Общие экономические данные, относящиеся к Российской империи в целом и даже только к 50 губерниям Европейской России, не могут быть правильно интерпретированы без учета различий географических условий отдельных районов страны и уровней их социально-экономического развития. В отличие от западноевропейских капиталистических государств, колониальные владения которых были отделены морями от метрополий, в Российской империи ее метрополия, образуемая губерниями «центральной Европейской России», оказалась слита в едином территориальном комплексе с различными по своему экономическому положению зависимыми территориями: колониями «в экономическом смысле», заселенными выходцами из метрополии и представляющими собой районы развитого сельскохозяйственного производства (южные и юго-восточные окраины Европейской России, Сибирь), колониями «чистейшего типа», коренное население которых, находившееся на стадии по преимуществу феодальных отношений, только еще втягивалось российским капитализмом в товарное обращение (Средняя Азия, Казахстан, Кавказ), областями, составлявшими своего рода резервную зону для развития российского капитализма вширь (север Европейской России), и, наконец, районами «прямо-зависимыми политически», которые находились примерно на одном уровне экономического развития с метрополией (Царство Польское, Прибалтика)¹⁰⁶.

Таблица 13¹⁰⁷ дает представление об уровне экономического развития

¹⁰⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 593—596; Т. 28. С. 700; Ленинский сборник, Т. 30. С. 287—290.

¹⁰⁷ Источники данных, содержащихся в табл. 13: 1) по сельскому хозяйству — Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917; 2) по промышленности — Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяй-

Таблица 13. Основные показатели экономического развития географических районов Российской империи

Географические районы	Население на 1914 г.		Посевная площадь в 1913 г.		Сбор основных культур в 1913 г.	
	млн чел.	%	млн дес.	%	млн пуд.	%
Европейская Россия	134,4	76,8	85,0	81,1	6256,3	79,2
Польша	12,3	7,0	5,3	5,1	952,8	12,1
Сибирь и Дальний Восток	10,0	5,7	7,1	6,7	384,9	4,9
Средняя Азия и Казахстан	11,1	6,3	5,3	5,1	213,9	2,7
Закавказье	7,3	4,2	2,1	2,0	88,8	1,1
Всего по Российской империи (без Финляндии)	175,1	100,0	104,8	100,0	7896,7	100,0

основных регионов Российской империи и их удельном весе в общих показателях сельскохозяйственного и промышленного производства. Как видим, $\frac{4}{5}$ земледельческой и промышленной продукции производилось в 50 губерниях Европейской России. Более $\frac{1}{10}$ приходилось на Царство Польское. Остальные регионы давали менее $\frac{1}{10}$. Только в скотоводстве, судя по удельному весу лугов и пастбищ, их роль была более значительна. Показатели грузоперевозок также свидетельствуют об исключительном положении Европейской России в экономической жизни страны ¹⁰⁸.

Но и Европейская Россия характеризовалась большой неравномерностью экономического развития. Опубликованные в последнее время результаты исследований И. Д. Ковальченко и Л. И. Бородинки, имевших целью выявление аграрной и промышленной типологии губерний Европейской России ¹⁰⁹, позволяют произвести ее районирование по характеру и уровню экономического развития.

В центре Европейской России мы видим индустриально-аграрный район, образованный пятью губерниями: Московской, Владимирской, Тверской, Ярославской и Костромской. Развита промышленность сочеталась здесь с крайне отсталым земледелием и прогрессирующим животноводством, что свидетельствовало о подчинении капиталистической перестройки деревни потребностям города.

Район, который составляли Петербургская губерния и Прибалтика, характеризовался высоким уровнем развития как промышленности, так и сельского хозяйства. Эта черта была наиболее присуща Эстляндской

ства за сорок лет (1887—1926 гг.). М.; Л., 1930. Т. 1, ч. 3; 3) по железнодорожным перевозкам — *Палтусова И. Н.* Частные железные дороги России в годы предвоенного промышленного подъема (1909—1913 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. Табл. 7.

¹⁰⁸ Внушает, однако, некоторое недоверие низкий удельный вес Царства Польского. См., в частности: *Бородин Л. И., Ковальченко И. Д.* Промышленная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.: (Опыт многомерного количественного анализа по данным промышленной переписи 1900 г.) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981. С. 102—128; *Ковальченко И. Д., Бородин Л. И.* Вероятностная многомерная классификация в исторических исследованиях: (По данным об аграрной структуре губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985. С. 6—30.

Площадь лугов и пастбищ в 1913 г.		Стоимость промышленной про- дукции в 1912 г.		Перевезено грузов по железным дорогам в 1913 г.	
млн дес.	%	млн руб.	%	млн пуд.	%
22,2	63,1	4410,8	78,7	13349,6	90,4
0,9	2,5	680,3	12,1	705,7	4,8
6,4	18,2	110,3	2,0	168,5	1,1
4,2	11,9	84,1	1,5	257,8	1,7
1,5	4,3	316,6	5,7	294,6	2,0
35,2	100,0	5602,1	100,0	14776,2	100,0

и Лифляндской губерниям. В западной части района (в Курляндской губернии) преобладало сельское хозяйство, в восточной (в Петербургской), — наоборот, доминировала промышленность, а сельское хозяйство здесь сочетало черты как прибалтийских, так и центрально-промышленных губерний.

Еще одним районом, совмещающим процессы развития крупной промышленности и капиталистического сельского хозяйства, был Юг России. Его индустриально-аграрную сердцевину составляла Екатеринославская губерния. А периферия района, образуемая Таврической, Херсонской, Бессарабской, Подольской, Полтавской, Харьковской губерниями и Донской областью, носила аграрно-индустриальный характер. Причем в юго-восточной части района (Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии, Донская область), где помещичье землевладение не играло большой роли, получило широкий размах бурно развивавшееся капиталистическое земледелие крестьянского типа. На юго-западе (Полтавская, Подольская, Бессарабская губернии) буржуазная эволюция деревни в большей мере тормозилась пережитками крепостничества.

Аграрно-индустриальный район, который составляли Саратовская, Самарская и Оренбургская губернии, отличался тем, что рост промышленного производства здесь был непосредственно связан с быстро развивавшимся по-капиталистически земледелием.

Таковы экономические районы Европейской России, капиталистическое развитие которых достигло наиболее высокого уровня. За их пределами отдельные крупные промышленные центры были окружены территориями, где преобладало отсталое, отягощенное пережитками крепостничества земледельческое хозяйство.

Произведенное мной на основе результатов исследований И. Д. Ковальченко и Л. И. Бородкина районирование Европейской России по уровню капиталистического развития входящих в нее губерний носит сугубо ориентировочный характер. Оно нуждается в дальнейшей разработке и уточнениях, диктуемых прежде всего тем, что промышленная перепись 1900 г. не учитывала ряда категорий российской промышленности. Но и этот, весьма несовершенный опыт показывает, как важен учет территориальных различий в характере и уровне капиталистического развития

для понимания региональных особенностей процесса созревания объективных предпосылок социалистической революции в России и их соотношения с задачами буржуазно-демократических преобразований.

* * *

Проанализировав данные переписи 1897 г., В. И. Ленин получил следующую картину распределения населения России по занятиям:

Сельскохозяйственное население России	97,0 млн
Торгово-промышленное	21,7 »
Непроизводительное	6,9 »
<hr/>	
Всего	125,6 млн

«Из этой картины, — писал он, — ясно видно, с одной стороны, что товарное обращение и, след., товарное производство вполне прочной ногой стоит в России. Россия — страна капиталистическая. С другой стороны, отсюда видно, что Россия еще очень отстала, по сравнению с другими капиталистическими странами, в своем экономическом развитии»¹¹⁰.

Лениным была произведена также группировка населения России «по своему *классовому* положению, т. е. по своему положению в общественном строе производства»¹¹¹. Ее результаты выглядели следующим образом:

Крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие	около	3,0 млн
Зажиточные мелкие хозяева	»	23,1 »
Беднейшие мелкие хозяева	»	25,8 »
Пролетарии и полупролетарии	»	63,7 »
<hr/>		
Всего	около	125,6 млн

Как видим, Ленин, рассматривая Россию в качестве капиталистической страны, положил в основу группировки ее населения классовое деление буржуазного общества. Он, в частности, указал на то, что в крестьянской массе «необходимо различать три основные группы»: 1) неимущее население, живущее «главным образом или наполовину *продажей рабочей силы*»; 2) «беднейшие мелкие хозяева», для которых главным источником существования является «*мелкое хозяйство*», и 3) «зажиточные мелкие хозяева», эксплуатирующие наемных рабочих¹¹².

Вместе с тем, отмечая, что «„остатки старого крепостного порядка“ страшно еще велики в нашей деревне», Ленин писал: «В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок, и поскольку он еще царит, — врагом его является *все крестьянство как целое*. Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом*, именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т. е. классом-сословием»¹¹³. Этим обуславливалась двойственность, противоречивость классового положения крестьянства в России. «*Поскольку* в нашей деревне крепостное общество

¹¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 502.

¹¹¹ Там же. С. 502—505.

¹¹² Там же. С. 503.

¹¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 311.

вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, — пояснял Ленин, — *постольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения, — *постольку* «крестьянство» продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «постольку — поскольку» существует в действительности в виде *крайне сложного* сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне»¹¹⁴.

За два десятилетия, отделяющих события 1917 г. от времени проведения всеобщей переписи населения, на основе которой Лениным были сделаны приведенные выше наблюдения, капиталистическое развитие России, как мы могли убедиться, существенно продвинулось вперед. К сожалению, связанные с этим социальные сдвиги, особенно в российской деревне, изучены недостаточно. Напрашивается предположение, что раскрытые исследователями процессы капиталистической перестройки помещичьих хозяйств и неуклонного увеличения роли зажиточных мелких хозяев в сельскохозяйственном производстве должны были внести существенные коррективы в содержание классовой борьбы на селе. Однако оно, пожалуй, не находит подтверждения в работах, посвященных крестьянскому движению в России накануне и в годы первой мировой войны. Быть может, уловить происходившие изменения мешает традиционное деление форм крестьянского движения на выражавшие собой **либо** первую, **либо** вторую социальную войну? Ведь в реальной жизни вследствие двойственности классового положения российского крестьянства эти войны часто сплетались в единый, неразрывный узел. К тому же при освещении крестьянского движения не всегда учитываются характерные черты экономического и социального развития соответствующих географических районов.

Между тем неравномерность капиталистического развития отдельных территорий Российской империи предопределила различную их роль в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции, ее движущих сил.

Высокоразвитые промышленные районы — Центральный, Северо-Западный и Южный — играли ведущую роль в формировании российского пролетариата — главной силы освободительной борьбы. В этих районах находилось не менее $\frac{3}{4}$ всех фабрично-заводских и горно-промышленных рабочих Европейской России.

Концентрация пролетариата на крупных промышленных предприятиях и в крупных населенных пунктах послужила объективной основой для его классового сплочения и политической организации. Силой экономического развития значительная часть российского пролетариата оказалась сосредоточена в экономических, административных и культурных центрах страны, и прежде всего в ее столицах — Петрограде и Москве. Здесь сложились ударные отряды армии социалистической революции, сыгравшие авангардную роль в 1917 г. Росту их политического влияния во многом способствовал союз рабочего класса с непролетарскими слоями трудя-

¹¹⁴ Там же. С. 312.

шихся городов, история которого в последнее время привлекла внимание исследователей¹¹⁵.

Петроград и Москва, как известно, являлись застрельщиками революционной борьбы, а крупнейшие промышленные районы — ее главными очагами. Отсюда пламя революции распространялось вширь. Важную роль в этом механизме распространения революции играли железные дороги и железнодорожный пролетариат. Расположенные на железных дорогах отдельные промышленные центры становились опорными пунктами революционного воздействия на обширные сельские территории, где формировалась и действовала армия основного союзника пролетариата — беднейшего крестьянства.

Свойственная капиталистическому развитию неравномерность, проявившаяся весьма наглядно в России, обусловила чрезвычайное многообразие местных особенностей развития революции. В еще большей степени это было характерно для национальных окраин страны. Но вместе с тем капиталистическое развитие, формируя всеохватывающую систему общественного разделения труда, обмена и коммуникаций, обеспечивало необходимое единство революционного процесса. При неравномерности развития капитализма важным показателем его зрелости с точки зрения созревания необходимых предпосылок для социалистической революции, как показал опыт России, является не только образование крупных пролетарских районов — очагов революционного взрыва, но и создание объективных экономических и социальных условий для его распространения на всю страну.

Глава шестая

РОССИЯ

В МИРОВОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

1

Для установления места, занимаемого Россией в мировой капиталистической системе в начале XX в., нужно прежде всего сравнить показатели ее социально-экономического развития с соответствующими данными в других странах. Однако решение этой на первый взгляд элементарной задачи требует преодоления множества трудностей.

Международные сравнения экономического роста отдельных стран осложняются непосредственностью характеризующих его статистических сведений (если таковые вообще имеются), поскольку методы их сбора в разных странах имели свои особенности. Но это — трудности методического характера. Есть и методологические проблемы.

При общих закономерностях исторического развития, а также сходстве стадийных, типологических и региональных их проявлений каждое государство представляет собой явление уникальное по своей социально-экономической структуре. Как в таком случае привести имеющиеся в нашем распоряжении количественные показатели, характеризующие отдель-

¹¹⁵ См.: Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981.

ные составные части чрезвычайно разнородных народнохозяйственных систем различных государств, к одному знаменателю, чтобы можно было сравнить эти системы в целом? Корректно ли сопоставлять малые страны с большими, государства, ориентированные в своем экономическом развитии на международное разделение труда, с теми, которые представляют собой как бы автономный сектор мирового рынка? Таких вопросов возникает немало в ходе сравнительно-исторического изучения процессов и результатов капиталистического развития России и других стран.

При сопоставлении России с западноевропейскими державами — Англией, Францией, Германией, как правило, не учитываются колонии последних. А данные по России берутся обычно в границах всей империи или в рамках ее 50 европейских губерний. В первом случае сравниваются абсолютно несопоставимые величины, так как рассматриваются, с одной стороны, только метрополии, а с другой — империя в целом. Нет необходимости доказывать, что данные о промышленном производстве на душу населения и протяженности железных дорог на единицу территории одной лишь Великобритании и всей Британской империи далеко не совпадают. Поэтому результаты сравнения Российской империи с Британской империей выглядели бы иначе, чем с Великобританией.

Использование для сопоставления с западноевропейскими державами данных по 50 губерниям Европейской России более приемлемо, но нуждается в оговорках. Дело в том, что в состав этих 50 губерний входили «южные и восточные окраины», представлявшие собой, по словам Ленина, «в экономическом смысле, колонии центральной Европейской России»¹, и «дальний север» — огромный район, экономически освоенный в ничтожной степени и крайне слабо связанный в хозяйственном отношении с центром страны².

Как полагал Ленин, только «неземледельческо-промышленный» район, Европейской России, в состав которого, кроме двух столичных, входили еще девять губерний (Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская и Ярославская), находился «в приблизительно однородных условиях с промышленными капиталистическими странами». Поэтому, отмечал он, «если сравнивать Россию с западноевропейскими промышленными странами (как у нас нередко делают), то надо сравнивать эти страны с одним только этим районом...»³.

По размерам своей территории, разнообразию природных условий, наличию благоприятных возможностей для развития капитализма вширь, притоку иностранного капитала Россия более всего походила на США. Но их резко отличали социально-политические условия функционирования и роста народного хозяйства. США представляли собой пример наиболее свободного капиталистического развития. В России, наоборот, развитие капитализма было заторможено остатками крепостничества. Поучительные примеры сравнительного анализа экономической жизни этих двух стран, столь разных и одновременно таких похожих, содержатся в работах Ленина. Он обратил внимание на коренное отличие индустриального развития России и США, пути которого, как казалось, были сходными, и указал на общие черты их аграрного развития, хотя эти страны представляли два принципиально отличных типа аграрно-капиталистической эволюции: «прусский» и «американский».

В статье «О „нефтяном голоде“», анализируя причины отставания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 593.

² Там же. С. 596.

³ Там же. С. 564—566.

добычи нефти в России от США в начале XX в., Ленин писал: «В России положение *абсолютно невыносимо* именно потому, что вместо широкого, свободного, быстрого развития капитализма мы видим застой и гниение»⁴. И это было сказано по поводу состояния той отрасли российской промышленности, которая по формам ее капиталистической организации, масштабам развития и роли на мировом рынке наиболее приближалась к американской промышленности.

В работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» Ленин обратился к отрасли народного хозяйства США, капиталистическое развитие которой в наибольшей мере отличалось от процессов капиталистической эволюции в России. Тем не менее Ленин сумел увидеть очень важные проявления их сходства. Первое — отставание земледелия в своем развитии от промышленности — представляло собой «явление, свойственное *всем* капиталистическим странам и составляющее одну из наиболее глубоких причин нарушения пропорциональности между разными отраслями народного хозяйства, кризисов и дороговизны»⁵. Второе — разнообразие отношений и форм капиталистического земледелия — было характерно главным образом для США и России. В этом разнообразии обе страны сближало прежде всего сходство «возникновения капитализма *из* рабовладельческого хозяйства на юге Америки или *из* барщинного в центре России»⁶. Обращая внимание на то, что «пережитки *рабства* решительно ничем не отличаются от таковых же пережитков феодализма», Ленин отмечал, что «район издольщины и в Америке и в России есть район наибольшего застоя, наибольшего принижения и угнетения трудящихся масс», что «экономическая однородность положения негров в Америке и „*бывших помещичьих*“ крестьян в центре земледельческой России оказывается поразительной»⁷.

Еще одно общее свойство аграрно-капиталистического развития США и России, отличавшее их от западноевропейских стран, состояло, по определению Ленина, в следующем: «Сельское хозяйство может еще развиваться здесь и действительно развивается посредством захвата незанятых земель, посредством обработки новых земель, никогда не подвергавшихся обработке, — развивается в форме самого примитивного и экстенсивного скотоводства и земледелия. Ничего подобного в старых, цивилизованных странах капиталистической Европы нет»⁸.

Сравнивая Россию с другими странами, устанавливая их сходные черты и различия, Ленин, как мы видели выше, определил тип и стадию ее капиталистического развития. Вместе с тем он предложил свое решение и вопроса о месте России в мировой капиталистической системе. В книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин, решая этот вопрос, исходил прежде всего из данных о размещении в отдельных странах ценных бумаг. Согласно им, Россия оказалась на пятом месте, впереди Австро-Венгрии, Италии и Японии, но значительно отставая от Англии, Франции и Германии. Комментируя эти данные, Ленин писал: «По этим данным сразу видно, как резко выделяются четыре наиболее богатые капиталистические страны, владеющие приблизительно от 100 до 150 мил-

⁴ Там же. Т. 23. С. 35.

⁵ Там же. Т. 27. С. 219.

⁶ Там же. С. 181.

⁷ Там же. С. 141—144.

⁸ Там же. С. 191; см. также: С. 137, 225.

лиардов франков ценных бумаг. Из этих четырех стран две — самые старые и, как увидим, наиболее богатые колониями капиталистические страны: Англия и Франция; другие две — передовые капиталистические страны по скорости развития и по степени распространения капиталистических монополий в производстве — Соединенные Штаты и Германия. Вместе эти 4 страны имеют 479 миллиардов франков, т. е. почти 80 % всемирного финансового капитала. Почти весь остальной мир, так или иначе, играет роль должника и данника этих стран — международных банкиров, этих четырех „столпов“ всемирного финансового капитала»⁹. Анализ участия различных государств в вывозе капитала показал особую роль Англии, Франции и Германии. Что касается России, то, как отметил Ленин, она выступала на международном денежном рынке как страна, ввозящая иностранный капитал¹⁰. Наконец, Лениным были проанализированы данные, характеризующие роль капиталистических государств в территориальном разделе мира. По размерам колоний Россия оказалась на втором месте в ряду шести крупнейших колониальных держав. Характеризуя последние, Ленин писал: «...среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция и Англия); с третьей, страну наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»¹¹.

Подготовительные материалы к работе «Статистика и социология» свидетельствуют о попытке Ленина дать группировку стран мира по совокупности признаков, характеризующих их положение в мировой капиталистической системе. В итоге все страны он разделил на четыре группы: 1) финансово и политически самостоятельные; 2) финансово несамостоятельные, политически самостоятельные; 3) полуколонии; 4) колонии и политически зависимые. В первой группе, как и следовало ожидать, оказались Англия, Германия, Франция и США. Во вторую группу им были включены Россия и остальные страны Европы, Япония, а также «часть южной и средней Америки»¹². На этом основании можно, пожалуй, предположить, что, продолжая после окончания работы над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма в России» размышлять о месте России в мировой капиталистической системе, Ленин стал уделять большее внимание вопросу о ее финансовой зависимости от стран — международных банкиров¹³. Однако при этом он никогда не относил Россию к числу полуколоний.

⁹ Там же. С. 358.

¹⁰ См.: Там же. С. 361, 363.

¹¹ Там же. С. 378.

¹² Там же. Т. 28. С. 700. В схеме, содержащейся среди подготовительных материалов в брошюре «Статистика и социология», Ленин включил во вторую группу также Турцию, но в тексте этой брошюры отметил, что правильнее ее считать полуколонией (Там же. Т. 30. С. 355).

¹³ Об этом подробнее см.: Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 250—273. Вместе с тем заслуживает внимания и то, что подготовитель-

Между тем с середины 20-х годов тезис о полуколониальной зависимости дореволюционной России стал проникать в советскую историко-экономическую литературу. Его утверждению, видимо, способствовало то, что среди первых исследователей, взявшихся в эти годы за разработку истории монополизации народного хозяйства России, преобладало мнение, согласно которому развитие российского капитализма к концу XIX в. было недостаточным для установления господства монополий. Поэтому обнаруженные ими в экономической жизни России конца XIX — начала XX в. проявления формирования монополистического капитализма они стали рассматривать как результат воздействия извне, со стороны передовых капиталистических стран.

Эти взгляды нашли свое выражение в выдвинутой Н. Н. Ванагом концепции дочернего происхождения финансового капитала в России. Согласно ей, монополии в России появились вследствие подчинения отечественной промышленности иностранными банками, которое осуществлялось в «утонченной форме»: через российские банки¹⁴. Концепция Ванага породила среди советских историков и экономистов оживленную дискуссию. Однако большинство ее участников не оспаривали решающей роли иностранного капитала в утверждении монополистического капитализма в России. Споры разгорелись преимущественно по другим вопросам: когда началось и завершилось становление монополистического капитализма в России, увеличивалась или уменьшалась зависимость народного хозяйства страны от иностранного капитала и т. п.

Дискуссия показала уязвимость фактического обоснования концепции Ванага. Однако лежавшая в ее основе идея о производном, зависимом характере процесса монополистического перерождения капитализма в России, хотя от нее в конечном итоге отрекся сам ее автор, сыграла в дальнейшем важную роль в обосновании тезиса о полуколониальной зависимости России, превратившегося с середины 30-х годов в непрекращаемую догму¹⁵.

Под влиянием тезиса о полуколониальной зависимости России роль иностранного капитала в нашей стране стала рассматриваться советскими историками лишь сквозь призму подчинения им российской экономики. При этом решение вопроса о степени этого подчинения заранее предопределялось тезисом о полуколониальной зависимости России. К тому же главное значение в таком подчинении отводилось прямым вложениям в российскую промышленность и банки, составлявшим немногим более $\frac{1}{10}$ всего притока иностранного капитала в России, а важнейшая форма этого притока — заграничные займы царского правительства — оказалась вне поля зрения исследователей.

ные материалы к работе «Статистика и социология» не были использованы Лениным при издании весной 1917 г. его книги «Империализм, как высшая стадия капитализма».

¹⁴ Ванаг Н. Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1925. С. 25.

¹⁵ См.: Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 11—70; Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 8—22.

Их упорные поиски доказательств тезиса о полуколониальной зависимости России в проникновении иностранного капитала в российскую промышленность и банки оказались малопродуктивными. Отказ советских историков в конце 50-х — начале 60-х годов от этого тезиса открыл значительно более результативный этап в изучении вопроса о роли иностранного капитала в России. Благодаря проведенным исследованиям стало совершенно очевидно, что главным фактором финансовой зависимости России являлись не прямые иностранные капиталовложения в народное хозяйство страны, а заграничные займы царизма. Эти исследования принесли убедительные фактические доказательства абсурдности утверждений о полном подчинении иностранным капиталам российских банков, а следовательно, и «ключевых позиций» всего народного хозяйства России. Вместе с тем они показали тесную связь и усиливавшееся переплетение российского финансового капитала с иностранным ¹⁶.

2

К началу XX в. Россия прочно утвердилась на пятом месте в мире по абсолютным размерам промышленного производства. Из-за отсутствия полных данных о российской промышленности и сложностей международных сопоставлений экономических показателей результаты расчетов ее удельного веса в мировом промышленном производстве колеблются весьма существенно: в пределах от 2,9 до 5,5 %. Но отрыв России от государств, занимавших последующие места (Австро-Венгрия, Италия, Испания, Япония), был настолько значительным, что эти различия не имеют значения при определении ее места. Как бы то ни было, но по основным абсолютным показателям развития промышленности: выплавке чугуна и стали, производству машин, потреблению хлопка, добыче минерального топлива — Россия была близка к Франции, по некоторым из этих показателей отставая от нее, а по другим — превосходя. Однако по производству промышленной продукции на душу населения Россия значительно отставала от передовых капиталистических государств, находясь на уровне таких стран, как Япония, Италия и Испания.

Гораздо более сильны были ее мировые позиции в производстве сельскохозяйственной продукции.

Говоря о роли России в мировом производстве, следует иметь в виду относительную автономность ее экономического развития. Как промышленное, так и сельскохозяйственное производство в России было ориентировано главным образом на внутренний рынок. В отличие от западноевропейских государств, колонии которых были отделены от метрополий морями, в Российской империи товарооборот между той ее частью, которую можно рассматривать в качестве метрополии, и колониальными районами происходил в рамках внутреннего рынка.

Огороженный высокой таможенной стеной, всероссийский рынок составлял как бы автономный сектор международной системы разделения

¹⁶ См.: *Тарновский К. Н.* Указ. соч. С. 192—223; *Бовыкин В. И.* О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России. С. 72—311; *Он же.* Формирование финансового капитала в России. М., 1984. С. 3—15, 157—193.

труда. Но движение потоков товаров внутри этого сектора не регистрировалось статистикой мировой торговли. Статистика международных миграций капитала также не учитывала вывоз капитала из сложившихся индустриальных центров России в развивающиеся районы страны. Между тем внешние экономические связи России играли сравнительно второстепенную роль в функционировании системы разделения труда, сложившейся в рамках Российской империи. Это следует иметь в виду при их рассмотрении.

* *

Мы располагаем чрезвычайно детальными и, как теперь доказано, весьма достоверными статистическими сведениями, характеризующими развитие российской внешней торговли ¹⁷.

Во второй половине XIX в. преобладающее место в российском **экспорте** заняли зерновые. К началу 60-х годов их доля превысила 30 %. В середине 70-х годов она достигла 50 % и на этом уровне (при постоянных колебаниях) держалась до 900-х годов, когда началось ее снижение. В то же время возрастало значение вывоза леса. К началу XX в. лес стал второй после хлеба статьёй российского экспорта. В 1896—1900 гг. на его долю приходилось 7,7 % общей стоимости вывезенных из России товаров. Из старых статей экспорта важные позиции сохранил лишь лен (7,3 %). Упало значение вывоза пеньки и шерсти. Почти полностью прекратился вывоз животного сала, употреблявшегося главным образом на изготовление свечей. Зато в российском экспорте заняли заметные места нефтепродукты (4,7 %) и сахар (3,0 %). Во второй половине 90-х годов резко возрос вывоз яиц (4,0 %).

Мировой экономический кризис начала 900-х годов, чрезвычайно болезненно отразившийся на российской промышленности, и дальнейшая капиталистическая перестройка сельского хозяйства внесли свои коррективы в структуру российского экспорта. России не удалось закрепиться на рынках Западной Европы в качестве поставщика нефтепродуктов и сахара, в результате чего удельный вес этих товаров в российском экспорте снизился. Возрос вывоз леса, а также таких продуктов интенсивного сельского хозяйства, как яйца и коровье масло.

К 1861 г. главной статьёй российского **импорта** стал хлопок-сырец. В 1856—1860 гг. на его долю приходилось 12,8 % общей стоимости ввезенных товаров. Кроме ввоза красителей, важную роль приобрел в это

¹⁷ Выходившее под разными названиями издание ежегодных сведений о внешней торговле России охватывает период с 1802 по 1915 г. (за исключением 1808—1811 гг.). С 1870 г. оно называлось «Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам». Сведения за XIX в. систематизированы в изданном под редакцией В. И. Покровского «Сборнике сведений по истории и статистике внешней торговли России» (СПб., 1902). Происхождение этих сведений и их информативные возможности исследованы Е. В. Дворецким. См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. Гл. 10. Специальные исследования по истории внешней торговли России см.: *Лященко П. И.* Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915; *Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978; и др.

время ввоз машин. Происшедшие изменения свидетельствовали о росте промышленного производства в России. Однако в ее импорте продолжали еще преобладать товары потребительского спроса: пищевкусовые продукты и ткани.

К началу XX в. положение изменилось. Самыми крупными статьями российского импорта стали наряду с хлопком машины, металлы, шерсть. В конце 70-х годов полностью прекратился ввоз сахара: Россия сама стала его экспортером. Сохранили свои позиции в российском импорте лишь такие продовольственные товары, как чай, фрукты и рыба. В 1896—1900 гг. 47,5 % стоимости российского импорта приходилось на долю основных товаров производственного спроса: хлопка, машин, металлов, шерсти, красителей и химических продуктов, угля.

В 1900—1913 гг. структура российского импорта осталась в основном прежней. Единственное существенное ее изменение составило снижение удельного веса ввозимых металлов (с 10,5 % в 1896—1900 гг. до 3,3 % в 1909—1913 гг.).

На протяжении почти всего XIX в. во внешней торговле России доминировала Великобритания, на долю которой приходилась почти $\frac{1}{3}$ российского товарооборота. Но к концу века ее потеснила Германия, овладевшая $\frac{1}{4}$ российского экспорта и $\frac{1}{3}$ импорта. В Германию вывозились хлеб, лес, лен и пенька, яйца, живой скот, масляничные семена, а оттуда ввозились машины и металлические изделия, металлы, краски и химические продукты, шерсть и пр. Доля Великобритании составляла в это время около $\frac{1}{5}$ как в вывозе России, так и в ее ввозе. Она покупала хлеб, лен, лес, яйца, масло, марганцевую руду, а продавала каменный уголь, машины и металлические изделия, металлы, бумажную пряжу и пр. Германия и Великобритания играли также важную посредническую роль в снабжении России товарами колониального происхождения.

В начале XX в. позиции Германии во внешней торговле России, особенно в ее импорте, еще более усилились. К 1911—1913 гг. удельный вес Германии в российском импорте возрос до 45 %, а Великобритании — снизился до 13 %. Накануне первой мировой войны Германия и Великобритания, вместе взятые, концентрировали свыше $\frac{1}{2}$ вывоза России и почти $\frac{3}{5}$ ее ввоза. А на долю всех европейских стран приходилось в 1911—1913 гг. 90 % российского экспорта и 76 % импорта.

К концу XIX в. более $\frac{2}{3}$ российского экспорта осуществлялось морским путем, свыше $\frac{1}{2}$ импорта — сухопутным. При этом преобладающая часть морского экспорта отправлялась через порты Черного и Азовского морей. А основная масса импортируемых морским путем товаров поступала в порты Балтийского моря.

Рассмотрим теперь основные итоги развития внешней торговли России к 1914 г. Она поставляла на мировой рынок главным образом сельскохозяйственные товары. Особое место в ее экспорте занимали хлебные продукты, на долю которых приходилось в 1909—1913 гг. 45,2 % общей его суммы (в среднем в год 676,1 млн из 1501,5 млн руб.). Второе место в российском экспорте принадлежало лесным товарам (145,0 млн руб. — 9,7 %). Третье — занимал лен (77,3 млн руб. — 5,2 %). Далее следовали такие продукты, как яйца (76,4 млн руб. — 5,1 %) и коровье масло (62,2 млн руб. — 4,1 %). Из промышленных товаров

заметную роль в российском экспорте играли только сахар (37,4 млн руб — 2,5 %), нефть и нефтепродукты (36,4 млн руб. — 2,4 %), а также хлопчатобумажные изделия (27,8 млн руб. — 1,8 %).

В целом доля России в мировом экспорте накануне первой мировой войны была невелика — 4,2 %. По имеющимся подсчетам, Россия вывозила за границу в предвоенные годы только 6—8 % своей продукции. Из товаров, в наибольших размерах поставлявшихся Россией за границу, лишь лен и коровье масло производились преимущественно в расчете на экспорт. В 1913 г. вывоз льна составил 54 %, а масла — 76 % от их производства. Что касается других товаров, игравших важную роль во внешней торговле России, то экспортные доли в их производстве были значительно ниже: пшеницы — 15 %, ржи — 3, овса — 4, ячменя — 34, яиц — 17, сахара — 8, нефти — 12 %. Причем в предвоенное пятилетие в условиях значительного роста производства всех этих товаров проявилась отчетливая тенденция к снижению удельного веса их заграничного вывоза¹⁸.

Доля России в мировом импорте в этот период времени была еще меньше, чем в экспорте, — 3,5 %. В 1909—1913 гг. российский импорт составлял в среднем в год 1139,6 млн руб. Самыми крупными его статьями были машины (135,5 млн руб. — 11,8 %), хлопок (108,3 млн руб. — 9,6 %), шерсть (62 млн руб. — 5,5 %), чай (59,9 млн руб. — 5,3 % и уголь (49,8 млн руб. — 4,2 %).

Ввоз машин резко возрастал в периоды промышленных подъемов и на высших их фазах (1878—1880, 1898—1900 и 1911—1913 гг.) существенно превышал ввоз хлопка, оттесняя его на второе место. В остальное время в российском импорте первенствовал хлопок. Его доля была наиболее значительной во второй половине 80-х—начале 90-х годов XIX в. (свыше 1/5 всего ввоза). В дальнейшем она стала понижаться. Увеличение потребности российской хлопчатобумажной промышленности в сырье с конца XIX в. все в большей мере удовлетворялось за счет отечественного (среднеазиатского и закавказского) хлопка, доля которого в предвоенные годы превысила 50 %.

Накануне войны, когда ввоз машин в Россию достиг максимальных размеров, он обеспечивал около 44 % потребности в них. Половину его составляли производственные машины, главным образом станки, четверть — сельскохозяйственные машины и орудия, десятую часть — электрические машины и электрооборудование. Остальное приходило главным образом на части машин. Из транспортных машин Россия ввозила только автомобили. Потребность российских железных дорог в паровозах и вагонах удовлетворялась за счет их внутреннего производства.

Кроме упомянутых выше важнейших товаров, Россия ввозила металл (главным образом цветные), кожи, шелк-сырец, текстильные изделия, рыбу, фрукты, вина, бумагу и писчебумажные изделия, химические продукты, каучук и пр. В общем итоге товары, служившие целям произ-

¹⁸ Показатели соотношения производства и экспорта, а также потребления и импорта в России см.: *Ден В. Э. Положение России в мировом хозяйстве*. Пг., 1922; *Горфинкель Е. С. СССР в системе мирового хозяйства*. М., 1929; и др.

водства, преимущественно промышленного, преобладали в ее импорте над товарами, рассчитанными на удовлетворение чисто потребительского спроса.

* * *

Наиболее ранней формой международных финансовых связей были, как известно, заграничные государственные займы. К ним царское правительство впервые прибегло в конце 60-х годов XVIII в. С тех пор оно стало постоянно обращаться к заграничному денежному рынку в поисках средств для покрытия бюджетного дефицита.

Следует отметить, что лишь на начальной стадии развития государственного кредита практиковались займы, целиком размещавшиеся либо за границей, либо внутри страны. Уже в 40-х годах некоторая часть «внешних» займов царского правительства, реализация которых осуществлялась при посредничестве петербургского банкирского дома Штиглица, оказалась размещена в России. В дальнейшем перемещение за границу облигаций российских «внутренних» займов и возвращение в Россию ценных бумаг, первоначально реализованных на иностранных денежных рынках, стало обычным явлением. В результате деление займов на «внешние» и «внутренние», сохранившееся в российской финансовой отчетности до конца XIX в., перестало отражать действительное их размещение. Вот почему в литературе применительно ко второй половине XIX—началу XX в. под «иностранными займами» подразумевается обычно не особая категория займов, а фактически размещенная за границей часть государственного долга России. Особый характер имели военные займы 1914—1917 гг., осуществлявшиеся путем получения царским, а затем Временным правительством за границей краткосрочных кредитов, обеспеченных краткосрочными обязательствами государственного казначейства России.

В XIX—начале XX в. на иностранных денежных рынках, кроме облигаций государственных займов, размещались обязательства Дворянского и Крестьянского банков — государственных учреждений ипотечного кредита, облигации гарантированных правительством займов железнодорожных обществ, облигации займов городов, акции и облигации различных акционерных обществ. В официальных публикациях Министерства финансов и сохранившейся в архивах его документации содержатся лишь отрывочные сведения по вопросу о том, какая часть этих бумаг находилась за границей¹⁹. Поэтому рассмотрение динамики и структуры иностранных инвестиций в российские ценности возможно только на основе расчетов²⁰.

О формах иностранных инвестиций дает представление табл. 7. Как видим, преобладали государственные займы. Вместе с тем в условиях промышленных подъемов заметно возрастала роль инвестиций в акцио-

¹⁹ См.: Министерство финансов, 1904—1913. СПб., 1913. Диаграммы XIV—XV; Русский денежный рынок 1908—1912. СПб., 1913. Диаграммы 22 и 23.

²⁰ См.: Бовыкин В. И. К вопросу о роли иностранного капитала в России // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1964. № 1. С. 55—83; Он же. Формирование финансового капитала в России. С. 157—179. Следует иметь в виду сугубо ориентировочный характер такого рода подсчетов.

нерные предприятия. Иностранные вложения в неакционерные торгово-промышленные предприятия составляли, по ориентировочным исчислениям А. Л. Вайнштейна, в 1908 г. 173 млн и в 1914 г. 220 млн руб.²¹

К концу XIX в. усилился приток иностранного капитала в российскую промышленность. Он направлялся преимущественно в новые ее отрасли и районы. Особенно значительным оказался его удельный вес в горном деле, металлургии и металлообработке (до $\frac{3}{5}$ всей суммы капиталовложений). Однако это не привело к образованию иностранных анклавов в российской промышленности. Как показали новейшие исследования, приток иностранного капитала в российскую промышленность сопровождался процессом сращивания его с отечественным капиталом²². Этот процесс происходил при активном участии российских банков, которые стали играть роль посредников иностранных финансовых групп при учреждении последними промышленных предприятий в России²³. В 90-е годы эти группы, стремясь не выпускать руководство финансируемых предприятиями из своих рук, предпочитали действовать через учрежденные за границей акционерные компании. Однако после кризиса 1900—1903 гг., нанесшего весьма чувствительный урон действовавшим в России иностранным обществам, большая часть иностранных вложений в акционерные предприятия стала направляться в российские общества (см. табл. 7). Ведущая роль в финансировании развития промышленности в России перешла в предвоенные годы к отечественным банкам²⁴.

Как уже отмечалось выше, необходимость притока иностранного капитала в Россию обуславливалась в значительной мере тем, что большая часть внутренних накоплений при помощи системы государственного кредита отвлекалась от производительного использования в народном хозяйстве на поддержание существующего строя. Но иностранный капитал лишь частично восполнял искусственно создававшийся отлив внутренних накоплений из сферы народного хозяйства России. Обеспечивая возможность развития капитализма при существовании самодержавно-помещичьего строя, заграничные инвестиции косвенно способст-

²¹ Вайнштейн А. Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России. М., 1960. С. 443.

²² См.: Фурсенко А. А. Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы — 1918 г. М.; Л., 1965; *McKay J. P. Pioneers for Profit*. Chicago; L., 1970; Дякин В. С. Германские капиталы в России. Л., 1971. *Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887—1914*. P., 1973.

²³ См.: Соловьев Ю. Б. Петербургский Международный банк и французский финансовый капитал в годы первого промышленного подъема в России // Монополии и иностранный капитал в России. М.; Л., 1962; Он же. Петербургский Международный банк и французский финансовый капитал накануне кризиса 1900—1903 гг. // Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX—начала XX в. М.; Л., 1964; Он же. Русские банки и французский капитал в конце XIX в. // Французский ежегодник, 1974. М., 1976; Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России; а также упомянутые выше исследования Дякина В. С. и Жиро Р.

²⁴ См.: Бовыкин В. И. Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны // Ист. зап. 1959. Т. 64. С. 82—135; Шаццлло К. Ф. Формирование финансового капитала в судостроительной промышленности Юга России // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959; Он же. Иностранные капиталы и военно-морские программы России накануне первой мировой войны // Ист. зап. 1961. Т. 69. С. 73—100.

вовали его сохранению. В начале XX в. международный капитал перешел к прямой поддержке царизма, открыто ссудив ему деньги на подавление революции 1905—1907 гг.²⁵ В результате резко возросло значение иностранных государственных займов на «общие нужды», расходовавшихся царским, а затем Временным правительством главным образом на поддержание денежного обращения и ведение империалистических войн. Особенно наглядно проявилась эта роль иностранного капитала в России во время первой мировой войны²⁶.

Представление о том, как распределялись по странам зарубежные вложения в российские ценности, могут дать табл. 14 и 15. Первая из них отражает расчеты специальной комиссии, занимавшейся установлением сумм взаимных претензий России и стран Антанты в связи с Генуэзской конференцией 1922 г.²⁷ Во второй приведены цифры, исчисленные П. В. Олем²⁸.

Более половины всех реализованных за границей до первой мировой войны ценностей оказалось размещено во Франции. Роль французского денежного рынка была особенно велика в реализации государственных фондов²⁹, но он первенствовал и в размещении всех других видов ценных бумаг. На долю Германии приходилось около $\frac{1}{6}$ размещенных за границей российских ценностей. Германский денежный рынок имел важное значение в реализации гарантированных царским правительством займов железнодорожных обществ, а также акций и облигаций акционерных предприятий. Английский капитал, составлявший почти $\frac{1}{8}$ иностранных инвестиций, направлялся в своей значительной части в акционерные предприятия. Следует также отметить роль Голландии в размещении российских государственных фондов и Бельгии — в реализации дивидендных ценностей.

В годы войны главным кредитором царского правительства стала Англия.

Истории отношений России с другими государствами, возникавших на почве размещения за границей займов и развития иностранного предпринимательства в российском народном хозяйстве, посвящено немало исследований. Лучше изучены эти отношения с Францией и Германией, хуже — с Англией.

Несомненно, что каждый из крупнейших европейских фондовых рынков, на которых размещались российские ценности, имел свои особенности. То же следует сказать и об инвестируемых в народное хозяйство России иностранных капиталах. Они отличались как по своим организационным формам, так и по сферам приложения. Немецкие предпринима-

²⁵ См.: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, 1897—1914. Л., 1970.

²⁶ См.: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960.

²⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. С. 302—303, 304. Есть и другие расчеты. Их анализ дан: *Сидоров А. Л.* Указ. соч. С. 514—525.

²⁸ *Оль П. В.* Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. М., 1925. С. 15 (данные за 1890, 1900 и 1915 гг.); Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 303 (данные за 1917 г.).

²⁹ По некоторым подсчетам, на долю французского денежного рынка приходилось 70—80 % размещенных за границей государственных фондов.

Таблица 14. Распределение по странам-кредиторам иностранной задолженности России к 1914 г. и за 1914—1917 гг.

Страны	Участие отдельных стран в иностранных капита- ловложениях в российские государственные и гарантированные займы до первой мировой войны				Распределение между странами суммы воен- ных кредитов царскому и временному прави- тельствам	
	Государственные займы		Гарантированные ж.-д. займы			
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Франция	3000	65	600	40	1340	19
Германия	400	9	525	35	—	—
Англия	250	5	250	17	5100	71
Голландия	450	10	125	8	—	—
США	—	—	—	—	467	6
Япония	—	—	—	—	233	3
Другие	500	11	—	—	83	1
Итого	4600	100	1500	100	7223	100

Таблица 15. Участие отдельных стран в иностранных капиталовложениях в акции и облигации действовавших в России акционерных обществ

Страны	1890 г.		1900 г.		1915 г.		1917 г.	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Франция	66,6	31	226,1	25	687,9	31	648,2	32
Англия	35,3	16	136,8	15	535,4	24	501,6	25
Германия	79,0	37	219,3	24	436,1	20	318,2	16
Бельгия	24,6	12	296,5	32	318,7	15	314,7	16
США	2,3	1	8,0	1	114,0	5	117,7	6
Другие	6,9	3	24,3	3	113,8	5	112,3	5
Всего	214,7	100	911,0	100	2205,9	100	2012,7	100

тели предпочитали создавать в России филиалы действовавших в Германии крупных фирм. Излюбленными сферами их деятельности были электротехника, химические производства, горно-металлургическая и металлообрабатывающая промышленность Царства Польского, торговля. Французские капиталы направлялись в Россию главным образом через банки. Они действовали преимущественно в горно-металлургической промышленности Донбасса, металлообработке и машиностроении, добыче и переработке нефти. Английские капиталисты при создании предприятий в России пользовались привычной им многоступенчатой системой holding company. Их основными сферами являлись нефтяная промышленность, добыча и выплавка цветных металлов.

Вместе с тем вследствие происходившего в конце XIX—начале XX в. международного переплетения капитала финансовые группы, осуществлявшие посредничество в размещении на европейских фондовых рынках российских займов и занимавшиеся прямыми иностранными инвестициями в народное хозяйство России, стали носить, как правило, многонациональный характер³⁰.

³⁰ См. упомянутые выше работы Б. В. Ананьича, В. С. Дякина, А. А. Фурсенко и др.

Вопрос об экспорте российского капитала за границу освещен в литературе лишь применительно к странам Востока, где он проявился достаточно наглядно в конце XIX—начале XX в.³¹ Общая его сумма в эти страны на 1 января 1914 г., по подсчетам А. Л. Вайнштейна, составляла 749 млн руб.³² Масштабы и формы экспорта российского капитала в европейские страны пока совершенно не изучены. В своем расчете баланса международных имущественных связей России к 1914 г. А. Л. Вайнштейн учел лишь задолженность по займам греческого и болгарского правительств (48,2 млн руб.)³³. Между тем, как свидетельствуют архивные документы, российские банки в качестве партнеров западноевропейских кредитных учреждений участвовали во многих займах, предоставлявшихся международными банковскими консорциумами различным иностранным государствам, городам и железнодорожным компаниям. Вряд ли их участие в этих займах было велико, но оно, видимо, возрастало, о чем косвенно свидетельствует увеличение суммы иностранных государственных займов, котирующихся на российских биржах, за десятилетие 1904—1914 гг. с 96 млн руб. до 124 млн руб.³⁴

Крупнейшие российские банки и торгово-промышленные фирмы имели за границей свои отделения, а иногда и дочерние предприятия. Товарищество братьев Нобель еще в 1883 г. учредило в Берлине дочернее общество *Deutsch-Russische Naphta Import Gesellschaft*, капитал которого был доведен в 1903 г. до 6,5 млн марок. В 1895 г. оно основало дочернее общество и в Вене — *Oesterreichische Naphta Import Gesellschaft*. Товарищество братьев Нобель участвовало также в ряде других зарубежных компаний. Еще одна крупная российская нефтяная фирма — Товарищество «Г. М. Лианозова сыновья» — имела дочерние предприятия в Англии (*British Lianosoff White Oil Company*) и во Франции (*La Lianosoff Française*)³⁵. Это далеко не единичные случаи.

В предвоенные годы к российским банкам перешел контроль над некоторыми иностранными компаниями, контролирующими российские предприятия, например над *Lena Goldfields*. Вместе с тем российские банки стали прибегать к учреждению за границей, главным образом в Англии, *holding company* для контроля над создаваемыми ими в России монополистическими объединениями, основанными на «системе участия» (*Russian General Oil Corporation*, *Russian Tobacco Company* и др.).

В заграничных отделениях российских банков и в иностранных кредитных учреждениях, главным образом во Франции и в Англии, были

³¹ См.: Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928; Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956; Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895—1914 гг. Л., 1975.

³² Вайнштейн А. Л. Указ. соч. С. 428—433.

³³ Там же. С. 434.

³⁴ Министерство финансов, 1904—1913. СПб., 1913.

³⁵ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914. М.; Л., 1961. С. 662, 728. О заграничных интересах Товарищества братьев Нобель и его главы Э. Л. Нобеля см.: Дьяконова И. А. Нобелевская корпорация в России. М., 1980.

также размещены валютные запасы царского правительства, сумма которых на 1 января 1914 г. составила почти 600 млн руб.³⁶

Не колебля общих представлений о характере финансовых связей России с западноевропейскими странами, упомянутые факты свидетельствуют о том, что эти связи становились все более сложными и многообразными, что в их развитии возрастала роль российского финансового капитала.

* *

Важной чертой, характеризующей место России в мировой капиталистической системе, являлось относительно автономное ее положение в международной системе разделения труда. Разумеется, капиталистическое развитие России сопровождалось ее интеграцией в мировое хозяйство. Однако этот процесс носил противоречивый характер и не привел к таким необратимым изменениям, которые делали бы невозможным самостоятельный экономический рост страны. К тому же в годы первой мировой войны вследствие разрыва многих сложившихся к тому времени коммерческих и финансовых связей хозяйственная жизнь страны стала более независимой. Громадный рост государственного долга означал, в сущности, усиление зависимости политической надстройки, а не народного хозяйства страны. Обращая на это внимание, В. И. Ленин писал в сентябре 1917 г.: «... „финансовая поддержка союзников“, обогащая банкиров, „поддерживает“ русских рабочих и крестьян только так, как веревка поддерживает повешенного. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа, и только избавление от грабящих народ помещиков и капиталистов необходимо для правильного распределения этих продуктов»³⁷.

Глава седьмая

ВЛИЯНИЕ «МОГУЧЕГО УСКОРИТЕЛЯ»

1

Первая мировая война, явившаяся одним из важнейших переломных моментов в истории человечества, сыграла важную роль в завершении созревания объективных предпосылок социалистической революции в России. Она послужила прологом к Великому Октябрю, преддверием новой эпохи мировой истории. Естествен поэтому особый интерес исследователей к истории первой мировой войны. Литература о ней огромна. Значительное место занимают в ней интересующие нас проблемы.

Осмысление влияния войны на процессы назревания революции в России началось с ее первых дней. Годы войны стали завершающим этапом складывания ленинского учения о социально-экономических

³⁶ Буковецкий А. И. «Свободная наличность» и золотой запас царского правительства в конце XIX—начале XX в. // Монополии и иностранный капитал в России. М.: Л., 1962.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 233.

предпосылок социалистической революции в России. Работы В. И. Ленина военных лет «Война и российская социал-демократия», «Крах II Интернационала», «Социализм и война», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и др., дополненные результатами его последующего ретроспективного анализа проблем истории войны и ее роли в подготовке Великого Октября, образовали тот фундамент, на котором строилась советская историография.

В изучение влияния войны на экономику России особенно весомый вклад внес А. Л. Сидоров. Обратившись к разработке этого вопроса еще в 20-е годы ¹, он занимался ею на протяжении всей своей жизни. Результаты его работы нашли выражение в двух фундаментальных монографиях ² и в многочисленных статьях. Они осветили пути и особенности военно-экономической мобилизации страны, механизм возникновения и обострения общего народнохозяйственного кризиса. Под руководством А. Л. Сидорова была также осуществлена документальная публикация в 2 томах «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции» (М.; Л., 1957).

Большое число исследований посвящено отдельным процессам назревания кризиса народного хозяйства России в годы первой мировой войны. В этом направлении работали, в частности, И. В. Маевский и А. П. Погребинский, рассмотревшие противоречивые процессы развития российской промышленности в условиях войны ³. Воздействие войны на сельское хозяйство и его состояние к 1917 г. были изучены А. М. Анфимовым, А. П. Погребинским, Н. В. Симоновым и др. ⁴ В последнее время разработкой этой проблемы занимались И. Д. Ковальченко, Н. Б. Селунская и Б. М. Литваков ⁵, а также Т. М. Китанина ⁶. Положение народного хозяйства и рост разрухи в России после Февральской революции были освещены П. В. Волобуевым и П. Н. Першиным ⁷.

Если благодаря проделанной работе картина назревания кризиса российского народного хозяйства к Октябрю 1917 г. представляется

¹ Сидоров А. Л. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции: В 2 т. М.; Л., 1927. Т. 1.

² Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960; Он же. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

³ Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957; Погребинский А. П. Военно-промышленные комитеты // Ист. зап. 1944. Т. 11. С. 160—200; Он же. К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // Ист. зап. 1944. Т. 12. С. 39—60.

⁴ Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.). М., 1962; Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны // Ист. зап. 1949. Т. 31. С. 37—60; Симонов Н. В. Сельское хозяйство России в годы первой мировой войны // Вопр. истории. 1955. № 3. С. 60—70.

⁵ Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.

⁶ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция: (Продовольственный вопрос в России. 1914—октябрь 1917 г.). М., 1985.

⁷ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. М., 1966.

в целом достаточно ясной, то этого нельзя сказать относительно процессов созревания материальных предпосылок социалистических преобразований в России. Есть определенные основания полагать, что период войны являлся особым и притом чрезвычайно важным этапом в процессах усиления обобществления производства и развития монополистического капитализма в России. В нашем распоряжении пока еще нет таких работ, в которых эти процессы рассматривались бы в целом. Но некоторые из них в той или иной степени изучены. В частности, исследования И. Ф. Гиндина и Л. Е. Шепелева осветили основные направления развития банков и финансового капитала в годы войны⁸, а работы С. С. Алиярова и Т. М. Китаниной показали основные процессы развития промышленных монополий⁹.

Наибольшие результаты достигнуты в исследовании процессов формирования системы государственно-монополистического капитализма в России. Перипетии изучения этой проблемы в советской историографии 20—50-х годов подробно освещены в уже упоминавшемся исследовании К. Н. Тарновского «Советская историография российского империализма» (М., 1964). Следует лишь отметить, что до начала 50-х годов она почти не изучалась, так как в 20-е годы утвердилось мнение о невозможности сращивания государственного аппарата царизма с монополистическим капиталом, как социально неоднородных явлений. Но в 50-е годы проблема государственно-монополистического капитализма в России привлекла к себе пристальное внимание историков и экономистов. Из исследований тех лет особое значение имели монографии К. Н. Тарновского «Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности)» (М., 1958) и А. П. Погребинского «Государственно-монополистический капитализм в России. Очерк истории» (М., 1959). В последующие годы много сделал в этом направлении В. Я. Лаверычев, опубликовавший цикл исследований, посвященных как общим проблемам государственно-монополистического капитализма в России, так и вопросам государственного регулирования отдельных отраслей промышленного производства¹⁰.

⁸ Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е. Банковские монополии в России накануне Великого Октября // Ист. зап. 1960. Т. 66. С. 20—95; Шепелев Л. Е. Акционерные коммерческие банки в годы первой мировой войны // Ист. зап. 1963. Т. 73. С. 156—193.

⁹ Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России, 1914—1917 г. Л., 1969; Алияров С. С. Нефтяные монополии в Азербайджане в период первой мировой войны. Баку, 1974.

¹⁰ Лаверычев В. Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.) // Вестн. МГУ. Ист.-фил. сер. 1956. № 1. С. 141—180; К истории государственного регулирования текстильной промышленности России в годы первой мировой войны // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. 1958. № 2. С. 69—80; Государственное регулирование экономики России // Вопр. истории. 1963. № 4. С. 48—62; Из истории государственного регулирования военной экономики России в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.) // Первая мировая война: 1914—1918. М., 1968. С. 211—226; Ленин о роли государственно-монополистического капитализма в подготовке социалистических преобразований в России // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1969. № 2. С. 3—12; Крупная буржуазия и продовольственный вопрос в 1917 г. //

Роль первой мировой войны в процессе созревания социально-экономических предпосылок социалистической революции тесно связана с причинами, обусловившими эту войну. Историки-марксисты в соответствии с ленинской теорией империализма рассматривают первую мировую войну как закономерный результат тех превращений, которые претерпел капитализм на рубеже XIX—XX вв. Вступление капитализма в монополистическую стадию нашло свое выражение в обострении международных противоречий. С завершением к началу XX в. территориального раздела мира на смену колониальной политике свободного захвата никем еще не занятых областей пришла колониальная политика монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца. Капитализм превратился во всеохватывающую мировую систему. Но вследствие неравномерности развития крупнейших капиталистических держав равновесие сил внутри этой системы не могло сохраняться длительное время. Его неизбежное нарушение должно было привести и привело к переделу уже поделенного мира, т. е. к мировой войне. Порожденная капитализмом война до крайности обострила все его противоречия. Она знаменовала вступление капиталистической системы в полосу глубоких социальных потрясений.

Степень и конкретные проявления воздействия войны на экономику разных стран были неодинаковы, тем не менее совершенно очевидны некоторые общие закономерности этого воздействия. Первая мировая война вызвала дезорганизацию экономики воюющих государств. Она нарушила сложившиеся пропорции и функциональные связи в хозяйственном организме и привела к резкому изменению условий капиталистического воспроизводства.

Вследствие мобилизации значительной части трудоспособного мужского населения все без исключения воюющие государства столкнулись с проблемой рабочей силы. Поставленные войной задачи комплектования массовой армии и всемерного развертывания военного производства находились в явном противоречии. И чем дольше продолжалась война, тем острее становилось это противоречие. Особенно сильно ощущался недостаток квалифицированных рабочих. Отсюда снижение качественного состава рабочей силы, явившееся одной из важнейших причин падения производительности труда. Но понижение производительности труда неизбежно обуславливало повышение спроса на рабочую силу.

Все воюющие государства с первых же дней войны оказались вынуждены решать проблему транспорта, так как возрастающий объем перевозок войск и военных грузов затруднил производственные и коммерческие связи, поставив под угрозу нормальное функционирование исторически сложившейся общественной системы разделения труда.

Был нанесен удар и по мировым экономическим связям. Он разорвал многочисленные нити международного обмена, финансирования,

Ист. зап. 1977. Т. 99. С. 312—321; В. И. Ленин об историческом значении государственно-монополистического капитализма // История СССР. 1978. № 1. С. 43—55; Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России (1914—февраль 1917 г.) // Ист. зап. 1978. Т. 101. С. 100—159.

снабжения сырьем и продовольствием. Мировое хозяйство, превратившееся на империалистической стадии развития капитализма в единый хозяйственный организм, в этих условиях распалось на ряд более или менее изолированных один от другого районов. Разрыв или дезорганизация традиционных внешнеторговых отношений поставили сложные проблемы перед экономикой воюющих государств. Несомненно, что это влияние имело некоторые общие черты. Во всех европейских воюющих странах кардинально изменилось соотношение между импортом и экспортом во внешнеторговом обороте: удельный вес импорта резко возрос, а экспорта, наоборот, понизился. Вместе с тем последствия расстройства внешней торговли имели свою специфику в каждой из воюющих стран. В Англии, где наиболее уязвимым местом народного хозяйства была его зависимость от ввоза продуктов питания, с началом войны возникли серьезные продовольственные затруднения. Но они были результатом не столько разрыва, сколько дезорганизации внешнеторговых связей. По мере возобновления последних положение с ввозом продовольствия и сырья улучшилось. Иная картина наблюдалась в Германии, 80 % импорта и 67 % экспорта которой до войны приходилось на долю стран Антанты. К тому же морская блокада крайне затруднила ее торговлю с заокеанскими нейтральными странами. Чтобы компенсировать падение ввоза сырья, Германии пришлось заново создать целые отрасли промышленного производства: по получению азотной кислоты из азота воздуха, добыче и переработке алюминия и т. д.

Война внесла полное расстройство в сложную систему международных расчетов. Механически были прекращены всякие расчеты с враждебными государствами. Оказались отсрочены и расчеты между союзниками, а также с нейтральными странами. Война вызвала серьезные потрясения и во внутреннем финансовом хозяйстве воюющих стран. Были закрыты фондовые биржи. Большинство воюющих государств объявило вексельный мораторий. Коммерческий кредит оказался нарушен. Везде был прекращен обмен кредитных билетов на золото. Одновременно центральные эмиссионные банки выпустили в обращение большое количество кредитных билетов для покрытия чрезвычайных расходов, связанных с мобилизацией. Однако в начале войны эта мера нигде не вызвала сколько-нибудь серьезного расстройства денежного обращения.

Таким странам, как Франция, Австро-Венгрия, Россия, пришлось испытать, кроме того, воздействие такого фактора, как потеря в начале войны территорий, имевших большое народнохозяйственное значение.

Таковы те условия, в которых происходил переход народного хозяйства воюющих стран на военные рельсы. Воздействие этих условий на первом этапе войны привело во всех воюющих странах к общему расстройству экономической жизни, резкому сокращению промышленного производства, закрытию многих коммерческих предприятий.

Расчеты на молниеносный исход войны не оправдались. Между тем накопленные в мирное время запасы оружия и боеприпасов, за счет которых генеральные штабы надеялись вести военные действия, оказались израсходованными в течение первых двух-трех месяцев войны. Уже в сентябре 1914 г. воюющие стороны стали испытывать кризис боевого снабжения. Но война поглощала не только вооружение и боепри-

пасы. Армии необходимо было одеть, обуть и прокормить. Война предъявила громадный спрос на различное снаряжение, продовольствие, фураж. Выдвинутая войной потребность подчинения экономики воюющих стран задачам обеспечения нужд фронта должна была неизбежно прийти в противоречие с анархией капиталистического производства.

Осенью 1914 г. во всех воюющих государствах встал вопрос о необходимости привлечения гражданской промышленности к работе на войну. После нескольких месяцев падения производства и депрессии во всех воюющих странах наступил период лихорадочного оживления. Но это оживление охватило далеко не все отрасли производства. Наряду с бурным ростом производства вооружения и различных предметов снабжения армии свертывались производства, не имевшие прямого отношения к военным потребностям. В результате резко усилились диспропорции в народном хозяйстве в целом. Гипертрофированное развитие отраслей промышленности и отдельных предприятий, работавших на войну, неизбежно должно было прийти в противоречие со все усиливающимся процессом общего истощения народнохозяйственного организма воюющих стран. Во всех из них, несмотря на различие экономических и социальных условий, рост военного производства рано или поздно встретил на своем пути три важнейших препятствия: 1) недостаток сырья, топлива и оборудования; 2) недостаток рабочей силы и 3) недостаток продовольствия. Стремление преодолеть их везде приводило к прямому государственному вмешательству в хозяйственную жизнь, к попыткам государственного регулирования процесса общественного производства и распределения. Это вмешательство обычно начиналось с попыток осуществления внерыночного распределения сырья, топлива, оборудования, средств транспорта, рабочей силы, продовольствия. В условиях возрастающего превышения спроса над предложением государство брало на себя решение вопроса о первоочередности его удовлетворения. Оно начало осуществлять закупки за границей дефицитных материалов и оборудования для нуждающихся в них частных предприятий, занятых производством вооружения, распределять между ними сырье и топливо, регулировать движение рабочей силы, нормировать потребление продовольствия. Таким образом, в интересах ведения войны капиталистическое государство было вынуждено вступить в борьбу со стихийными закономерностями капитализма и взять на себя организацию частнокапиталистической экономики.¹¹

Еще в годы войны зародились различные теории, рассматривавшие государственное регулирование экономики воюющих стран как проявление коренного изменения природы капиталистического строя, превращение его в «организованный капитализм», «военный социализм» и т. п. Тогда же эти теории были подвергнуты критике В. И. Лениным, давшим марксистское истолкование сущности прямого государственного вмешательства в экономическую жизнь, наблюдавшегося в условиях войны. Отмечая, что «в силу давления обстоятельств» в ряде стран вводится «общественное регулирование производства и распределения», Ленин

¹¹ Подробнее см.: Сидоров А. Л., Бовыкин В. И., Волобуев П. В. Экономические и социальные проблемы первой мировой войны // Первая мировая война: 1914—1918. М., 1968. С. 179—191.

писал в мае 1917 г.: «При сохранении частной собственности на средства производства все эти шаги к большей монополизации и большему огосударствлению производства неизбежно сопровождаются усилением эксплуатации трудящихся масс, усилением гнета, затруднением отпора эксплуататорам, усилением реакции и военного деспотизма и вместе с тем неизбежно ведут к неимоверному росту прибыли крупных капиталистов за счет всех остальных слоев населения, к закабалению трудящихся масс на много десятилетий данью капиталистам в виде уплаты миллиардных процентов по займам»¹². Наблюдавшееся в годы войны огосударствление капиталистического производства Ленин рассматривал как результат «соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм»¹³, как проявление сращивания государственного аппарата и монополий. Он писал: «... то, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют „военным социализмом“, на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибыли капиталистов»¹⁴.

Ленин раскрыл диалектически противоречивый характер государственно-монополистического капитализма. Призванный укрепить капиталистический строй в условиях крайнего обострения присущих ему противоречий, государственно-монополистический капитализм, доводя обобществление производства до высшего возможного при капитализме предела, тем самым создает материальные предпосылки для осуществления социалистических преобразований при переходе политической власти в руки рабочего класса¹⁵.

Государственно-монополистическое регулирование имело своей целью выжать максимум средств для ведения войны путем крайнего перенапряжения всей экономики, резкого усиления эксплуатации трудящихся и наступления на жизненный уровень широких народных масс. В результате осуществления противоборствующими государствами мобилизации промышленности почти $\frac{2}{3}$ ее продукции шло на удовлетворение военных потребностей. Отрасли промышленности, производившие до войны средства производства, теперь почти полностью переключились на изготовление средств разрушения. Отрасли промышленности, производившие предметы потребления, или резко сократили свое производство, или перешли на изготовление предметов военного снабжения. Все возрастающая часть продукции сельского хозяйства шла на удовлетворение нужд армии. Таким образом, народное хозяйство воюющих стран все более подчинялось задачам осуществлявшегося в невиданных еще масштабах разрушения производительных сил. Поскольку рост военного производства происходил за счет производства средств производства, необходимых для обновления основного капитала промышленности, сельского хозяйства и транспорта, а также предметов потребления, необходимых для воспроизводства рабочей силы, постольку он рано или

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 449—450.

¹³ Там же. Т. 32. С. 83.

¹⁴ Там же. Т. 34. С. 191.

¹⁵ Там же. С. 193.

поздно должен был привести к нарушению процесса общественного воспроизводства. Быстро растущая в условиях войны диспропорция между военным и гражданским производством таила в себе опасность полного экономического краха системы капиталистического хозяйства.

Важнейшими признаками приближения этого краха были прогрессирующая деградация сельского хозяйства и продовольственный кризис, инфляция и рост дороговизны, расстройство транспорта, крайнее истощение народных масс. Назревание разрухи и доведенное до предела ухудшение положения трудящихся вызвали резкое обострение социальных противоречий. 1915—1918 гг. характеризуются нарастанием революционного брожения народных масс, активизацией национально-освободительной борьбы зависимых народов, усилением грызни в правящих верхах воюющих держав. Волна народных революций, прокатившаяся по Европе в 1917—1919 гг., была закономерным результатом вызванного войной обострения всех противоречий капитализма. Не выдержав потрясений, им самим порожденных, капитализм стал давать первые трещины. Первый и наиболее мощный революционный взрыв произошел в России.

Общие закономерности воздействия войны на экономику воюющих стран проявились и в России. Мобилизация квалифицированных рабочих, так же как и в других странах, вызвала падение производительности труда и проблему рабочей силы. Однако вследствие наличия в России довольно значительного аграрного перенаселения эта проблема не была острой. Гораздо большее значение имела для России проблема транспорта. Хотя общий объем работы железных дорог империи на первые два года войны возрос, объем коммерческих перевозок неуклонно уменьшался. В результате уже на первом году войны, несмотря на прекрасный урожай, страна стала испытывать продовольственные трудности. Другим результатом сокращения коммерческих перевозок был все увеличивавшийся отрыв металлообрабатывающей промышленности, расположенной преимущественно на Севере и в центре Европейской части России, от ее сырьевой базы — Южного промышленного района. Таким образом, война и в России нарушила сложившуюся систему разделения труда, связи между городом и деревней, между отдельными отраслями народного хозяйства и экономическими районами.

Россия до войны была меньше, чем Англия или Германия, связана с внешним рынком. Тем не менее разрыв внешнеторговых связей оказал существенное воздействие и на ее экономику. С первых же дней войны прекратился ввоз в Россию английского угля. Между тем на нем работала почти вся промышленность Северо-Западного района — главного центра машиностроения и металлообработки. Необходимость подвоза донецкого угля в этот район увеличивала нагрузку железнодорожного транспорта, и без того не справлявшегося с коммерческими перевозками. Прекращение импорта фабрично-заводского оборудования затрудняло военную перестройку промышленности. Большие трудности стала испытывать промышленность России из-за недостатка цветных металлов, значительная часть которых до войны также ввозилась из-за границы. Недостаток импортного сырья для производства взрывчатых веществ вызвал необходимость создания собственной коксобензольной промышленности. Наконец, сокращение ввоза хлопка потребовало развития его произ-

водства в Средней Азии. До войны Россия была крупнейшим экспортером хлеба. Прекращение его вывоза, казалось бы, должно было предотвратить возможность продовольственных затруднений. Но оно лишило царское правительство важнейшего источника получения платежных средств для закупок за границей и потому способствовало увеличению государственного внешнего долга.

Переход промышленности на военные рельсы так же, как и в других странах, привел в России к сокращению промышленного производства на мирные нужды и закрытию многих предприятий.

Хотя общие тенденции воздействия войны на капиталистическое производство в России были те же, что и в странах Западной Европы, кризисные явления, вызванные войной, проявились в экономике России больше, чем в других странах Антанты. Они были результатом не только перенапряжения народнохозяйственного организма в ходе военного столкновения с более развитым экономически противником. Их главная причина обуславливалась противоречиями социальной структуры страны, тем, что функционирование капитализма происходило в России в условиях сохранения полуфеодальной политической власти и значительных крепостнических пережитков в экономическом базисе.

Вследствие особенностей социально-экономической и политической структуры России ее экономика в меньшей степени, чем в передовых капиталистических странах, оказалась способной выдержать перегрузки, связанные с войной. Царское и Временное правительства не смогли организовать более или менее действенное государственное регулирование экономики и тем самым смягчить назревавшую разруху. Это снизило сопротивляемость хозяйственного организма ударам войны и обострило кризисную ситуацию. Капитализм в России оказался, таким образом, дискредитированным как экономическая система.

Диалектическая противоречивость процесса созревания социально-экономических предпосылок социалистической революции в России проявилась в том, что наряду с назреванием кризиса экономической системы капитализма, усилением разрухи народного хозяйства страны происходило дальнейшее увеличение обобществления производства, которое создавало условия для проведения социалистических преобразований. Это нашло свое выражение прежде всего в формировании могущественных банковских групп, благодаря которым резко возросла роль банков как центров управления народным хозяйством страны. Вместе с тем именно в годы войны, как показали исследования В. Я. Лаврычева, К. Н. Тарновского и других, в России стала складываться система органов государственно-монополистического регулирования экономической жизни. Она оказалась не способна ни предотвратить разруху, ни решить проблему выхода народного хозяйства из вызванного войной глубочайшего кризиса. Однако важнейшие звенья этой системы, которые были созданы в годы войны для регулирования промышленного производства, транспорта, снабжения, представляли собой, так же как и банки, готовый сложившийся аппарат, который был использован пролетарским государством для руководства народным хозяйством страны в условиях перехода к социализму¹⁶.

¹⁶ См.: *Лаврычев В. Я. К вопросу о материальных предпосылках Великого Октября // История СССР. 1987. № 2. С. 80—95.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Волею исторических судеб Россия начала XX в., олицетворявшая собой основные тенденции развития тогдашнего мира и его диспропорции, стала средоточием экономических, социальных и политических противоречий, свойственных мировой капиталистической системе. То были прежде всего противоречия самого капитализма, вступившего в свою высшую стадию, а также противоречия, порождавшиеся нерешенностью буржуазно-демократических задач. Сплетение их в единый узел, имевшее результатом превращение России в слабое звено мирового капитализма, создало условия для назревания здесь социалистической революции.

Эти объективные общественные процессы, будучи осознаны гением В. И. Ленина и коллективным разумом созданной им Российской социал-демократической рабочей партии, определили задачи ее преобразующей деятельности, результатом которой стала победа Великого Октября. Выработанная в ходе этой деятельности ленинская теория социалистической революции, представляющая собой синтез теоретического анализа объективных процессов и практического опыта революционной борьбы партии, дала ключ к пониманию важнейших проблем социально-экономического развития России конца XIX—начала XX в.

Первые попытки создания на ее основе картины складывания объективных предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции были предприняты еще в 20-е годы, когда молодая советская историческая наука делала свои первые шаги. В то время широкое хождение в литературе имели буржуазные и мелкобуржуазные концепции, а также некоторые квази-марксистские историко-социологические теории, среди которых особое распространение получил троцкизм. Характерно, что, активизировав в 1922—1924 гг. свои атаки на ленинизм, Л. Д. Троцкий начал их с публикации сборника «1905», открывавшегося статьей «Об особенностях исторического развития России». Как объяснял сам автор, она имела целью «исторически обосновать и теоретически оправдать»¹ его теорию перманентной революции, фактически отрицавшую возможность осуществления социалистических преобразований в России, если борьба российского пролетариата не соединится с мировой пролетарской революцией. Гиперболизируя роль царского правительства и иностранного капитала в развитии российской промышленности и даже рассматривая Россию в качестве колонии западноевропейского капитала, Троцкий не видел в ней необходимых объективных предпосылок для социалистической революции.

Как известно, в дискуссиях, развернувшихся в партии в середине 20-х годов, капитулянтская линия Троцкого была отвергнута. Победил ленинский курс на построение социализма в СССР. Не удалось Троцкому навязать партии и свое толкование истории Октября. Главное внимание при этом, естественно, привлекли политические вопросы. Процессы социально-экономического развития предреволюционной России затрагивались в дискуссиях в меньшей степени. К тому же при их освещении

¹ См.: Правда, 1 июля 1922 г.

позиция И. В. Сталина, возглавлявшего борьбу руководящего ядра партии против троцкизма, сближалась с трактовкой Л. Д. Троцкого. Как показал в своем историографическом исследовании К. Н. Тарновский, в отличие от Ленина «при объяснении условий победы пролетарской революции в нашей стране, вместо анализа внутренних закономерностей развития, на первый план у Сталина выступают чрезвычайные факторы или обстоятельства внешнего характера»². В числе последних особое значение Сталин придавал зависимости России от иностранного капитала. Разъясняя в 1924 г. в своих лекциях «Об основах ленинизма», почему именно Россия стала узловым пунктом всех противоречий империализма, он писал: «Царская Россия была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат. . . Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе. . . Вот почему интересы царизма и западного империализма сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма». Из этого следовал вывод: «Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую»³.

Год спустя, говоря о неприемлемости для СССР пути кабальных концессий и займов, Сталин отметил, что царская Россия, встав на такой путь, «влезла тем самым в ярмо полуколониального существования»⁴.

Критический анализ исследований буржуазных историков и экономистов, борьба с рецидивами неонародничества и меньшевизма, защита ленинизма от троцкизма по проблемам социально-экономического развития России конца XIX—начала XX в. стали важной функцией складывавшейся в нашей стране в 20-е годы марксистской историко-экономической науки. В противоборстве с чуждыми марксизму-ленинизму идейными течениями, в острых дискуссиях между собой молодые советские историки и экономисты овладевали наследием К. Маркса и Ф. Энгельса, усваивали выработанную В. И. Лениным концепцию капиталистической эволюции России и его теорию империализма, как высшей стадии капитализма, учились профессиональному мастерству. Многие из опубликованных тогда исследований не выдержали экзамена времени. Их авторам не доставало как методологической, так и методической подготовки. Первое издание сочинений Ленина, завершившееся в 1926 г., создало условия для вооружения советских историков идеями ленинизма. Но эти идеи могли стать подлинным инструментом

² Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М., 1964. С. 61.

³ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 75—76.

⁴ Там же. Т. 7. С. 196.

исторического анализа лишь на основе знания необходимой совокупности фактов минувшей действительности. Между тем у большинства историков-марксистов 20-х годов, взявшихся за изучение процессов социально-экономического развития предреволюционной России, такого знания не было. Стремясь установить, как проявлялись в российском народном хозяйстве открытые Марксом—Энгельсом—Лениным общие закономерности капиталистического развития, они пытались решить эту задачу на ограниченном фактическом материале. Вспоминая об опубликованных во второй половине 20-х годов работах по экономическим проблемам империализма в России, А. Л. Сидоров отмечал: «Авторам этих работ нельзя было отказать в смелости мысли. Однако в них обобщался, главным образом, печатный и статистический материал, а также данные прессы. В очень незначительной мере был изучен архивный материал»⁵. Сведения, оказавшиеся в распоряжении исследователей, далеко не всегда давали достаточные основания для правильных выводов. Тем не менее лучшие работы того времени — И. Ф. Гиндина, Е. Л. Грановского, С. М. Дубровского, А. Л. Сидорова, Г. В. Цыперовича, А. В. Шестакова, Л. Я. Эвентова⁶ и других — при всех их недостатках прокладывали пути к современному пониманию проблемы социально-экономических предпосылок Великого Октября. Важнейшими достижениями этого этапа были, во-первых, опровержение неонароднической теории некапиталистической эволюции крестьянского хозяйства и освещение основных направлений развития капитализма в аграрном строе России конца XIX—начала XX в.⁷, во-вторых, доказательство необоснованности концепции Н. Н. Ванага и других «денационализаторов» о дочернем характере российского монополистического капитализма и усилении зависимости экономики страны от иностранных капиталов⁸.

Исход споров по вопросу о роли иностранных капиталов, развернувшихся среди советских историков и экономистов в конце 20-х годов, получил отражение в письме Ванага, опубликованном весной 1932 г. в журнале «Историк-марксист». Ванаг признал в нем, что, не показав в своей книге ту основу, «на которой вырастали капитализм и финансовый капитал в России», он «дал почву для протаскивания троцкистских идей о колониальном характере царской России, об отсталости вообще

⁵ Сидоров А. Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. 1964. № 3. С. 130.

⁶ См.: Гиндин И. Ф. Банки и промышленность в России. М.; Л., 1927; Грановский Е. Л. Монополистический капитализм в России. Л., 1929; Дубровский С. М. Столыпинская реформа: Капитализация сельского хозяйства в XX веке. М., 1930; Сидоров А. Л. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции: В 2 т. М.; Л., 1927. Т. 1; Цыперович Г. В. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР. Л., 1927; Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы мировой войны и перед октябрём 1917 г. Л., 1927; Эвентов Л. Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.; Л., 1931.

⁷ См.: Тарновский К. Н. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917—начало 1930-х годов) // Ист. зап. 1965. Т. 78. С. 31—62.

⁸ См.: Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. С. 11—52.

и примитивности экономического развития России»⁹.

Однако через два года в «Замечаниях» И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника истории СССР Н. Н. Ванату было указано на то, что в составленном под его руководством конспекте «не учтена зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западноевропейского, ввиду чего значение Октябрьской революции как освободительницы России от ее полукOLONиального положения остается немотивированным»¹⁰. Освященный «Историей гражданской войны в СССР»¹¹ и «Кратким курсом» истории ВКП(б)¹² тезис о полукOLONиальной зависимости России на долгие годы стал общим местом советской исторической литературы.

Этот поворот в трактовке вопроса о роли иностранного капитала в России явился одним из проявлений догматизации истории, происшедшей в условиях утверждения «культ личности» Сталина. Подчинению освещения исторического процесса априорным положениям и надуманным догмам, противоречащим результатам научных исследований, как показывают материалы происходивших в конце 20-х—начале 30-х годов дискуссий по вопросам предреволюционной истории, способствовало состояние самой исторической науки. Проявившаяся в ходе этих дискуссий недостаточная идейно-теоретическая и чисто профессиональная зрелость многих историков, неумение или неспособность их вести аргументированную полемику, нетерпимость к иным взглядам, стремление «оглушить» и «подавить» оппонента даже ценой предъявления ему необоснованных политических обвинений — все это создавало благотворную почву для произвола при решении как научных проблем, так и жизненных судеб ученых.

Догматизация истории, сопровождавшаяся расправами с теми историками, мнения которых оказались несозвучными господствующим взглядам или вновь данным указаниям свыше, выхолащивала смысл научного исследования. Задача его стала сводиться к подбору фактического материала для освещения известных явлений и процессов. Это породило получившие широкое распространение иллюстративные исторические сочинения. Ссылки на авторитеты и цитаты из канонических текстов в них играли роль главных аргументов. Вместе с тем формировался и определенный тип историка-конъюнктурщика, чутко прислушивающегося к изменениям настроений в руководящих сферах, всегда готового взять на вооружение очередное высочайшее указание и забыть то, что он писал раньше, или, если это требовалось, совместить несовместимое.

Двадцатилетие с начала 30-х по начало 50-х годов не богато исследовательскими работами, посвященными вопросам социально-экономического развития предреволюционной России. Освещение предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции в общих истори-

⁹ Историк-марксист. 1932. № 4/5. С. 355—359.

¹⁰ К изучению истории. М., 1938. С. 23.

¹¹ См.: История гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. 1. С. 12.

¹² См.: История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 156.

ческих курсах определялось тогда охарактеризованными выше особенностями рассмотрения этой проблемы И. В. Сталиным, получившими отражение в «Кратком курсе». К. Н. Тарновский справедливо отметил, что «вряд ли случайно в „Кратком курсе истории ВКП(б)“, где разбираются некоторые из основных трудов В. И. Ленина, даже не упомянуты такие его работы, как „Грозящая катастрофа и как с ней бороться“ и „Удержат ли большевики государственную власть?“, в которых с предельной четкостью сформулированы положения о материально-организационных предпосылках проведения социалистических преобразований в области экономики»¹³. Зато там мы видим тезис о полукOLONиальной зависимости России и утверждение о том, что перед 1914 г. важнейшие отрасли ее промышленности «находились в руках иностранного капитала»¹⁴. А среди объективных обстоятельств, обусловивших события 1917 г., оказались упомянуты лишь военные поражения и хозяйственная разруха¹⁵.

Как установил В. С. Лельчук, тезис о полукOLONиальной зависимости России наложил свой отпечаток на освещение уровня развития российского народного хозяйства к 1917 г. и в советской историко-экономической литературе, посвященной проблемам социалистической индустриализации: «Постепенно обычным явлением стало подчеркивание технико-экономической отсталости страны, господства иностранного капитала в ее народном хозяйстве. Фактически даже перестал употребляться термин капиталистическая индустриализация России, а социалистическая индустриализация иногда трактовалась как процесс, начавшийся чуть ли не с нуля»¹⁶.

Однако и в то трудное двадцатилетие процесс исторического познания социально-экономических предпосылок Октябрьской революции и построения социализма в нашей стране, хоть и был он заторможен и деформирован навязанными науке догмами и ломкой жизненных судеб ученых, все же продолжался. Пытаясь осознать и как-то обосновать господствующую схему, исследователи выявляли все больше фактов, которые ей противоречили.

Стремление историков и экономистов уяснить специфику российского империализма, понять смысл сталинских положений о том, что Россия «не была и не могла быть классической страной империализма», но являлась «узловым пунктом» всех империалистических противоречий¹⁷, пробудило уже в конце 30-х годов интерес к изучению монополий в России. Прерванное во время Великой Отечественной войны, оно в конце 40-х—начале 50-х годов приобрело широкий размах и вышло за рамки, определявшиеся тезисом о полукOLONиальной зависимости России¹⁸.

¹³ Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. С. 67—68.

¹⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. С. 156.

¹⁵ См.: Там же. С. 166—168.

¹⁶ Лельчук В. С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975. С. 205.

¹⁷ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 74.

¹⁸ См.: Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. С. 70—96, 108—124.

Желание внести посильный вклад в развернувшуюся в конце 40-х годов кампанию по борьбе с космополитизмом породило серию статей, авторы которых видели свою цель в освещении отрицательных проявлений деятельности иностранного капитала в российском народном хозяйстве¹⁹. Эти статьи своей односторонностью рассмотрения проблемы также породили сомнения в правильности упомянутого тезиса²⁰.

К середине 50-х годов результаты исторических исследований стали приходить в явное противоречие со схемой, заданной «Кратким курсом» истории ВКП(б). В этом состоял, пожалуй, главный итог истекшего двадцатилетия. Он был достигнут коллективными усилиями многих ученых. Но особого упоминания среди них заслуживают П. И. Лященко, И. Ф. Гиндин и Д. М. Шполянский, труды которых²¹, хотя и отразили в себе черты своего времени, но намного опередили его.

Осуждение «культа личности» Сталина и его последствий создало условия для освобождения советской исторической науки от сковывающих ее догм. Оно раскрыло возможности для реализации назревших потребностей изучения процессов капиталистического развития России во второй половине XIX—начале XX в. В результате начавшийся в середине 50-х годов новый этап разработки проблемы социально-экономических предпосылок Октябрьской революции был чрезвычайно плодотворным. Наиболее существенные его результаты представлены трудами А. Л. Сидорова, А. Л. Вайнштейна, И. Ф. Гиндина, С. М. Дубровского, П. Н. Першина, П. В. Волобуева, В. Я. Лаверычева, К. Н. Тарновского, В. Г. Тюкавкина, А. А. Фурсенко, А. Л. Цукерника²². Однако этот

¹⁹ См.: *Гефтер М. Я.* Из истории проникновения американского капитала в царскую Россию до первой мировой войны // Ист. зап. 1950. Т. 35. С. 62—86; и др. Надо отдать должное М. Я. Гефтеру: он был первым и среди тех, кто в середине 50-х годов стал высказывать соображения о необходимости внесения некоторых коррективов в освещение роли иностранного капитала в России, в частности учитывать «противоречия между отдельными его группировками» (Ист. зап. 1954. Т. 47. С. 148).

²⁰ См.: *Бовыкин В. И.* О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 293—311

²¹ *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2: Капитализм М., 1948; *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала. М., 1948; *Шполянский Д. И.* Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX века. М., 1953. Работа Д. И. Шполянского, погибшего в 1941 г. на фронте, была издана посмертно.

²² *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960; *Он же.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; *Вайнштейн А. А.* Народное богатство и народно-хозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960; *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960; *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963; *Першин П. Н.* Аграрная революция в России: В 2 кн. Кн. 1: От реформы к революции. М. 1966; *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; *Лаверычев В. Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900—1917 гг.). М., 1963; *Тарновский К. Н.* Формирование государственно-монополистического

этап оказался незавершенным. Большая часть исследований по социально-экономической истории России капиталистического периода, начатых во второй половине 50-х годов, не была закончена. Обращаясь к архивным документам, материалам статистики и прессы, историки как бы «увязали» в огромных массивах информации. Их работа затягивалась. Это стимулировало активизацию источниковедения проблемы, разработку методики изучения массовых источников и применения математических методов, а также попытки внедрения коллективных форм исторического исследования²³.

Однако изменения, происшедшие в общественной жизни страны в середине 60-х годов, оказались восприняты рядом историков, как сигнал к отказу от того, что было сделано в предшествующее десятилетие. В этом и заключался смысл так называемого «нового направления» в изучении социально-экономического строя предреволюционной России. Под его воздействием стало свертываться исследование ключевых процессов капиталистического развития, обусловивших созревание в стране материальных предпосылок для социалистических преобразований. Внимание исследователей концентрировалось на различного рода пережиточных явлениях.

И все же усилия «нового направления» навязать советской исторической науке под видом постулата о многоукладности России модифицированную, но по существу старую схему, в основе которой лежали сталинские представления о процессах, обусловивших Октябрьскую революцию, не увенчались успехом. За прошедшее десятилетие творческого освоения ленинского наследия у нее накопился достаточный иммунитет против догматических построений, противоречащих результатам исторических исследований. Решающую роль при этом сыграли труды Н. М. Дружинина, И. Д. Ковальченко, П. Г. Рындзюнского, А. М. Анфимова, А. М. Горюшкина²⁴, которые показали несостоятельность утверждений о некапиталистическом характере аграрного строя России, составлявших основу представлений о ее многоукладности.

капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966; Фурсенко А. А. Нефтяные тресты и мировая политика: 1880-е годы—1918 г. М.; Л., 1965; Цукерник А. Л. Синдикат «Продамет». М., 1959.

²³ О важнейших результатах см.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

²⁴ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе: 1861—1880 гг. М., 1978; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок: XVIII—начало XX века. М., 1974; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России: 1850—1880 гг. М., 1978; Он же. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983; Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX—начало XX века). М., 1969; Он же. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980; Он же. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881—1904 гг. М., 1984; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976.

Вместе с тем, благодаря им историки, разрабатывающие проблемы российского империализма, получили более детальные и всесторонние данные, характеризующие «подпочву» монополистического капитализма в России.

Все это способствовало возрождению изучения процессов обобществления производства, развития монополий и финансового капитала. О его плодотворности свидетельствуют, в частности, только что опубликованные книги В. Я. Лаверычева и А. П. Корелина²⁵. Но поскольку многие историки, занимавшиеся проблемой складывания материальных предпосылок Октябрьской революции, в результате воздействия «нового направления» перешли на другую тематику²⁶, активизация ее разработки была в значительной мере связана с приходом в историческую науку молодых исследователей. К сожалению, их подготовку и развитие сдерживали общие негативные процессы, обусловившие снижение мобильности научных кадров и ослабление их творческих стимулов.

Провозглашая в качестве одной из задач перестройки советской исторической науки возвращение к упоминавшемуся выше «новому направлению», П. В. Волобуев уверяет, что представляющая это направление группа историков «дальше всех отошла от сталинских схем и продвинулась вперед по пути освоения ленинского наследия и понимания противоречивой действительности кануна и огненных лет революции»²⁷. О том, в какой мере это соответствует действительности, могут дать представление основные вехи творческого пути самого П. В. Волобуева. Он начал его с утверждения в 1955 г., что участие иностранного капитала «придало русской нефтяной промышленности заметно выраженный полуколониальный характер»²⁸, сделанного в противоречии с использованным фактическим материалом, но в согласии со схемой «Краткого курса». В следующем 1956 г. при характеристике монополистического капитализма в России П. В. Волобуев делает уже акцент на его зрелость и не упоминает о «полуколониальном характере»²⁹. В опубликованных П. В. Волобуевым в 1962 и 1964 гг. двух монографиях — «Экономическая политика Временного правительства» и «Пролетариат и буржуазия России в 1917 году» — дана в целом хорошо обоснованная фактами картина итогов капиталистического развития России накануне Октября. Справедливо указывая, что судьбы страны решались в это время в ожесточенной борьбе пролетариата и буржуазии, он писал: «Объективной основой борьбы пролетариата и буржуазии явилось наиболее жгучее противоречие капиталистического общества — противоречие между трудом и капиталом. Обостренное войной и разрухой,

²⁵ Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России: Конец XIX—начало XX в. М., 1988; Лаверычев В. Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988.

²⁶ См.: Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России: Конец XIX в.—1908 г. М., 1984. С. 9—14.

²⁷ Наука и жизнь. 1987. № 11. С. 11.

²⁸ Волобуев П. В. Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903—1914) // Ист. зап. 1955. Т. 52. С. 82.

²⁹ См.: Волобуев П. В. Монополистический капитализм в России и его особенности. М., 1956.

оно выдвинулось на первый план и послужило главной двигательной силой новой революции в России»³⁰.

Оставив затем конкретно-исторические исследования и занявшись общеисторическими построениями, П. В. Волобуев с середины 60-х годов стал делать иные акценты. В брошюре «В. И. Ленин об общих закономерностях Великой Октябрьской социалистической революции» (М., 1966), обращая внимание на «аспекты ленинского анализа особенностей России, вытекавших из ее отсталости», он приписал В. И. Ленину положение о том, будто в России «капитализм не успел утвердиться в качестве господствующей системы в сельском хозяйстве»³¹. Год спустя, характеризуя общественно-экономический облик России накануне Октябрьской революции, П. В. Волобуев отметил «черты сходства» ее не только «с передовыми странами Запада», но также «со странами, находившимися на более или менее низком уровне капиталистического развития», и даже «с полукOLONиями и колониями империализма»³². На этом пути он пришел в 1970 г. к выводу о том, что «залогом Октября» послужила нерешенность задач буржуазно-демократической революции в России³³.

Наконец, в недавно опубликованной книге «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность», характеризуя многоукладность как «зримый результат колониального наследия, поскольку она была порождена деформирующим воздействием мировой капиталистической системы на эволюцию внутренней социально-экономической структуры ее колониальной и полуколониальной периферии», как «яркое проявление социальной отсталости развивающихся стран, сильнейший тормоз на пути их капиталистической модернизации»³⁴, П. В. Волобуев выводит объективную потребность социалистической революции в России из якобы присущей ей многоукладности: «В конечном счете многоукладность экономики не только деформировала и усложняла развитие капитализма, но и порождала такую сумму социальных и экономических противоречий, которые могли найти разрешение лишь посредством коренного общественного переустройства»³⁵.

Хочется надеяться на то, что перестройка в советской исторической науке не пойдет по пути реанимации старых догм и придания им более «современного» вида, а будет важным, качественным шагом вперед в направлении подлинно научного познания прошлого, основанного на глубоком и всестороннем исследовании всей необходимой совокупности фактов с позиций марксистско-ленинской методологии истории. В области изучения социально-экономических предпосылок

³⁰ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964. С. 3.

³¹ Волобуев П. В. В. И. Ленин об общих закономерностях Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966. С. 40.

³² Волобуев П. В. Об общеисторическом и национально-особенном в опыте Октябрьской революции. М., 1967. С. 5.

³³ Волобуев П. В. Характер и особенности Февральской революции // Свержение самодержавия. М., 1970. С. 24, 37.

³⁴ Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987. С. 289—290.

³⁵ Там же. С. 141.

Великой Октябрьской социалистической революции на этом направлении сделано уже немало. Назревшей задачей, от решения которой во многом зависит дальнейшее продвижение, является анализ внешних и внутренних взаимосвязей процессов развития и функционирования российского капитализма. Он позволит составить более ясное представление о механизме взаимодействия отдельных компонентов народного хозяйства России (сельского хозяйства и промышленности, производства и инфраструктуры, центра и окраин и т. д.) и о месте последнего в мировой капиталистической системе*.

* * *

Выше речь шла о процессах социально-экономического развития, обусловивших объективную необходимость и возможность социалистической революции в России. Следует, однако, иметь в виду, что эта возможность могла быть реализована лишь при наличии в стране политических сил, способных на осуществление такой революции. Обращая внимание на роль субъективного фактора в назревании и свершении революции, В. И. Ленин отмечал, что старое правительство «никогда, даже и в эпоху кризисов, не „упадет“, если его не „уронят“»³⁶. Наличие такого фактора — непереносимое условие превращения революционной ситуации в революцию. Разъясняя это, Ленин указывал, что «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство...»³⁷. Такая способность обеспечивается политической партией пролетариата — выразителем его интересов и организатором революционной борьбы.

Ленинская партия, возглавившая российский пролетариат, высоко подняла знамя социальной революции и завоевания диктатуры пролетариата, от которого отказались оппортунистические партии II Интернационала. Она объявила войну капитализму, провозгласив в своей программе в качестве основной задачи российского пролетариата осуществление социалистического преобразования общества. Партия вооружила российский пролетариат передовой революционной теорией, а также стратегией и тактикой, обеспечившими ему поддержку широких масс трудящихся, и прежде всего трудового крестьянства. В ожесточенных идейных боях она оберегала пролетариат от разлагающего влияния оппортунизма, спланивала его ряды. Подвиг ленинской партии, которая, пройдя вместе с российским пролетариатом через горнило трех революций, привела его к победе в Октябре 1917 г., явился решающим условием этой победы. Его история заслуживает особой книги.

* В истекшем 1987 г. проблемы социально-экономических предпосылок социалистической революции в России вновь привлекли к себе особое внимание историков. По этим проблемам высказываются различные взгляды. Издательство надеется, что их всестороннее обсуждение в научной печати будет способствовать дальнейшему плодотворному изучению истории Великого Октября. — *Ред.*

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 219.

³⁷ Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая	
Ленин о социально-экономических предпосылках социалистической революции в России	6
Глава вторая	
Капиталистическая эволюция аграрного строя	27
Глава третья	
Развитие промышленности. Утверждение монополий	49
Глава четвертая	
Развитие банков. Формирование финансового капитала	78
Глава пятая	
К вопросу о характере и уровне российского капитализма	89
Глава шестая	
Россия в мировой капиталистической системе	120
Глава седьмая	
Влияние «могучего ускорителя»	134
Заключение	143

90 коп.